

ИМПОРИУМ

I

«СЛЕДЯЩИЕ ТЕНИ»

КНИГА 1

КРИСТИАН ДРЕЗДЕА

16+

Кристиан Дрездеа

Импориум 1. Следящие тени. Книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66538814
SelfPub; 2023*

Аннотация

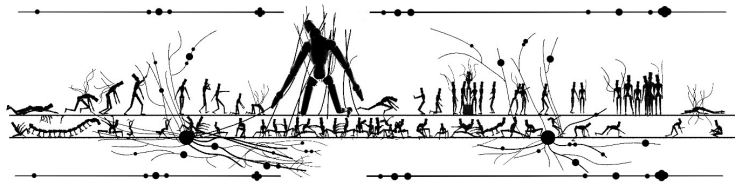
Она приближается. Её шаги вызывают землетрясения, вздох закручивает ураганы. Это было обычное утро, проснувшись после ночного кошмара юная героиня ещё не знала, что вскоре реальность станет воплощением самого ужасного сна. Смотря в окно, не знала, что за стенами величественного дома гуляет жуткая болезнь, а один заражённый уже наблюдает за ней из соседней комнаты. Ибо плоть мёртвой богини породила скверну. Рассматривая своё отражение в зеркале, не знала, что вскоре из-под земли ползут безжалостные и навечно проклятые. Ибо мать-богиня проголодалась. Впрочем, слушая шум неработающего телефона, знает, что зовущий на помощь сигнал отправлен. Вот только услышат ли этот зов из далёкого поселения, когда мир рвет на куски мятежи и анархия?

Содержание

Пролог	8
Часть 1. Бледные лица.	23
Глава 1.	23
Глава 2.	50
Глава 3.	89
Глава 4.	131
Глава 5.	157
Глава 6.	178
Предпоследняя глава – "Бледные лица".	190
Последняя глава – "Бледные лица".	210

Кристиан Дрездеа

Импориум 1. Следящие тени. Книга 1

*"Мы никогда не остаёмся одиноки, они всегда рядом с нами. Тянутся за спиной, произрастают от окружающих предметов и людей. Исчезают лишь в ярком свете или растворяются в крошечной темноте. От их навязчивости не по себе, ни скрыться, ни убежать. Некоторые гораздо темнее и сложнее остальных, спрятаны за бесчисленными поворотами зданий, оставлены на перекрёстках дорог. Порой мне действительно кажется, что они смотрят, но куда сильнее меня донимает чувство, что они...
... следят."*

Первая статья из газеты "Новости городов".

"Тревожные вести приходят в редакцию, на полученных

письмах слова: **война**... оружие... насилие... **смерть**... Мы в свою очередь можем сообщить, что акции протестов поглотили города, в дыму костров исчезли крыши многоэтажных зданий, в пламени пожаров растворились контуры правительственных небоскрёбов. Теперь всё то, что возделывали предки десятки лет, рухнет под рукой экстремистских организаций. Незаконные собрания профсоюзов, тайные организации бунтовщиков стали истоком погромов и кровавой бойни. Слышатся звуки выстрелов, гремит канонада взрывов. Отовсюду приходят сообщения о большом количестве пострадавших, а также погибших. Раненые ждут смерти в ногах толпы, неубранные тела мёртвых находят покой в грязи канализаций.

Требования участников забастовок неясны. Президиум правительства пообещал в кратчайшие сроки пресечь деятельность радикалов и восстановить порядок. К другим новостям..."

(Между строчек маленьким шрифтом полупрозрачными чернилами послание, рассчитанное на тех, кто будет читать через лупу или в очках: "Они все врут". Рядом с последней буквой символ, похожий на два расправленных крыла птицы)

...

Одна из последних статей газеты "Новости городов", расположившаяся между информацией о старте продаж ювелирных изделий и рекламой новых духов.

Пропал ребёнок.

"Родители с социальным свидетельством типа «А-3» общаются о пропаже ребёнка, девочки семи лет того же статуса. Со слов законных представителей несовершеннолетней, их дочь, как обычно, пошла поиграть во дворе. В этот день ничто не выдавало опасности, не вызывало тревог. Огромный железный замок свисал с ворот. Улица была пустынная, ни один гость не спешил с визитом. Настал обеденный час, но девочка так и не вернулась. Ни родственники, ни соседи её больше не видели. Передают своё сообщение убитые горем родители.

За последние две недели в список пропавших внесён уже восьмой ребенок. Всего же не сосчитать количество детских душ, канувших в неизвестность.

Дети теряются без следа, найти причины их исчезновений ни в одном случае так и не удалось. Отпечатки крошечных ног размываются дождём, уходят по непролазным тропам. Ведущий дела следователь считает, что связей между пропажами нет, иные мнения лишь домыслы необразованной толпы. Потерянные принадлежат разным социальным группам, разных возрастов и даже разных полов. Но, возможно, увидеть истину, крутящуюся под ногами офицеров полиции, мешают их огромные пивные животы.

Немало печали приходит вместе со словами репортёров, в их докладах говорится о безнадёжности. Круг властных устремил свой взор на города и бесчисленные протесты, за-

тратил на поддержание мира и собственного комфорта все средства полицейских структур. Нет у обожествлённой элиты никакого интереса до поисков чьих-то детей. Размякшие в уюте и теплоте они и не видят, что в это же время у них за спиной происходят страшные вещи.

Исходя из сложившейся обстановки, просим наших читателей быть особо бдительными и любые полученные сведения, касающиеся пропавших детей, присылать в редакцию.

Держитесь на связи. Не уходите по одному."

Пролог

Я не вижу... но я слышу... оно подбирается всё ближе...

Зелёные глаза замерли на сером полотне неба. Пытаясь найти что-то за облаками, они медленно перемещаются из стороны в сторону. В них нет места для страха, тревог, открывается путь лишь безграничному умиротворению и незыблемому покою. И губы с торчащим между зубов зелёным колоском, бледное расслабленное лицо, как и раскинутые около головы руки, – свидетели ухода от насущных проблем.

Безмятежность дня коснулась и эту совсем юную девочку не более шестнадцати лет от роду. Она лежит в высокой траве сырой от росы, вокруг так много воды, ткань её чудесного белого платья напиталась, а местами вовсе промокла насквозь. Но это нисколько не волнует, девочка смотрит на вершину мира, и, кажется, ничто не может растревожить гладь этого омута спокойствия.

Небо мрачное, тусклое, переполнено огромными чёрными тучами, что медленно плывут за горизонт, образуя одну беспросветную тёмную массу. Сегодня всё утро тревожат невзгоды, день получается хмурым и серым, то и дело моросит дождь, набирает силу холодный ветер. Впрочем, сейчас глас бурь немного стих, взял паузу, а свет, рассеиваясь под облаками, приносит окружающему миру белые тона.

В стороне зазвучали женские голоса. Их же обладательницы, должно быть, идут по тропинке неподалёку, единственной узкой полосе, свободной от густо сросшейся травы. Перемещение выдаёт шелест листьев под ногами, шорох длинных платьев.

Незнакомок не видно, но и тогда с уверенностью можно сказать, их головы опущены на грудь, руки свисают ниже пояса. Мозоли на ладонях всему вина. И лишь их голоса, неподвластные обременяющей ноше забот, перетекают в один монотонный музыкальный поток. Не как приближающиеся незнакомки принялись запевать? Песня у них получается протяжная и грустная.

Должно быть, это женщины – работницы возвращаются с поля после трудового дня. Девчонка как раз ждет попутчиц, дабы оживить одинокую прогулку до дома. Вот только сейчас вставать и уходить совсем не хочется, к кругу повседневных причин остаться в траве добавилась ещё одна. Руки в этот день, так сказать, не очень чисты, украденное платье изящно облегает тело. Тётка-опекунша не досчитается одного. И да, были причины. Сейчас же сложно представить, какой кошмар ждёт дома. Особенно если учесть эти чёрные пятна грязи, что бесповоротно испортили идеально белую кружевную ткань забранного без разрешения наряда.

И, с целью узнать сколько времени у неё осталось, девчонка лишь приподняла голову, но из-за высокой травы увидела лишь высокую траву и ничего больше.

Сегодня её не покидают скверные чувства, предчувствие опасности, кажется, что вот-вот произойдет нечто плохое, непоправимое. За украденное платье, конечно, ждёт наказание, но это будет не первые её синяки. Скрывается нечто другое куда более опасное, чем пара вывихнутых пальцев и ссадин. *Текущая кровь страшна лишь в больших количествах.* Но она не понимает, откуда берутся подобные мысли, её малая родина всегда была оплотом безопасности для хрупкой девчонки. Что же здесь может угрожать? И вот сейчас голос ниоткуда шепчет, просит оставаться в этом укромном уголке среди высокой травы, где никто не сможет отыскать, никто не сможет найти.

Но есть ли вообще в этой долине тот, кого стоит бояться? Есть ли тот, кто ждёт её, поджидает? Потеряв из виду, теперь старательно выискивает.

Девочка не знает, её мысли блуждают, виляют, не могут найти точку остановки. О, воспоминания. Ей хочется думать о ярком светлом мире раннего детства с запахом горячей выпечки, предрасветной свежестью росы. Но всё что получается из прошлого достать только боль.

Огонь разделил её жизнь на до и после, перед глазами до сих пор стоит слепящее всепожирающее пламя, во рту чувствуется вкус гари, а в ушах звенят голоса заживо сгораемых людей. Представить ещё раз куски обгорелой кожи, обугленные лица. Ужасно среди них узнавать знакомые черты, форму носа или же расположение глаз. Большого огонь не остав-

ляет, поглощает желаемое и осушает недоступное.

Пламя забрало всех, кого она любила, и с тех пор практически беспризорница. Её, по правде сказать, приютила тётка, но уж лучше бы та оставила на улице на попечение крысам. Нет больше внутри того ресурса, чтобы терпеть её удары, издевательства, грубую речь. Спать холодно на голом каменном полу. Помыться негде кроме как в канаве со стоячей водой. Мух надоело вылавливать из миски с тошнотворной кашей. Тягостны ласки престарелых ухажёров тётки. Красны щёки, болят бёдра. Обходится с племянницей хуже, чем с дворовой собакой, трясёт ей как своей тряпичной игрушкой, забавляется.

У тётки пять родных детей и есть о ком заботиться и без очередного голодного рта, который к тому же имеет дерзость и порой что-то просит. Ему все равно не достаётся ничего кроме огрызков хлеба, зачем же зазря дразнить своих владельцев. Им зачтётся жестокость, хочется в это верить. Первый же урок попыталась преподнести сама девчонка. В пред-рассветный час у одной из дочек тётки, а именно у любимицы "младшенькой", украла платье, самое ценное для сердца двоюродной сестры и самое дорогое для кошелька её мамы. Цена будет высока для них всех.

Вокруг поток воздуха превращает зелёную массу травы в огромный подвижный океан со своими импровизированными волнами, он холодный и пробирает до костей, а мокрое платье усиливает эффект. Очередной порыв ветра и вырвал

девчонку из нескончаемого каскада воспоминаний, перепугавшись своей задержки, она тут же вскочила с земли.

Сырая ткань дискомфортно облипла по телу, от долгого отдыха заныла спина, травинки присосались к обнажённым ногам. Но неприятные чувства не главное, что взволновало. Взглядом она попыталась найти женщин, чьё пение вот только слышалось, но поблизости уже никого нет, лишь нескончаемое море травы, что тянется до самого горизонта. И нет ей конца, скорее кончится земля, но только не эти травинки.

Девчонка прислушалась. Звуки песни также унеслись прочь, смолкли в шелесте листьев. Но как же так быстро ушли, ведь отвлеклась только на одну минутку не более. Наверно, очень спешили, вот – вот начнётся дождь, его первые и такие крупные капли уже приносятся ветром, попадают на лицо, затем стекают словно слёзы.

Кажется, всё, пора возвращаться. Если не успеет, непогода настигнет прямо в пути.

Подняв упавшие с плеч лямки платья, поправив прилипшую к телу ткань, девчонка собралась идти.

Долина тянется до самого горизонта и нет ей конца, рельеф однообразен, лишь высокая трава, выстроившаяся вся под один уровень. И только здесь на фоне сросшегося тёмно-зелёного массива выделяются два дуба. Один маленький и почти полностью сгнивший, некогда вобравший в себя удар стихии вместе с разрядом молнии. Пламя бушевало на листья, до сих пор с коры дождями не смылась гарь. Другой

дуб значительно крупнее, за всё время своего существования только пребывает. Настоящий титан с массивным стволом, сотней раскинувшихся по сторонам ветвей, толстыми торчащими из рыхлого грунта корнями. Должно быть, вытянул из земли все соки, уж не зря вся трава рядом засохла, кустарники рассыпались. Некоторая особенность в рационе питания сделала все его немногочисленные листья тёмно-зелёного почти чёрного цвета.

Оба дуба произрастают здесь на развилке дорог. Девочка стоит всего в нескольких шагах от них. Желание укрыться от дождя приманило под эти кроны. И какие же ветра занесли семена их начала в далёкие степные края?

Всё бы ничего, не будь с ними связано столько переживаний. Это второе дерево, что покрупнее, девочке очень не нравится, оно напоминает какое – то застывшее чудовище, вылезавшее из скрытого от глаз царства. Сам его ствол весь кривой и искажённый, как насмешка над гармонией природы. Он же изрыт десятками когтей и клювов, кое-где ещё сохранились давно брошенные гниющие дупла. Ни один птенец не окрылился в старом дереве, их крохотные косточки ещё не везде вросли в кору.

А ведь вблизи зловещий дуб выглядит довольно ужасно. Старые брошенные дупла, будто пара глаз, пристально взирающих на свою жертву, ветви над головой, словно сети, готовые вот-вот захлопнуться, массивные корни – тысячи шупалец. И как же девчонка к нему близка. Как же тягостно

осознавать, что теперь в долине они остались вдвоём. Уже некого ждать.

И вот только сейчас заметила, как стало тихо вокруг, ветер смолк. Ни одна травинка, колосок, куст больше не осмеливаются шевелиться, всё замерло. В этой тишине становится волнительно даже дышать, издать звук, разрушить непреложное безмолвие.

Хотя... что-то его всё-таки нарушает, слышится еле уловимый скрежет по дереву, такой настойчивый, неугомонный, словно... не хочется думать, нет... нет... но это будто когти сдирают кору со ствола дерева. Как давно появился этот звук? Поблизости проделывается какая-та тайная работа. Ответственный за неё расположился с ненаблюдаемого края ужасного дуба. Где ему ещё найти укрытие?

Разве ты не знаешь? Детям лучше не оставаться без присмотра родителей, девчонка же брошена посреди тёмно-зелёного моря. Сюда не приносятся голоса людей из далёких поселений, не заходят уставшие путники, не заводят стада овец пастухи. Оттого и трава высока, почва деградировала, а на кустарниках вместе с карликовыми деревьями более не растут плоды, нарастают лишь колючие шипы. Оттого же девчонка осталась совсем одна. Её шаг прочь от деревьев стал великим оскорблением.

Осыпаящиеся с дерева погнившие листья, кренящаяся крона, молчаливые кусты, лёгкие дуновения, ледяная кровь и кожа, покрытая коркой плотных рядов мурашек.

Девчонка опустила глаза на свои онемевшие ноги, как если бы пыталась понять на месте ли они. Когда вновь подняла взгляд на дерево, из – за него уже высунулось нечто.

Оно появилось очень тихо, незаметно и быстро. От его вида девчонка вскрикнула, с силой зажмурила глаза. Через непродолжительную паузу открыла вновь. Фокус не удался, то, что высовывалось между деревьями, по-прежнему выглядывает из своего укрытия.

Это человек?

Рослый с широкими плечами, крупнее любого, кого только знает девочка. Особенно он удался в длину, наверно, перевалил через два метра. На его голове нет волос, а кожа тёмная, как если бы гнила. Мерзкая на вид, словно оплавленная плёнка. Впрочем, хорошо, что основную часть его тела закрывают тряпки, непотребного вида вещички. Тут и прожжённые брюки, и джинсы, и серые штаны от костюма. Сверху рубашки, кофты и ещё что-то вроде свитера. Над всем свисает чернее сажи грязная куртка. Какая-то странная мода нацеплять одежду друг на друга в несколько слоёв, при много это и придаёт ему весь объём, быть может, за слоями тканей тело худое и тонкое. Слабое и стеснительное.

Сказать бы ещё про лицо, вот только оно спряталось под ужасной маской. На той нарисованы огромные приветливые глаза, широко распахнутый рот, нос – пороссячий пяточок. Цвета не пропали с физиономии, сильно потухли, но всё ещё можно распознать их радужные оттенки. Явно очень старая,

возможно, десятки лет крутилась под куполом цирка на лице не слишком симпатичного артиста.

Оно неподвижно, лишь вновь заигравший ветер шевелит все его одеяния. Манекен, что ли? Уродливая кукла, какую сюда привязали глупые шутники. Должно быть стащили из магазина такого пластикового Кена, жгли на костре, а затем облачили в грязные ненужные одежды. Страшная работа вырывает сердце из груди.

Значит, чучело? Однако же это объяснение не даёт девочке вернуть потерянный контроль над своим телом. Вся дрожит, трясутся ноги, руки, и, если бы не держала ладонью рот, наверняка стучали бы и зубы.

Впрочем, навязчивая детская идея, что впереди всего лишь приманка, отвлекающая взгляд, заставили девочку быстро оглянуться. Последовало весьма резкое и неожиданное движение головы, плеч и талии. Возникшее напряжение мышц в ногах станет заметно только для самого наблюдательного. Та тварь, торчащая из-за дуба, этого не ожидала. Она неправильно поняла сего намерения. Незадачливая. Да, гадость испугалась, что девочка вот уже собралась бежать. Оттого, должно быть, тварь дернулась в самый неподходящий для себя момент. Когда оно поняло своё ошибку, было поздно вновь притворяться пугалом. Девочка встретила взглядом его явно осмысленные движения. Одухотворенность чучела раскрыта.

И тогда оно пошло. Такое это существо неестественное.

Тварь движется, как актер театральной труппы, высоко поднимая колени. И раз за разом невероятно удачно ставит ноги, не задевая ни единого корня на земле. Свою же голову оно тянет вперед словно таран, идущий на крепость. Ужасен. Местами покрыт толстым слоем сажи. Следы огня на нём повсюду. Ожоги обхватили шею, обгорелая ткань зацепилась за тело. Он как будто вылез из того пожара, из её кошмара.

Девочка замычала, начала отступать. Мышцы стали как заржавевшие механизмы, еле проворачиваются. Нет свободного места на земле для её неуклюжих шагов. Она часто спотыкается о корни дерева, она хочет упасть к его ногам.

Мысли же о её побеге так тяготимы. А ведь девочка и при всей своей нерасторопности движется на шаг быстрее. Тварь с медлительной театральной манерой не успевает. Посмотрите на его брюки, изломы на ногах, похоже, конечности были переломаны, а кости неправильно срослись. Оно, вряд ли, сможет двигаться быстрее. Оно искалечено. Оно больно. Ему мучительно шагать в ногу с девчонкой, однако же слишком пленительно желание коснуться её лица и кожи. Оно не отпустит просто так.

Видимо, оценив свои слабости, тварь остановилась, спешно вытянула ладонь, разжав все пять пальцев. Все равно что попыталось продемонстрировать свою безоружность, свою дружелюбность. Эмоции, чувства – они ему не так уж и чужды?

Уже следом существо сделало несколько подзывающих

жестов. Одобрительно закивало. На скверное предложение демона девчонка замотала головой. Всё время продолжает искать и находить место для отступления.

А у твари есть и второй кулак, тот приготовил для девчонки подарок, вытянув уже левую руку, чудовище сделало один неуклюжий рывок вперед.

Сразу рассмотреть, что спрятали его пальцы, у девчонки не получилось. Там, видимо, нечто совсем маленькое. Да и стоит ли оно свидания с чудовищем? Но это как чарующее заклятье. Ключ от золотой двери.

Существо волнуется спесь девчонки, тварь нервно трясет своим подарком. И, видимо, не выдержав тягости мук, приз запищал.

Так ведь это щенок. Совсем крохотный, не так давно на этом свете, его маленькие глазки ещё не открылись, на теле нет шерсти. Напуганный, беспомощный, трепыхается и пищит. Ладонь крепко сжимает маленькое тельце, грозит раздавить.

В сей момент осознания у девочки перехватило дыхание. Это почти заставило навернуться слезы на глаза. И она всё быстрее мотает головой. Щурится, притворяется, что он и тут не угодил.

Но существо замечает всё, рассмотрев жалость в чужих глазах, тварь крепче сжимает жертву, заставляя её громче пищать. Сердце простодушное терзать и волновать, кулаки сжиматься, зубы скалить. И вот что оно задумало ещё? Паль-

цами, обхватывает тоненькую розовую шею щенка, вцепился в маленькую головку и...

Девчонка взвизгнула, остановилась. Руки закрыли лицо и на несколько секунд глаза. Замерли веки. Глубокий вдох, что сравним с предсмертным, задерживает в лёгких воздух. Ей пришлось побороть страх внутри себя, прежде чем выглянуть вновь. Её лежащие на лице ладони как щит, за который можно в любой момент спрятаться вновь. Существо же остановилось за миг до того, как свернуть голову жертве.

Девчонка перестала от него уходить, что же... Нечто вновь начала торговать за свой дар. Уже гораздо медленнее и спокойнее. Одной рукой сдавливает всё время пищущего щенка, другой пытается продемонстрировать свою щедрость, мол если девчонка хочет кормить соской беззубый рот, то она может его забрать. Просто подойди и возьми. Добряк... Весельчак... У девчонки слезы на глазах, невыносимо смотреть на то, как он издевается над крохотным щенком, какой в плену мозолистых рук зовёт на помощь маму.

Скинув капли с щек, девочка рукой рассекла воздух.

– Отпусти! – пропищала. И даже дернулась к нему навстречу. Взять бы да забарабанить кулаками по его роже и лапам. Но он слишком крупный для неё...

– Отпусти! – и вновь кричит. А он притворяется или не понимает, жмет плечами, дергает кулаком, лицом, плащом. Зажимается.

Не зная, как ещё ему сказать, какие слова употребить, де-

вочка, подобно некто, вытянула сжатый кулак, немного подождала, а затем разжала пальцы. Мурашки на ногах, волоски на коже встают. Вот только маска существа замерла в направлении лица юной актрисы, и у него нет никакого интереса до её руки, только до лица, до зелёных глаз.

– Я сказала! – опять кричит, топнула ногами. Сжимает, разжимает пальцы.

А тварь всё поняла, по крайней мере, на этот раз точно поняла. Его дружелюбие, отыграв роль, отошло за ширму сцены. Сейчас откинув назад спину, поставив руку на пояс, он демонстрирует раздражение. Эта кроха хочет управлять им? Эта кроха думает, он будет как Каштанка крутиться на задних лапках. Она определённо ошибается.

Существо без особого интереса посмотрело на кулак с щенком. Никак ему стала претить ноша этой гладкой кожи. Маленький нос, нераскрывшиеся глазки, ушки, лапки. Оно подносит до сих пор брыкающиеся тельце к своей лишённой эмоций маске.

Сдавливает до хруста и брезгливо отбрасывает труп щенка в кусты.

– Гадина! – завизжала девчонка.

А тварь убрала руки за голову. Что ещё он...

Раздался тихий щелчок, маска свисла с лица...

Улыбающаяся нарисованная морда сползла вниз, начала легонько раскачиваться из стороны в сторону. Чудовище засунуло два пальца в районе подбородка, стало не спеша стя-

гивать вниз.

С каждой секундой рот девчонки раскрывается всё шире.

Раздался звук падения.

Теперь маска легла в грязь между корней проклятого дуба, приняли подношение сети паутин. Нарисованная угрожающая физиономия устремилась на свою...

Слегка прищуренные глаза девчонки резко округлились, в этот же короткий миг сильно участилось дыхание, принял форму овала рот. Само сердце вот – вот должно будет выпрыгнуть из груди или прямо через горло в распахнутые губы. Она начала разворачиваться и бежать. Охватил пробирающий до костей холод, вцепились когти паники. Девчонка выкрикивает что – то, но звуки не разборчивы. Разлетаются по долине только вопли, вырывающиеся наружу слюни и вместе с ними отчаяние и страх. С раздирающим рёвом ошарашенная девчонка рванулось прочь по заросшей тропинке.

Существо в этот миг даже не шевельнулось. Рука, покрытая запёкшейся кровью, по – прежнему лишена каких-либо ужасающих вещей, угрозу представляют разве что закрученные как у кошки когти на пальцах. Остаётся вся та же старая и рваная одежда, дёргающаяся на ветру. Противостоит потокам воздуха серая лысая голова. Разве что теперь вслед девчонке смотрит лицо, но оно не является лицом в человеческом представлении. Нет носа, от него осталась чёрная дыра размером с монету. Отсутствуют уши, их роль отведена схожим проёмам только побольше и поглубже. Щёки впалые

или же их тоже нет. Но есть рот, слишком огромный для человека, полный длинных и острых зубов. Губы же твари растягивает звериная улыбка.

Последнее, что притянет испуганный взгляд, – пустые отверстия без век, в них нет глаз, впрочем, пока нет.

Оно следит, чего-то ждет. Видимо, травмы его конечностей не дадут ему шанса догнать. Изломы. Вывихи. Сломанные кости... Нет... В следующий миг тварь рванула с места. Побежало с нечеловеческой скоростью.

Нет, оно совсем не медленное, оно быстро как ветер. И длинные изогнутые ноги совсем не мешают двигаться, наоборот, развивают невиданную скорость. Их изогнутая форма не травма, а модификация, предназначенная гнаться и догонять. От такого не убежишь, от такого не скроешься. Хорошая реакция, бесшумность, выдержка, чуткое обаяние – всё как положено... всё как надо... ведь он... хищник, и тот должен питаться. Пронзительный крик – последний звук, что прервал тишину в долине, но и тот *быстро угас*.

Часть 1. Бледные лица.

Глава 1.

– Сегодня опять снились кошмары?

- Да.

– Опишите.

– Описать? Сны – это ведь так не просто, в попытке рассказать о них, сложно подбирать слова, находить подходящие выражения, фразы. Немного неточности и меня неправильно поймут... Ну, пожалуйста, попробую, вы ведь не будете осуждать свою пациентку за грёзы неподвластные её сознанию? Хмм... Я проснулась вся в крови... руки, ноги, лицо. Моё прелестное белое платье стало красным. Я ощущала эту мерзкую сырость, пробирающий холод, а особенно хорошо запах. Его не описать, наверно, так пахнут руки самой смерти. Но это была не моя кровь.

– Что дальше?

– Одно окно и серая грязная комната без двери. Особенно запомнились гигантские чёрные разводы плесени в углах, на стенах и потолке. Я ходила по кругу, не зная, как выбраться. Много исходили тогда мои бедные ноги, постоянно скользили на багровых пятнах. Пару раз и того падала, а вот подняться обратно оказывалось весьма проблематич-

но. Конечности разъезжаются по сторонам как на льду, в таком положении даже не знаешь, где у тебя руки, а где ноги. И могу рассказать вам один секрет на случай, если окажетесь там же... В той комнате нет выхода.

– Что было дальше?

– Птицы. Сперва я остановилась около окна, увидела чёрные тучи, приближающийся смерч. Он шёл прямо на меня, ради меня. Ох, такое ни остановить, ни изменить направления и даже ни замедлить. Это сама стихия, и она не терпит попыток управлять ею.

– Вы улыбаетесь?

– Да, мне казалось, что вихрь призван освободить невинную душу из заточения. Я верила. О, я желала встречи.

– Что было дальше?

– Птицы. Это они создавали завихрения, которые я приняла за смерч. Их было так много. Неисчислимо. И, не поверите, в тот момент меня посетило странное знание, не могу сказать, кто продиктовал пугающую истину. Но тогда, наблюдая из комнаты за несущимися крыльями, я прекрасно понимала, что несмотря на весь свой облик, они вовсе не то, чем кажутся. Не птицы. Души людей, некогда ступавших по земле. Дети, мужчины, женщины – теперь часть роя. Все чёрные, измученные голодом и жаждой. Такими они стали в пустыне, лишённой каких-либо составляющих. Только знойное солнце и горячий песок.

– Что было...

– Дальше? Кровь. Снова кровь. Они пробились через стекло, накиннулись на меня. Некоторые принялись слизывать то, что уже покрывало мою одежду и кожу. Другие, не столь гуманные особи, разрывали по частям. Забрызгала моя алая кровь, полетели корявые куски отгрызенной кожи. Птиц очень интересовали внутренние органы. Вспороли живот и полезли один за другим. Их там много копошилось в итоге. Как черви только куда крупнее. И страсти в них было... ох.

– **Снова улыбаетесь?**

– Да, не знаю так ли оно в реальности, но во сне наблюдать, как тебя разбирают по частям, весьма забавно. Можете себе представить, даже левый глаз выколупали и, как бы абсурдно это не звучало, выкололи глаз прямо на глазах.

– **Ну и что же было дальше?**

– Они улетели.

– **Вы остались живы?**

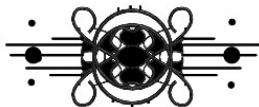
– Да, наблюдала за тем, как отдаляются мои палачи, на тот момент одна стена рухнула, всюду валялись кирпичи, осколки стёкол и там всякая дрянь. Зато открывался неплохой вид на багровый горизонт, чёрную бесконечную пустыню и уходящие вихри роя. Сама вся в клочья: кожа свисает рулонами, руки объедены до мяса, от ног остались только кости. Я ползла, а оставшиеся во мне внутренние органы сыпались по пути. Это было... некрасиво. Ну, вы себе представляете. Ведь представляете?

– И что вы делали тогда?

– Начала есть. Да, есть. Из птиц тех, кто остался, достигнуть их оказалось весьма просто, безвольные твари. Ещё подбирала остатки своего тела. О, я упивалась собственными потрохами, как изысканным деликатесом.

– Какой ужасный сон.

– Да нет же, самый обычный.

Гретель с криком вскочила на локти, судорожно заползала по кровати. Она размахивает руками, крутит головой по сторонам. Вокруг бегают тени, мелькает тусклый свет. Безумный ритм сердца не замедляется, требует найти источник угроз. Во взгляде читается волнение, в выражении на лице тревога. Лишь через несколько минут девчонка наконец смогла успокоиться.

– Кошмар. Снова. С тех пор как мы вернулись в старый дом, они снятся мне каждый день, – тихим от усталости голосом прошептала Гретель, потёрла бледный лоб.

Девчонка четырнадцати лет с выразительными зелёными глазами, как у её матери, с маленьким аккуратным носом, как у её отца, и тонкими губами, как у кого – то ещё. Худощавая. Кожа бело-молочного цвета. На фоне присущего её

телу белого и бледного ярко выделяются тёмно-каштановые волосы. Они же сейчас уложены в сложную причёску, представляющую собой большое количество переплетений волос и одну аккуратную косу. Красивая работа, на неё явно было потрачено немало времени. Что до остального? Она явно не успевает наравне со сверстницами гнаться за широко шагающими модными журналами. На её тонких пальцах с короткостриженными ногтями нет маникюра, помада ещё никогда не ложилась на губы. Не рисовались брови, не мазались щёки. Единственное, что поддавалось корректировке тушью – её и без того выразительные глаза.

Гретель смотрит на окно, плотно занавешенное клеёнкой. «Какая жизнь такие и шторы», – вновь вспоминаются слова дедушки, они словно эхо, вызывающее из далёких глубин. И звучат так, будто было это много-много лет назад.

Через занавес пробивается мало света, и в комнате настоящий мрак, но в то же время появившиеся тени выдают наступившее утро. Порой после кошмаров Гретель подолгу отходит, сидит на кровати, качается взад-вперёд по несколько часов. Но в это утро у неё что-то неприятно бурлит в животе, сильно хочется есть, голод зовёт на поиски.

– Тсссссс... Ааааа... – простонала Гретель, приложив руку к туго затянутым в косы волосам. – И как я со всем этим спала?

В этот момент на глаза попались пальцы. Вроде бы, её, но что-то такими она их не помнит. Под ногтями забились уже

засохшая кровь, а в одном месте, где обычно образовывается заусенец, оставлена достаточно глубокая ранка. И если это было всё... На правой ладони среди синяков виднеются глубокие следы от зубов. А покрутив руки, обнаружили и финальные штрихи – длинные красные полосы с проступившей кровью. Обилие ран, но откуда это? Её руки не были такими, когда она вчера засыпала.

Странно видеть на себе раны, но куда более странно видеть на себе чужую кровь. И Гретель поспешила спрятать от собственного взора неугодные руки.

Ещё немного потерянных секунд, мгновений, когда, в надежде вернуть голову на мягкую подушку, глаза раз за разом слипались, и Гретель собралась встать, поставила босые ноги на пол. Под ними заскрежетало, нечто острое уколело в незащитные стопы, особенно неприятно от мелких шершавых частиц, проскользнувших между пальцев. Штукатурка не иначе, её усеян весь пол, а в придачу и окружающая мебель. После возвращения домой не успели, даже скорее не смогли, привести здание в порядок. Тут всё остаётся в ужасном состоянии. Комната Гретель и того напоминает уже давно заброшенное помещение, пропитанное антуражем забытого бункера.

Со стен слезают обои, оголяя другие, что были наклеены когда – то до них. С потолка сыплется штукатурка, откуда по мере разрушения всё сильнее показывает себя ржавая арматура. Полы, покрытые деревом, истёрлись, а местами и во-

все прогнили до такой степени, что через доски стали лазать крысы. Теперь те стали частыми гостями в этой комнате, грызут игрушки.

Здесь скудный набор мебели, основную часть комнаты занимает обилие коробок и ящиков. Не пустых, стоит заметить. Забитые неисчислимыми игрушками, раскрасками, тетрадками и всей прочей мелочью. Следы прошлой жизни.

Девчонка направляется к двери, сильно хочется есть, её буквально выворачивает наизнанку, вот-вот и будет готова грызть ножку своей кровати. Время как раз к завтраку. Конечно, надо одеться, это ночное бельё: лёгкая полупрозрачная футболка да пижамные брюки, всё изношенное чуть ли не до дыр и до голой кожи, не годятся для завтрака в представительной семье. Но успеть к завтраку хочется гораздо сильнее, чем искать свои тряпки, которые куда – то пропали со спинки стула. Джинсы и рубашка, они что сбежали? Кто-то опять пытается с ней играть? Снова дурачатся мальчишки? Мама возьмёт за ухо, наругается, скажет, что выходить в таком виде непорядочно для женщины, но это будет не в первый раз.

– Что интересно сегодня на завтрак? – с предвкушением обдумывает девчонка, опускает ручку двери, одновременно толкает от себя. Не открылась.

– Может быть, оладьи со сгущёнкой или свежее испеченные вафли с вареньем, ой, текут и текут кремовые начинки с пирогов и текут прямо на пальцы, – продолжает раздумывать,

вновь дёргает ручку и упирается в дверь. И вновь не открылась.

Мысли о завтраке сразу куда-то пропали, теперь сосредоточились на возникшем на пути препятствии. Не зная, что попробовать ещё, Гретель заглянула в замочную скважину. Ничего там не видно. В коридоре всегда полумрак, но сейчас этот глазок явно чем-то закрыт.

– Меня уже лет двадцать не запирали, – прошептала четырнадцатилетняя девчонка, – а если запирали, то всегда предшествовал какой-то повод, вчера же был самый обычный день. Чем же я согрешила? Какой проступок вызвал немилость и неумолимый гнев. Меня связали и бросили на голодную смерть? Ох-ох-ох... Хорошо, что у такой хитрой и проворной девчушки, как я, всегда есть запасной вариант, как и запасной ключ.

Никакой серьёзности.

Девчонка вернулась к кровати, опустилась на колени, маленькие камушки и здесь впиваются в кожу. Больно, впрочем, это её повседневное положение при котором она читает вечернюю молитву. Что сказать, мама заставляет, каждый вечер строго следит за исполнением наказа. Когда её дочка капризничает, пристрастилась опускать непослушницу на колени, посредством давления на плечо. Сильные руки у матери, болезненные плечи у девочки.

Как будто так молитвы звучат громче, или боги в ином случае не примут просьбу. Мол, не пройдут по протоко-

ду *Поклонения создателям мира* и *Высшим существам* номер тра-та-та, глава ты-ды-ды, пункт третий, шестая строчка снизу. Нужно смирение и безропотное подчинение? Сейчас, конечно, Гретель планирует не воздавать хвалу богам, не сильно она в них верит, дверь своими могучими перстами они ей не откроют. Опершись одной рукой на кровать, другой пытается нашарить что – то под ней.

То место под матрасами не стало исключением в вопросе лишнего свободного пространства, море коробок нашло себе небольшую бухту. Отовсюду торчат нескончаемые игрушки. Где – то выглядывают стеклянные глаза куклы, где – то, угрожающе раскрыв пасть, высовывается динозавр. Всё это её нелюбимые вещи, отправленные в коробки на вечное заточение.

Левая рука Гретель упирается в пол, другая забирается в небольшое тёмное отверстие между торчащим матрасом и деревянным каркасом.

Буквально в следующую секунду нащупала ключ. Маленький, уверенно помещается на двух сложенных пальцах. Ключ уже наполовину ржавый, продет на верёвочку, на которой помимо него самого мотается вырезанное из картона фиолетовое сердечко.

Резкий удар по стеклу отвлек внимание. Что-то врезалось в окно, но через клеёнку сразу и не узреть. А ведь в комнате сильно потемнело. Свет, который так старательно пробибался через плотный занавес, заметно потускнел. Вероятно,

солнце зашло за облака.

А ведь дверь комнаты, что остаётся до сих пор заперта?.. Через замочную скважину теперь кто-то смотрит. Покрытый белой плёнкой глаз с чёрным расширенным зрачком следит за обстановкой в спальне девочки. Это не её отец, это не её мать, не её брат... тот, кому в доме нет места. Молчаливый зритель крайне заинтересован происходящим по эту сторону. Он пришёл несколько минут назад и за всё это время ничем не выдал себя. Девчонка уже не остаётся одна, впрочем, этого она пока что не замечает.

А ведь гость пришёл с непустыми руками. Его подарок отвратителен и ужасен. Он созывает на трапезу смерть. Кусок гниющего мяса валяется на улице под подоконником. Естественно девчонка не сможет его увидеть. И не сможет ощутить обратной стороной своих ноздрей. А ведь он источает ужасный запах, самые голодные и хищные почуют пленительный аромат за километры.

Гретель было подумала, что в окно прилетел камень, старые друзья часто так безответственно привлекали внимание, зазывали поиграть во дворе, порой доходило даже до разбитого стекла. Правда, девочке до сего момента казалось, что они все разъехались. Некому там быть по ту сторону.

Гретель поднялась с пола, направилась к окну. В общем, не планировала, но ступает на носочках. Ещё два осторожных шага вперёд и остановилась. Рука сжала загораживающую клеёнку, приподняла один краешек.

А там ворон... огромный чёрный ворон с массивным таким же чёрным клювом. Птица перебирает когтями по подоконнику, негромко скребёт.

– Кыш, – прошипела Гретель, сопроводив просьбу ленивым взмахом руки в сторону незваного гостя. Жест остался без ответа и какой-либо реакции. Ворон продолжает стоять на подоконнике мордой к стеклу. Удивительно, а его несколько не пугает человек. А ведь девчонка так близко, подошла почти вплотную к нему. Стало быть, неразумно подпускать к себе такое крупное существо. Где же у этой твари инстинкты самосохранения?

И ведь что – то в вороне не нравится, скрыто в нём нечто неестественное. Но вот сложно понять, какой секрет он принёс. С виду это обычная птица, такая же как и все подобные ей. Чёрные перья, длинный клюв, острые когти, маленькие глаза... Глаза, вот в них всё дело. В этом взгляде, он кажется каким – то осмысленным, будто принадлежит одному из рода людей, нежели обычной птице. И личность у этого человека была бы скверной... *убийца, изверг, мучитель*. И вот что он...? Ворон крутит головой, задирает клюв повыше. Рассматривает девочку? Неужели эта пернатая тварь с острым клювом смотрит прямо ей в глаза?! Не в первый раз её зелёный цвет привлекает их.

– Кыш! – вновь повторила Гретель, сильно повысив голос, и вновь взмахнула рукой, но уже резко.

Ворон только сильнее приближается. Упёрся в решётку,

преграждающую путь к стеклу. Решётка старательно оберегала это окно от посягательств извне. Но, увы, сей барьер не станет непреодолимым препятствием для птицы, стальные прутья находятся достаточно далеко друг от друга, ворон пролезет через них. Сейчас, наверно, не хватает только желания перешагнуть через тонкие прутья.

Взгляд Гретель произвольно упал на тяжёлую керамическую статуэтку толстого кота, покоящуюся слева на столике. Близко, достаточно руку протянуть. Приходится бороться с желанием схватить эту фигуру и швырнуть в жуткую птицу, заставить убраться, пусть даже убить. Но та словно дожидается порыва слепого гнева.

Ещё один стук заставил девчонку перевести взгляд обратно на окно. Птица врезала клювом в стекло.

Треск. Гретель отскочила в сторону. За ней следом полетели несколько крошечных осколков. Из стекла показался клюв, в стороны побежала сеть трещин. Девчонка закрывает себя руками в страхе перед тем, что последует дальше. Сама птица до неприличия неторопливая, даже не спешит вытаскивать свои запчасти обратно. Взирает сверкающими глазками на оторопевшую девчонку. Неприкрытая наглость не свойственная им. Он разумен? Гретель наблюдает за внеплановым представлением с недоумением. Ведь птицы должны бояться людей, а не люди птиц.

Тем временем ворон дёрнул головой... затем ещё раз... и ещё раз. Секундная пауза была взята на размышления о

скоротечности бытия, затем ворон заметался по подоконнику, пытаясь вытащить злополучный клюв из стекла. Но тот, похоже, надёжно застрял. Былая уверенность птицы в одночасье куда-то пропала. На освободившееся место подоспела вполне гуманоидная истерика. В моменты кажется, ворону легче вырвать целую раму. Когти впиваются в подоконник. Отрываются с крыльев и летят во все стороны перья.

– Ну давай, иди сюда, залезай, – со злобой зашипела девчонка, в такие моменты милое дитя словно гремучая змея. – Я с нетерпением жду. Горю от желания.

Не прекращаются отчаянные попытки побега.

– Что помочь тебе вытащить клюв? – усмехнулась, сопроводив слова жестом пальцев рук, которому её точно не учили родители.

Потеряв к дёргающейся птице какой – либо интерес, Гретель было уже собралась вернуться к двери. Следующее застанет в полуобороте.

Ещё один ворон упал с неба, приземлился рядом с беспомощным собратом. Попрыгал по растрескавшемуся подоконнику и перелетел на решётку, всё время протяжно каркает. Его зов один из тех звуков, которые не утруднился сотворить сам дьявол, их хочется как можно быстрее остановить, грозят они чреватými последствиями, катаклизмами и бедами.

И эта вторая птица ничем не лучше первой, такая же неестественная с тем же взглядом, разве ещё серьёзно боль-

на. У головы и на ногах крупная круглая опухоль, никак свидетельства поздней стадии заражения паразитами, последующего гниения. Оттого же, должно быть, совсем мало перьев на тушке, они в свою очередь продолжают выскакивать прямо на глазах. И, кажется, девчонке пора бы бежать, ведь за окном стали всё чаще и чаще мелькать чёрные крылья. Но она продолжает в ступоре стоять в полуобороте от окна. Как раз на решётку приземлилась третья и тут же рядом четвертая, все они непрерывно каркают, созывая остальных.

Рассекают воздух... мчатся через кроны деревьев... разгоняя зверей... поднимая пыль... с криком...

Одна птица промелькнула вдоль забора, следующая проскочила через заросшую лужайку. Шесть, восемь, двенадцать, двадцать... не сосчитать. Приближается шум, он как поднимающийся ураганный ветер. Словно смерч движется за крышей и выбрасывает одного за другим чёрного предшественника надвигающейся бури.

Воронов действительно становится всё больше, существенно больше. Теперь в глазах Гретель начали набирать силу волнения, они же нарастают пропорционально тому, как за окном удваивается количество птиц. Их число увеличивается в геометрической прогрессии. Только что пустой двор в одно мгновение стал кишеть чёрными птицами, как будто с неба упала грозная туча. Они повсюду, всё заполняют: кружатся в воздухе, садятся на землю в грязь, прыгают по крыше, цепляются за забор.

Не меняют главный объект своего интереса. Окно в спальню этой юной девчонки облепили почти мгновенно, сравнимо с тем, как пчёлы покрывают оставленный без присмотра сахарный сироп. Ещё немного и выстраивались бы в очереди. Теперь толпятся и толкаются на подоконнике, раскачиваются на решётке. Железные опоры под непосильной ношей скрипят и дёргаются. От чёрных туш в комнате стало ещё темнее, как будто уже наступила ночь. А двор за этой живой мельтешащей массой и вовсе перестал быть виден. Шум же оглушает. Шорох множества крыл, невыносимое карканье, скрежет когтей. В ушах звенит, голова распадается на части.

Гретель резко развернулась, бросилась к двери. Девчонка смогла сделать лишь несколько шагов, после, споткнувшись об одну из множества торчащих коробок, перелетела через всю комнату, рухнула на пол у самой двери. Больно, грубо. И все равно, стиснув зубы, приходится быстро подниматься обратно на ноги.

И вот ещё ключ крутится в руках, никак не попадёт в замочную скважину. Выпадает, летит в пыль и обломки штукатурки.

Бессилие для одной – поприще кормления для других. По ту сторону окна стоит и стучится в стекло страшная смерть. И, похоже, она, оголодавшая после долгих бесплодных лет, наконец нашла свой оазис и теперь хочет окунуться в него. Птицы пытаются протолкнуться через решётку, забили все ячейки между прутьев. Но уж слишком много желающих

одновременно попасть в комнату. Вороны застревают среди себе подобных. Давятся насмерть. Трупы закладывают проёмы.

И вот наконец ключ в замке, поворот, ещё поворот, и дверь открыта. Открыта? Гретель толкает её бедром, но она не движется. Совершенно не осознавая этого, девчонка вновь и вновь бьётся об полотно двери, но каждый раз лишь глухой звук от удара. Новое грубое касание, и новое красное пятно расплзается по бёдрам.

В этот момент от непомерной нагрузки, выгрызая целые куски облицовки, от стены оторвались крепления решётки. Стальной каркас соскочил ниже. До сего момента под лапами сородичей ворон с застрявшим клювом продолжал ждать освобождения. Стальные прутья раздавили его об подоконник. Туша лопнула словно пакет сока. Брызнула на стекло тёмная бордовая кровь, полетели чёрные перья.

И теперь решётка лишилась своих опор, она неуравновешенна и качается из стороны в сторону. Её падение станет началом кошмарного сна. Пока же под напором птиц сварная конструкция ползёт глубже в оконный проём. Обдирая краску, не без труда проталкивается по тесному коридору. Ей предстоит пройти пренебрежительно маленькое расстояние, и она сможет вывалиться внутрь комнаты. Путья подцепили на подоконнике обломки кирпичей, и те камни начали прогрызаться через стекло.

Они не остановятся, пока не доберутся до чьих-то костей.

Пока сцепляются и рвут друг друга. Впиваются когтями, выдирают перья, безжалостно лупят клювами. Каждый ищет чем упиться, найдёт избавление от жажды хотя бы среди себе подобных. Несколько пернатых тварей отыскали под рамой кусок вонючего окорочка, перекатывают гнилую плоть из стороны в сторону, отщипывая себе по куску.

Один из воронов, по-видимому, не выдержав состязательности момента, слетел с забора, от его невероятного рывка отскочила даже доска, на которой он восседал. Самый массивный и сильный среди роя. От взмахов широких крыл с земли поднимается пыль. И в облаке серой грязи он берёт курс к окну.

Несколько взмахов крыльев доставляют крупную тварь к цели. Просочился через орды себе подобных и, в надежде проскочить, ринулся между прутьев решётки. Ему удалось проскользнуть по тушам своих менее удачливых собратьев. И уже в следующий миг, не теряя скорости, он врезался в стекло. Мощный острый клюв пробил проход для крылатой нечисти. Все равно что выпущенная из ружья пуля, выстрелянный гарпун. Вот только образовавшийся путь оказался недостаточно широким для всей туши птицы, напоролся на острые края, вспорол брюхо и почти отрезал крылья. Завопил как человек, благо ползущая по окну решётка быстро остановила его мучения. Ещё сильнее вбила в отверстие, закупорив птицей проём, как пробкой бутылку. Теперь по стеклу побежали капли крови.

Гретель развернулась на треск стекла и смогла застать финальную сцену с налётчиком. В сей момент она также видит, что её время вышло. После неудачных отчаянных попыток открыть дверь, она падает на колени и уже на четвереньках отползает к шкафу. Слегка приоткрывает дверцу и пробует забраться. Но весь заполненный одеждой шкаф не пускает внутрь. Висящие на вешалках платья буквально выталкивают её тело обратно. Прокажённая она для них, нежеланна для их молчаливого общества. Палачи хотят плоть девчонки, им нет нужды до тряпок. Гретель принялась с остервенением хватать, что под руку попадётся, срывать с крючков и выкидывать всю без разбора одежду из шкафа. Комкает, рвёт и швыряет под ноги. Наконец в рядах сарафанов образовалась полость, Гретель смогла забраться внутрь сама, закрыла за собой дверцы.

Одежда плотно прилегает со всех сторон. Здесь девчонка чувствует навязчивый аромат парфюма. Этот одеколон с ромашкой будет смешиваться с ощущениями страха и запахом пота. Её лица и рук касаются шёлковые ткани платьев. Рукав красного сарафана как чья-то рука проглаживает по спине. Неудачно расположившаяся вешалка упирается в ухо. И среди них девчонка старается занять себе место. Тесно ей и душно. Неприветливые наряды сдавливают тело со всех сторон, будто бы она окружена толпой.

Стекло распадается на части. Пернатые твари уже могут высунуться в комнату и ощутить запах по эту сторону. Аро-

мат тут манящий и пьянящий. Осколки отваливаются и падают на пол. Под тяжёлой ношей рассыпается на отдельные части подоконник. Уже дальше с грохотом и звоном выпадает решётка. Птицы ворвались внутрь одним бурлящим потоком. Свист и визг сопровождает их массовое проникновение, трение тел повторяет звуки взорвавшейся трубы высокого давления. Словно чёрное море пролилось на сушу. И оно мгновенно захлестнуло всё помещение целиком. Волна пронеслась по комнате, ударилась о стены. То, что окажется на пути, будет раздавлено крыльями и разорвано когтями. Начала дрожать мебель, а звон, стук и грохот прорвались с улицы в спальню.

Сравнимо оно с кипящей водой, что обжигает и растворяет. Оно же подобно вихрю, что ворвался в дом, их мельтешащий туши закручивают настоящий чёрный смерч, который уничтожает всё вокруг. В потоке воздуха закружились оторванные со стен и пола листы бумаги и огрызки обоев. То и дело что-то разбивается, трещит и падает. Загремели слетевшие с креплений полки, зазвенело лопнувшее зеркало, а дальше стучит опрокинутый столик. Исчезают улыбки с фарфоровых лиц кукол при встрече с полом. Звуки же оглушают. Невыносимый шум хочет наполнить уши кровью, заглушив тем самым адскую симфонию.

Однако же их влечёт не жажда погрома, они все, сотни и тысячи, пришли на встречу к возлюбленному куску мяса. Рвать, врезаться, грызть, убивать, чтобы заполнить хотя бы

малейший её кусок, ибо в ней не сокрыт рецепт избавления от голода для них всех. Град тел словно стрелы забарабанил по дверям шкафа. Удары столь сильные, щепки и крошки посыпались на голову прятавшейся девчонки. Сама она начала кричать. Старательно пытается удерживать дверки шкафа. Но а те настолько сильно дребезжат, пальцы сводит судорога. У птиц неплохо получается хвататься прямо за ручки дверей и тянуть их, раскрывая почти настежь. Девочке же практически не за что цепляться, она царапается по дверям ногтями.

О, они свирепы, о, они голодны. Своими острыми когтями даже рвут одежду, которую Гретель ранее выкинула из шкафа. Две птицы вцепились в ремешки на брошенных шортах и разорвали их практически пополам. И лезут всюду, куда только могут протиснуться. Они под обломками стола, под треснувшими комодами, шумят под кроватью. Разрывают картонные коробки, раскидывают игрушки. Мерзким птицам даже удаётся открывать ящики.

Один острый клюв до резкой боли и крови уколол палец девочки. И их когти всё настырнее пытаются впиться в руки, которые мешают дверям оставаться открытыми. Это будет настоящий бой, девочке придётся за каждую последующую секунду своей жизни биться со свирепой оголодавшей сворой. Это сопротивление быстро расходует силы. Девчонку заливают пот. Потоки, что текут со лба, ослепляют глаза, попутно заливаются через распахнутые губы, она часто-часто

глощает образующуюся во рту массу из пота, слюней и соплей. Не остаётся вокруг неё воздуха для очередного глотка. Ладони её не просто влажные они мокрые. Сами руки невыносимо отекают. Не понять, она так громко кричит потому что ей страшно или потому что ей больно?

Шкаф утерять состояние равновесия, начал заметно сильно раскачиваться. Гретель кидает то в одну, то в другую сторону. Одежда мотается перед лицом, девчонка начинает путаться ещё и в ней. Скорее всего она вот-вот упадёт набок или вывалится в комнату.

Ещё один клюв оставил на ладони девочки глубокий порез. Гретель провыла от боли, тут же прислоняет губы к ссадине. От раны окровавливает зубы. Птицы же, пользуясь паузой, раскрывают двери настежь. Девчонка предстают перед стаей во всей своей пленительной красе. К ней с поваленного стола тут же кидаются несколько чёрных птиц.

Гретель, схватившись за прибитый к стенкам шкафа шест с одеждой, со звенящим писком всем своим весом навалилась вперёд. Шкаф окончательно потерял равновесие и полетел навстречу птицам. Рассёк воздух, нарушил ряды кружащих. Рухнул дверками вниз. Под весом шкафа давятся до однородной массы несколько птиц. Жижа крови и потрохов просачивается внутрь шкафа через множество трещин. Гретель при встрече с полом прикусывает губу, непосредственно в момент удара довольно сильно ушиблась грудью.

Груда одежды наваливается сверху, девчонку почти пол-

ностью поглощают её собственные наряды. Они как нечто плотное и вязкое обхватывают десятками рукавов, держат сотнями рук. Тело Гретель застревает в крайне неудачном положении, при котором ноги сильно задраны по отношению к остальному телу, отличная поза, чтобы вывернуть желудок и затем захлебнуться своими же отходами. Стечением случая её нижние конечности касаются задней стенки шкафа, в то время как передние пола. И вот она неожиданно для самой себя оказалась в тесном замкнутом пространстве, наполненном пылью. Её словно засыпало землёй. Уже через пару глубоких вздохов ей будет ещё больше не хватать кислорода. А стало совсем темно. Она не может видеть, не может двигаться, дышать не может... только слышит, как над ней проносится громогласный вихрь. Он не останавливается, но по неизведанным причинам становится тише. Создаётся ощущение будто смерч выходит на улицу.

А тут ещё вблизи к полу удушливо воняет потрохами птиц. Рот раскрывается, Гретель жадно заглатывает тухлый воздух. Дыхание учащается, чувство удушения усиливается. И пробует она извиваться. Но то, что похоронено с ней в шкафу, не желает её отпускать из своего плена, тут есть место ровно для её остывающего тела.

В столах, в завываниях и криках... В слезах, в пыли и грязи Гретель пришло осознание, что она больше не слышит птиц, она не слышит ударов их крыл, их голос, их полёт, их зов, их жажду, злость. Она в этой мёртвой тишине слушает

своё хрипящее дыхание и свой хлюпающий рот...

Оказавшаяся вниз головой девчонка смогла ногами выдать заднюю стенку шкафа. Выбиралась из удушливой камеры она ровно также, на четвереньках вперёд ногами. Выкарабкавшись, падает в случайной позе на образовавшуюся в комнате гору мусора. Практически ложится на лопнувшее дерево и гвозди, как если бы собралась попробовать насколько удобной получилась кровать.

Полной грудью глубоко вдыхает, быстро выдыхает и вдыхает вновь. Жадная, она стонет от каждой порции, что проникает в её лёгкие. Пыльный испорченный вонью помёта и останками птиц воздух кажется ей чистым и пьянящим. Она хочет вдохнуть его как можно больше. Шумное дыхание будоражит затихшее пространство. Девчонка сейчас очень нерешительна и очень пуглива. С удивлением смотрит на окружающие вещи, осторожно осматривается.

Мир вокруг перевернулся кверху дном, стал неузнаваемым и страшным. В комнате погром. Вещи разбросаны и зачастую поломаны. Отдельные тумбы повалены, стол перевернут кверху дном. Разбита потолочная лампа. Во всем этом помещении не найдётся ни одного целого стекла или, скажем, уцелевшей керамики. Разбитые лица элегантных кукол теперь можно собирать как мозаику, они выглядят скорбно и пугающе. Вокруг много осколков, кусков дерева, разодранных тряпок и порванной одежды. Вата, нитки, верёвки. И весь этот хаос толстым слоем покрывают чёрные пе-

рья с кучами помёта. Среди которых несколько десятков трупов птиц. Кровь, потроха и кости. Конкретно сейчас чьи-то останки оставляют на пижаме Гретель лиловое пятно, пропитывают ткань и раскрашивают в красные цвета белую кожу чуть выше колена.

Настоящий ураган здесь проходил. Ужасный и беспощадный. И шёл тот не рушить дома, влекла его жажда по человеческие души. Жестокая судьба готовила девчонку как обед для птиц. О, она совсем не подходит на роль гарнира.

На фоне хаоса появились тени, и вокруг стало гораздо светлее. Гретель весьма неуверенно встречает обновившейся мир, осторожно и неспешно сползает с кучи мусора, поднимается на ноги. Теперь через окно, что стало почти круглой дырой, льётся белый свет солнца, очень яркий после темноты их тел. И там за границей комнаты всё опустело.

Птиц не стало, улетели туда, откуда их позвало. Как будто и не было их никогда. Сама улица, как и комната, заполнилась сотнями чёрных перьев.

Девчонка, конечно, видела в газетах статьи про некую болезнь, что поражает здешних птиц, вызывает у них бешенство. И она сама порой замечала их странное поведение, неестественные повадки, что говорить, они даже нападали на дворовых собак. Тех что поменьше забивали насмерть, а затем... Гретель не смотрела, что было затем. И никогда не думала, что в один день птицы решат разделать её саму, как дворовую лайку. В опустевшем поселении мало еды для них,

огромные стаи будут голодать.

– Да, и какие слова мне сказать родителям насчёт комнаты? – тихо просипела...

Прервал короткую тишину звук, что вновь заставил девчонку вздрогнуть. Из вентиляции послышался лёгкий непрекращающийся скрежет когтей. Звон из стены, места, где, должно быть, ещё сохранилась тень. Только подумала о конце и снова начало.

Стараясь не шуметь, тщательно выбирая место среди перьев, куда можно поставить ногу, Гретель осторожно подобралась к кровати, напротив которой как раз расположилась вентиляция. Встала на матрас и приподнялась на носочки, заглядывая в место, откуда исходит зловещий звук. Сейчас в комнате достаточно света, можно многое разглядеть.

Первым выдал себя качающийся винт, следом за ним привлекает внимание причина колебаний. За шум ответственна птица, застрявшая в лопастях. Ворон дёргается, пытается выбраться, но, по-видимому, загнал себя в смертельную ловушку. Механизм слишком тяжёлый. Ни один рывок не приносит результата, упорство лишь расходует силы. Сейчас он такой безобидный, раскрыл клюв тяжело дышит, сердечко же, нет сомнений, стучит со страшной силой. Беспомощный, жалкий. На этой птице все перья на месте, и никакие наросты себя не выдают. Красивый, если можно так сказать, тёмно-синий окрас прелестен.

Он не первый из стаи, кто застрял под этим винтом. Их

часто влекло в вентиляционный туннель желание свить гнездо. И что говорить, его достаточно просто освободить, нужно только желание подойти и выкрутить пару болтов.

Девчонка стоит, никуда не спешит. Замерла сама, остановился на вентиляции её взгляд, секунду назад взволнованный, живой, теперь холодный и стеклянный. Не моргает и будто бы не дышит. Губы плотно сжаты. И что у неё в руках? Пульт? Но от чего? Большой палец медленно проглаживает по красной кнопке. Неизвестно её предназначение. Рядом нарисована парочка некричащих надписей: "Увеличить", "Уменьшить". На самой же наклеена только одна заглавная буква: "В".

А птица уже не дёргается, ждёт своей неизбежной участи. В чёрненьких глазах заметный испуг, они же смотрят через прутья ржавой вентиляции на ту, кто будет вершить его судьбу, и, кажется, просят пощады. Но тот взгляд, что встречается, холодный как снежная буря, безжалостный как надвигающийся ураган. Палец с усилием жмёт на кнопку.

Сразу за этим внутри стены что – то загудело, и гул постепенно нарастает. Раздался скрежет, загремели начавшие движение проржавевшие механизмы. Здрожала и затряслась даже разбитая лампа на потолке. Птица задёргалась, начала вертеть головой, пытается понять или же найти причину надвигающегося на неё шума. Кренится к низу, видимо, что-то понимает. Наверно... Последний его встревоженный взгляд одарил комнату своим вниманием, и винт дёрнулся. В

одно мгновение могучий сильный ворон превратился в мессиво из крови и перьев.

И лопасти, движимые не устającym мотором, продолжили перемалывать тело. Стучат, давятя на грани того, чтобы заглохнуть, но всё же тщательно проделывают возложенную на них работу. И не остановятся до тех пор, пока от гордого пленника ничего не останется.

Дисперсное облако грязи и крови выбрасывается из вентиляции в комнату, орошая всё вокруг. Брызги покрывают обои, распространяются по потолку. А одна особенно крупная капля попала на бледный лоб, напоив холодную кожу. Её обладательницу охватил внезапной покой. На губах застыла улыбка.

Глава 2.

– **Что снилось в эту ночь?**

– *Ужин. Их много собралось отобедать.*

– **Кто были гости?**

– *Сложно сказать. Их нельзя назвать людьми. Их нельзя назвать животными. У них многое взято от человека, та же осанка, способ взаимодействия с миром, схожие повадки, эмоции вполне гуманоидные, осознанный взгляд. Разве что вместо кистей рук, ног и даже головы была соответствующая часть тела животного. Копыта, рога, хвосты. Там были свиньи, собаки, волки, рогатая скотина... ещё парочка козлов.*

– **Ты была среди них?**

– *Нет, рядом с ними. Выступала поваром и официантом. Подносила, убирала, подливала вино, а также параллельно готовила. Та ещё карусель, посуда сыпалась из рук, печку раз за разом заливало кипящей похлёбкой. У меня было столько ожогов, кожа на руках практически сварилась. И так сложно их всех удовлетворить. А если животное что-то не устраивало, оно впадало в жуткую ярость. Это было страшно. Туда-сюда летали острые столовые инструменты, разбивалась о мою голову посуда с неудобной пищей. Один визжащий поросёнок чего стоит, сэр. Неудивительно, что мой фартук и поварской колпак были пропитаны во-*

нючками бульонами. И как мерзкое дополнение всюду, во всех укромных и не укромных местах, налипли остатки еды. Макароны висели на ушах и мотались прямо перед лицом.

– **Чем же ты их угощала?**

– Сырым мясом.

– **И снова кровь. Тебе снова снится кровь.**

– Да, но тут важно сказать, чьё это было мясо. Вы хотите знать?

...

– Мясо людей, сэр. Я скармливала животным людей. Забавный каламбур получается, да? Вроде бы, и противоестественно, но вы не поверите, насколько всё выглядело гармонично. И самый травоядный козёл ел мясной пирог из человеческих почек с огромным аппетитом. Только не спешите осуждать, я нисколько не отходила от кулинарных традиций, засовывала в рот яблоко, из ушей удаляла серные пробки, а в задницу заливала бульон.

– **Это ужасно... Это ужасно! Нам необходимо вернуться к терапии. Ещё придётся удвоить дозу принимаемых препаратов, уколов и таблеток, многократно увеличить количество процедур с шоковым импульсом. Возможно, хотя бы тогда в твоём разуме промелькнёт крупница света. Или же пусть навсегда погаснет сатанинское пламя. Ужасно!**

– Да, я приму всё из ваших рук. И нож, и яд... Но вы не учтивы, сэр. Вы так неучтивы. Вы ведь не спросили, что

было главным блюдом. Ведь обед не может быть завершен, если гости не отведают главного блюда. Оно самое ключевое, то чем повар особенно гордится и непременно сумеет приготовить лучше других. Что говорить, по повару будут судить по его главному блюду. Оно стоит на серебряной тарелке на подносе под крышкой, остывает. Долго томилось с зеленью в духовке.

– И что же им было?

– Вы, сэр. Я подала им вашу отрезанную голову... зверям понравилось.

...

Блокнот Гретель.

(Из маленькой записной книжке, спрятанной под кроватью)

...

Родители в спешке собирают вещи, мы уезжаем. Я не понимаю, что происходит, в чём причина всего. Вокруг много людей, и все бегут куда-то. Крики, ругань. Почему, почему они так кричат? Разгорается хаос, мир слетел с орбиты. Оттого, должно быть, окружающие вещи ходят ходуном, земля дрожит, и, кажется, небо вместе с ней. Это конец всего? Последний день мира? Мы всё бросаем, рвёмся прочь из родных мест вслед за остальными, я не хочу уезжать.

Том вечно плачет, рыдает как девочка, хочется, чтобы он наконец заткнулся. Это невыносимо, я ударю его, если он не прекратит. Размажу сопли по своему кулаку. Родители ниче-

го не объясняют, говорят слушаться.

...

Две недели в дороге. Очень устала находится в одном положении, трястись на бесчисленных ухабах, порой ещё выпадает подпрыгивать. Очень болит то, на чём приходится сидеть. Эх, станет плоская. Мало ли нам мучений, посланных судьбой? Мы усложняем себе жизнь сами. Стоило ли забивать две трети машины сумками да толстенными чемоданами? Ими заняты и багажник, и половина задних сидений. А что-то из этого постоянно упирается в спину.

От езды голова идёт кругом, еда в моём животе крутится как бельё в стиральной машинке. Но все равно лучше, чем у Тома, младшего братца постоянно укачивает. И почему он должен сидеть рядом со мной? Почему его нельзя положить в багажник и чем – то хорошенько придавить?

Останавливаемся только в придорожных отелях, и лишь на одну ночь, затем снова едем. Уезжаем всё дальше и дальше. Мы никогда не вернёмся?

...

Наконец-то бросаем якорь. Ходить по земле, рада и тому. Ноги ватные, словно мне их пересадили от некоего "*инопрешеленца*". Прибыли в место, которое предстоит называть домом. Но это здание больше похоже на сарай для скота и сена, оно маленькое серое гнилое, совсем не такое, как наш старый дом. Дырявая крыша, треснувшие стены, искривившейся пол. Ещё напоминает склеп, частично морг. У меня даже

нет отдельной комнаты, приходится делить её с Томом.

Тётка Софи, старшая сестра мамы, живёт здесь. Толстая свинья, прошу прощения за крик души. Именно эта тётка заставила нас поселиться в самую вонючую дыру в мире. По правде говоря, эта женщина и сама воню... В общем, теперь выбора нет, либо под дырявой крышей, либо на улице с беспризорными собаками вперемешку с крысами... А, впрочем, второй вариант не так уж и плох. Можно даже попробовать с кем-то из них подружиться. Вон симпатичная жирная крыса сидит на трубе. *Милаха*.

...

Продолжаем жить в здании, что вот – вот сложится как карточный домик. Учимся с Томом на дому, к нам приходит старый грязный дядька с глобусом, сильно напоминает бомжа. От него и пахнет соответствующе. Мочой, перегаром и дерьмом. Заторможенный, нередко уснёт во время урока. Ещё любит залезть под стол, уж не знаю, что он там ищет.

Мама пытается привести быт в порядок, месяц чистит пыль, но всё тщетно, этот дом из неё состоит, если соскрести весь слой грязи, он точно завалится. У папы проблемы с делом, занимается работой к которой совсем не приспособлен. Грузит ящики в порту – это не для него. Его и обманывают часто. Люди с кораблей грязные не только на руки, как минимум ещё на совесть. Эх, живём практически на сбережения. Очень тоскую по старому дому.

...

Здесь становится очень холодно. И от пробирающих до костей ветров севера не спрятаться, ходим с братом, укутанные в одеяла, как два медвежонка. Сейчас пишу, а руки дрожат, читаю написанное, а из-за рта вырывается пар.

У нас почти не осталось денег, на всём экономим. Питание стало на уровне хлева, ни овёс, конечно, но что-то из той же бочки. Мы едим одну лишь кашу, что очень непривычно. У неё нет вкуса. Разве так бывает? Но зато есть неприятная консистенция и тошнотворный привкус. Хочу что-нибудь сладкое и желательно вкусное, чтобы растекалось во рту. Правда, теперь не до того. Всё утро и до сих пор из глаз бегут слёзы. Желчь образовалась под языком. Сегодня чёрный день. Пришло сообщение из старого дома, умер дедушка. Он не захотел ехать с нами. Остался, теперь навсегда. Родители говорят, что мы даже не поедem проститься с ним.

...

У папы жар, лежит несколько дней не поднимаясь. Это выглядит опасно, мне страшно за него. Такое тяжёлое дыхание, несвязная речь. Чем я могу помочь? Стою подолгу на коленях перед сном, но боги глухи. Одна беда идёт за другой, теперь нам не перепадает и гроша. Уже накопили кучу долгов, нечем платить даже за аренду этого сарая. Его хозяйка, старая карга по совместительству моя тётка, недавно приходила заявлять, что скоро разгонит нас вслед за тараканами. Выгонит на улицу и всё отберет вплоть до комплекта нижнего белья. Впрочем, тараканов тут ещё полно, значит бояться

нам пока что нечего.

Между тем хочу пойти работать, бросить школу и помогать семье. Разносить почту или найти какое-нибудь занятие в порту. Мама запрещает, говорит опасно, изнасилуют у рыбацкой лодки, украдут, удушат и закопают в саду. Неперспективно.

...

Недавно подслушала разговор родителей, они обмолвились о старом доме. Я ожидала тёплые воспоминания и надежды, но вместо этого получила лишь испуганные подавленные голоса. Почему-то они боятся его, страшатся даже о нём говорить. Шептали как будто наше прошлое жильё – это что-то запрещённое, магазин оружия или лавка с наркотиками. Но мы ведь действительно можем вернуться к месту, где были богаты и где неплохо жили. Такая идея лично для меня очень притягательна.

Решила немного им помочь, подтолкнуть к правильному решению, так сказать. Несколько дней назад наврала, что у меня завелись вши. Ходила чесалась. О, мама с папой переполошились, почти час копались в моей волосне. Ничего не нашли. Ещё бы, я ведь мою. И, кажется, поняли не слишком хитрую уловку, пригрозили, что при следующем подозрении на паразитов придётся подстричь меня налысо. Нет, этого я допустить не могу. Моя коса... она не может пасть жертвой идей...

Ещё одну попытку предприняла только вчера. Съела пе-

ред родителями кузнечика. Или же это был таракан? Уж не рассмотрела, кто именно там ползал. С усиками и несколькими парами ножек... Так грустно на меня смотрел... Мама попыталась вытащить насекомое у меня из-за рта, чуть было не просунула пальцы между моих зубов. А, все равно не успела, я проглотила головастика. Он был горький, ещё и на зубах хрустел, фу. Шевелился за щекой, фу. Затем сказала ошарашенным родителями, что очень хочу есть. В этот день думаю, какое бы деяние совершить, так скажем, завтра.

...

Позавчера нам отключили электричество, погасли лампы. Вчера нам перекрыли воду и... как теперь... Что на улице под кустом? И это ещё как оказывается мелочи. Сегодня в нашей с братом спальне обрушилась крыша, мы на тот момент кстати были в кроватях. Рухнувшее мне на лоб деревянное перекрытие испортило хороший сон, а кроме того оставило огромную шишку чуть выше правого глаза. Да, жизнь, как и дом, расходятся по швам.

И вот хорошая новость, но не для меня, в округе объявился старый приятель папы, тоже бежит от кошмаров жизни. Богатый дядька, он не раз бывал в нашем старом доме, всегда дорого одет, но всегда как петух. Его жена курица – любительница нацеплять на свою шкуру меха убитых зверков. И этот приятель предложил папе крайне выгодное дело, как он сам подобное сомнительное предложение называет. Мутный тип, я бы ему не доверила даже ногти подстричь на руке.

Отцепит сразу все пять пальцев. Его банковские счета нажигаются ложью и обманом. Но по разговорам от новых задуманных проектов пахнет хорошими деньгами. Что же дядька – он хваткий, среди зубов сверкают золотые клыки.

Завтра этот приятель пригласил нашу семью на представление в огромном театре и последующий ужин, всё за его счёт. С нетерпением жду шоу, наверно, не буду спать всю ночь. Насыщенный будет день.

...

Следующие записи не структурированы, отдельные фразы, заметки. Черкание ручки выдаёт тревожность, промокшие от слёз страницы – горе.

Листы блокнота перепачканы следами гари местами обожжены.

...

Гретель вновь задёргала за ручку, надавила на дверь. Но всё тщетно, что-то мешает, подпирает снаружи. Это выглядит таким спланированным и пугающим. Как будто её специально заперли, оставив на корм птиц. Девчонка некоторое время стояла, щипая себя за нижнюю губу, собирая мысли в кучу.

После ничего иного не нашла, упёршись одной ногой в кровать, другой в пол и прислонившись к двери спиной, стала из-за всех сил толкать. Тяжело, зубы стиснуты, губы поджаты, мышцы натянуты как струны. Надулись все вены рук, ладони сжались в кулаки. Она уже вся трясётся. И понемногу

усилия начали приносить результат, щель, ведущая на свободу, растёт. Вместе с этим стал раздаваться неприятный скрежет из коридора. Нечто весьма тяжёлое действительно подпирает и теперь изо всех сил сопротивляется движению. Сердце колотится. Девочка мычит. Кажется, вот-вот упадёт от напряжения.

Неудивительно, что уже вскоре Гретель оставили силы, она отпрянула от двери. Согнувшись как рыболовный крючок, упёрлась ладонями в колени. Ноги, как и руки, заметно дрожат. Ну, по крайней мере, можно попробовать примериться к проходу. Что же, стройная девчушка могла бы попытаться пролезть, кое-чего можно втянуть, а кое-чего не из рыхлого теста слеplено. Правда, и тогда пролезать будет довольно тяжело и небезопасно. Можно застрять. Можно разодраться. А можно остаться и быть разорванной птицами. Последний вариант явно пугает больше, Гретель делает глубокий вдох, рукой проглаживает от шеи до живота, как если бы по велению её пальцев тело могло выровняться в одну линию.

Рука и уже еле-еле просунешь, что до другого более выразительного. Плечо, голова, грудь, талия... Кажется, сейчас оторвёт себе ухо. Чем может, цепляется. Чем получается, отталкивается. По-видимому, часть кожи всё-таки придётся оставить в комнате. Да, и одна половина там, в тёмном коридоре, другая пока здесь, очень незащищённое положение. Остаётся только довериться пустоте и скрытому в ней. Ещё

корявый угол двери, к которому приходится прижиматься, добавляет к процессу мучений. Не хватать бы заноз в самых интересных местах.

Высунув около половины себя и перекинув косу с одного плеча на другое, остановилась осмотреться. Ведь чувствуется, дверь заперта не просто так. Чей-то умысел был оставить её сегодня в комнате. Вдруг вылезать вообще не стоит. Что если в доме беда. Гретель не понимает происходящего, её одолевает тревога и дурные предчувствия. Домыслы стремительно нагнетают волнения.

А тут впритык к двери стоит старый дубовый комод, к нему приставлены несколько табуреток, пара стульев, два ящика. Очень старательная работа, и всё так компактно уложено, будто бы собирали детский конструктор. Определённо, это доставляло некоторое удовольствие тому, кто воздвигал кучу. Ещё бы он оставил пояснения к своим действиям. Гретель попыталась оттолкнуть от себя самое большое зло, хотя бы немного ослабить его давление. Но уж слишком комод тяжёлый, совсем не поддаётся. Раскачивается от каждого рывка лишь стоящая на нём ваза с завядшими ромашками. Тот, кто притащил сюда это столярное чудо, был сильным. Руки у него были мужские, крепкие и наверняка обладали огромными мускулами.

Где-то слева раздался скрип, заставил Гретель бросить её занятие, быстро повернуть голову в сторону звука. Она прямо-таки не ожидала, что в сей момент кто-то может быть за

спиной. Перепуганный взгляд встретила медленно раскачивающаяся дверь. Словно невидимые пальцы призраков держат за ручку и тянут в разные стороны. Говорить о сверхъестественном, правда, явно не приходится. Дом-то ветхий, в его коридорах часто гуляет ветер, он и есть тот самый дух, который приводит в движение люстры, мотает на петлях двери, тревожит шторы и всё прочее, подвластное его порывам.

В это же время, пока девчонка ждёт знаков судьбы, нечто показалось над комодом. Высунулась бледная лысая макушка, по обе стороны которой свисают редкие длинные волосы. Кожа на голове настолько тонкая, что видно всё содержимое, начиная с сильно вздутых чёрных вен и заканчивая тёмно-коричневым черепом. Не привлекая к себе ни капли внимания, оно продолжило подниматься, пока над комодом не показались тёмные впадины, где обычно у людей бывают глаза. Взгляд неизвестного существа ненадолго задержится на девчонке, после оно вновь спрячется за мебель.

Раздался звук удара. Гретель спешно вернула взгляд на комод. Что-то упало по ту сторону баррикады. А дальше скрип... Скрип. Скрип! Девчонка почувствовала резко увеличивающееся давление со стороны двери. Больно укололо в живот и грудь. Уже в этот момент сознание потрясла перспектива оказаться разделённой пополам.

Да, понять происходящее получилось достаточно быстро. Что-то упало и теперь давит в обратную сторону. Заскрежетала мебель, закачался комод. Гретель поначалу упёрлась,

вцепилась в дверь, навалилась своим невесомым тельцем. Не жалеет руки, позволяя комоду обдирать их почти до крови. Впрочем, адреналин прожигающий изнутри ещё не всё. Угол двери впился в тело, и от резкой раздирающей боли девочка завизжала во весь голос. Громко и дико.

А так оно безжалостно и неумолимо давит и давит. Греть ощущает, что дверь всё глубже уходит в её тело, кости, кажется, сейчас сломаются, или кожа порвётся, вывалится содержимое. А дышать не только тяжело, но и невыносимо больно. Брызнули слёзы, глаза быстро наполнились кровью, стали красными и безумными. И теперь к визгу добавились нескончаемые рыдания. Порозовевшее лицо начало обливаться соплями. Рвущая на части боль становится невыносима и только продолжает нарастать. Комод, сдирая напольное покрытие, надвигается.

Осмысленность действий быстро угасла. Она не смогла продолжить борьбу, истерично задёргалась, начала хвататься за стены, отталкиваться от пола. Почти в агонии, в отчаянной попытке спастись из убийственной удавки. Ненадолго приложит ладонь к двери, чуть-чуть надавит и тут же уберёт. Попытается засунуть пальцы между грудью и углом – не получится. Ни одно из этих судорожных действий больше не направлено на освобождение, просто реакция организма на муки. И всё так тщетно, дверь плотно прижимает к стене, не оставляя шанса. Упала и разбилась та самая ваза с завядшими ромашками, полилась на пол ещё не высохшая вода.

Все эти попытки вырваться напоминают разве что муравья под подошвой ботинка. Беспомощного и жалкого под ступнёй палача. Но Гретель не муравей и хочет жить, и отчаянно, изо всех сил, отталкиваясь от всего, до чего только смогла дотянуться, девчонка рванулась в сторону своей комнаты. Не зная получится ли у неё или нет, она точно знает, это её последняя попытка выбраться. При любом итоге Гретель уже ничего не понимает, ничего не воспринимает. Ей не должно быть жалко остатков сознания. Порыв оказался отчасти удачным. Изодрав половину своего измученного тела, смогла соскользнуть, затем вытянуть себя. И уже почти полностью выбралась в комнату, но не успела.

Дверь зацепила левую ногу девчонки в районе лодыжки. Не сумев завершить рывок, Гретель рухнула лицом в пол. Измученная, изодранная, ей бы пасть и не подниматься более, но в ней ещё не затушен огонь жизни. Тотчас перевернулась. И уже лёжа продолжила вертеться, пытаясь высвободить зажатую конечность. В этот раз не пришлось сопротивляться долго, оставив кроссовок по ту сторону, нога выскользнула.

И буквально в следующий миг велением неизвестных сил дверь остановилась. Движение в одночасье прекратилось. По ту сторону слышались негромкие шорохи и звуки, которые можно принять за шаги.

О семье Андерсум.

(Данное повествование составлено по рассказам соседей,

друзей и самих членов семьи. Особенно хочется выделить милую старушку Гретти за её наблюдательность и бдительность).

Состав семьи: Генри Андерсум и Мэри Андерсум – законные супруги, их дети Гретель Андерсум и Том Андерсум.

Социальное свидетельство типа «А – 7».

Генри и Мэри, судьба связала их с раннего детства, юная девочка протянула ладошку к незнакомому мальчику, ещё когда не умела ходить. Вместе росли, крепко и неразлучно дружили, а начиная с ранних подростковых лет слились в любви их юные сердца. Шли через годы рука в руке и так маленькими шажками, постепенно наращивая темп, добрались до венчальной арки храма любви.

Они произросли из состоятельных семей банкиров и предпринимателей с высокими социальными статусами. Их ранняя связь, им не было и шестнадцати, не вызвала одобрение ни одной из сторон. Нарушение семейных укладов, неуважение, ослушание. Им пророчили скитания, нищету, голод, и скорую гибель как итог. Но они сделали свой выбор, шагнули навстречу судьбе, глубокой ночью в храме любви звучали клятвы и обещания верности.

После сочетания тайного союза Генри и Мэри сбежали из родовых гнёзд. Не собирали чемоданы, не паковали сумки. Единственным забранным из старых особняков так и будет не успевшая повзрослеть девушка и совсем неокрепший парень. Как указывается, благосостояние Мэри родители не

обеспечили, после её побега отказались от дочери, назвали "Плутовка", "Порченная кровь", "Гнилое семя" и многое ещё, о чём указать не позволит цензура.

Впрочем, милостивая судьба и при подобном печальном раскладе не позволит молодой крови остаться без средств существования.

За несколько дней до побега Генри оказался богатым наследником своего погибшего отца, по трагическому стечению обстоятельств разбившегося буквально перед их отъездом. Упал с лестницы, скатился до первой ступени, и, вот несчастье, слетевшая со стойки каменная статуя раздробила ему голову. Скверное зрелище подготовил старик Андерсум своей прислуге. Судьба проявляет жестокость, почти в одночасье юный Генри потерял всех своих кровных родственников. Да, ведь стоит ещё упомянуть парой слов мачеху, утонувшую в реке буквально за неделю до гибели супруга. А она между прочим была чемпионкой по плаванию. За стройную фигуру, пышные бёдра да длинные ноги её и возлюбил старик Андерсум. Впрочем, это не тема статьи.

Вернёмся к возлюбленным, они уже далеко от родных мест, пересаживаются с поезда на автомобиль, с корабля на баржу. Какое-то время Генри и Мэри так и будут слоняться по отелям и гостиницам. Никогда долго не останавливаются на одном месте, на тот период им была не свойственна манера экономить, тратились в пустую на глупые развлечения и излишний пафос. Запах больших денег будоражил, понуж-

дал вести себя глупо и неразумно. Такой аппетит, должно быть, скоро размотал до дыр их банковский счёт. Всё изменила встреча за дверью очередного ресторана, под аккомпанемент громкой музыки звучали тихие притягательные слова мастера речи.

Случилась встреча. На их пути встал управленец властной организации. Тот чёрный бархатистый пиджак, серебряный зажим на галстуке, белая выглаженная рубашка, чёрные брюки, широкая улыбка, хитрые глаза – эти причиндалы станут символом перемен в жизни юных возлюбленных. Они получают контракт, работу и долгую дорогу в поселение Инрурум в придачу. Нелёгкое решение отправиться на край мира, но свобода без границ и привлекательные предложения зовут в волнующее путешествие. Генри и Мэри так молоды, кровь бурлит.

Первое, что им обещали, был самый лучший и дорогой дом во всём поселении. Мастер речи говорил о двухэтажном особняке с роскошным убранством, говорил о десятках комнат, широких залах, личном саде. Как потом окажется, он излагал правду, вернее знал, как эту правду преподнести. В центре поселения действительно пустовал один дом, из-за высокой цены его так и не смогли продать. Огромный и величественный, прохожие всегда восторгались изысканностью форм, высотой стен и причудливостью орнамента. Роскошный... Единственное, расположился у края пропасти. Да и на момент заселения первых постояльцев зданию исполни-

лось уже более полсотни лет. Общее состояние кровли, как и стен, было далеко не идеально, камень успел порядочно обветшать, сад зарастить, а паутина и пыль вырасти. Но, правда, даже тогда лоск и блеск чувствовались в нём во всём. От огромных арок и колон до витражных перил лестниц и высоких потолков.

Генри и Мэри приняли правила новой жизни, переселились в неизвестный для себя мир, конец странствий. Время расстёгивать чемоданы, начинать обживать и смотреть на мир из-под крыши собственного дома. Хотя и виток нового не смог коренным образом перевернуть взгляд на жизнь, деньги в их молодой семье не перестали водиться. Генри – успешный архитектор, востребованный в постоянно строящемся мире. Нескончаемая работа и дорогостоящие проекты преследовали его вместе с влюбчивой удачей.

Мэри же никогда не готовили рвать мир на куски, единственный груз возложенный на её плечи – дарить прохожим свою улыбку и красоту. Только чтобы не оказаться совсем без дел, решила обустроить себе любимый уголок. На средства мужа обзавелась небольшой лавкой, распространяющей провокационные газеты, новомодные журналы и цветы.

В их доме никогда не прекращались праздники, супруги жили на широкую ногу, ни в чём себе не отказывали. Покупали самую роскошную одежду, заказывали еду из ресторанов, постоянно тратились на развлечения. Их дом всегда полон гостей и суетой. Вечные застолья парализовали

нормальную жизнь, на праздниках не любили экономить, старались поразить каждого приглашённого. "Блудовали во всю", – данная фраза записана со слов одного доброжелательного соседа.

Уже через пару лет семья Андерсум обзавелась собственным автомобилем. Гардеробы заполнили десятки вариаций костюмов и сотни экземпляров платьев. Ну, а некогда пустой бар рвался на части от элитных сортов вин. Только, как отмечалось, такие растраты не позволяли следить за состоянием особняка, на него просто не оставалось денег, как и на достаточное количество прислуги, что поддерживала бы в нём чистоту. Как заметил тот же сосед: "Лучше бы отдали мне..." Супруги тратили деньги только на удовольствия.

И вот настало время перемен, оно неизбежно, нахлынувшее как волна, закачало шхуну устоев и закоренелых привычек. Мэри забеременела, ей на тот момент было двадцать девять, с момента переезда в Инрурум прошло восемь лет. Ребёнок неожиданный сюрприз для молодой пары, словно холодный морозящий дождь в июле. Незапланированный, однако никто из супругов не высказывается против новой жизни. Особенно когда все врачи твердят: "Ждите мальчика". Дорогостоящие тесты и процедуры вторят им и прогнозируют: "*девьянсто девять и девять мальчик*". В планах семьи как раз прописан наследник, его так страстно возжелали. Закупали десятками забавные костюмчики и машинки. Снова со слов местных, это семейство заколдовано всегда полу-

чать желаемое, их деньги совершат сделку и с самим дьяволом.

Живот рос, а мальчик оказался энергичным. Постоянно толкался и пинался. Не раз будил свою мать посреди ночи, устраивал приступы по случаю холодного мороженого или слишком горячего кофе. Что же, будущий боец.

Восемь месяцев и очередная неожиданность – срок не пришёл, а ребёнок уже просится наружу. Мэри срочно отвозят в больницу. И всё на грани того, что он вылезет сам ещё по пути. И... как говорили врачи, более того пьяный акушер и после рождения ребёнка заверял, что это мальчик, просто ещё не отрос... им оказалась девочка. Первый раз правильно пол ребёнка определила сама мать, которой после родов дали всю залитую кровью новорождённую на руки. Как потом сообщается персоналом больницы, лица у новоиспечённых родителей были очень озадачены таким поворотом судьбы. Так малыш Гарри и стал малышкой Гретель.

И не успела девочка сделать свой первый шаг, насладиться в гордом одиночестве любовью родителей, как через два года у неё появился брат. Первая "ошибка" была исправлена, на свет вышел малыш Том.

Рождение детей сильно не изменило образ жизни семьи, и какое-то время после продолжалось безудержное веселье и беззаботная жизнь. Теперь разве что Генри и Мэри закупали множество игрушек, осыпали этими безделушками своих детей, попутно оплачивали дополнительное домашнее обу-

чение, содержали от двух до трёх воспитательниц.

Перемены в жизни семьи начались с переменами в жизни коммуны. Резкое социальное волнение, волна протестов и грянувший за всем кризис привели в края изобилия бедность и голод. У Генри начались проблемы с работой, у Мэри затрещало по швам дело. Архитекторы стали не востребованы, ибо когда вокруг всё рушится, никто не станет вкладываться в стройку. Доходы семьи резко поползли вниз, вместе с этим пошло на убыль количество застолий, гостей, дорогой одежды и число посещаемых мероприятий. Разве что вечерние посиделки Генри с друзьями продолжались до самого конца. Они особы из той же прослойки общества, терпят сокрушающие катаклизмы всех своих устоев, с волнением говорят о грядущем, запивая страхи остатками из бара.

Теперь всей семье приходилось проводить в доме гораздо больше времени, и этот обветшавший мир стал куда ближе. Здание сильно устало за время службы, окна потемнели от пыли, а стены покрылись трещинами. А уж теперь денег на ремонт не было совсем. Хорошо, что дети уже не такие маленькие. В то же время они растут, и старая одежда становится мала. Вот что надо было закупать впрок вместо игрушек. Когда разбежались сиделки, на плечи неопытных родителей легла и ответственность за воспитание будущего поколения.

Именно в этот период соседями замечено, что к дому семьи была привезена некая скульптура, закрытая плотным брезентом. Размеры немислимы, а выделяющиеся конту-

ры вызывают приступы страха. С её перемещением еле-еле справились два огромных грузовика. А старушка Гретти лично пожаловалась, что голова скульптуры порвала её телефонный провод, а одна из машин смяла мусорный контейнер. При этом, ропщет бедная старушка, никто не поспешил броситься за кошельком, дабы возместить ущерб. Достоверно неизвестно, что это было, оно напугало и стало первым в череде кошмаров.

Но ещё одно, незадолго до серии катастроф (за год до первого землетрясения) в дом семьи Андерсум на неизвестный срок приехал отец Мэри. Аксель Пойнтдэкстер, отставной военный, отказавшийся от дочери сразу после свадьбы. Что он тут ищет?

После тяжёлых землетрясений, что сотрясли Инрурум, семья Андерсум покинула поселение вместе с потоком беженцев.

Далее следы теряются во времени и пространстве, вот только на присланных обгоревших письмах *страшные слова... ужасная участь... бедная...*

...

Раскинувшись на полу среди перьев Гретель свернулась клубочком, продолжает громко рыдать. Всю её охватила ужасная боль, кажется, что тело разорвано в клочья, что она ужасно изувечена, неизлечима и скоро умрёт. Она убеждает себя, что смерть приближается, костлявая богиня якобы уже пристроилась за спиной, своим холодным дыханием замора-

живает кожу.

Пока сама не видит и боится трогать, но точно знает, что от горла и до самого низа, в том месте, где прислонялась дверь, распорото. На самом деле нет. Но и без вскрытого живота не может позволить себе даже шевельнуться, каждое новое движение причиняет всё больше страданий. Дыхание, обязательная составляющая жизни, стало невыносимо болезненно. Она вынуждена вдыхать и каждый раз вынуждена трястись от боли.

...

Так в грязи и пыли среди обломков и перьев девчонка пролежала больше двух часов. Кроссовок на одной ноге, другая босая. Камушки впились в щёку, они же отсырели от слёз. Ей становится до мурашек холодно, оттого она всё сильнее сжимается клубком. Боль уже не способна помешать этим поползновениям, боль постепенно угасает. Но суждено ли ей смолкнуть полностью? Возможно, придётся мучиться до конца дней. Ей до сих пор ощутимо плохо, сильно тошнит. Порой последнее порывается разразиться чем-то большим, заставляет приподняться. Гретель не знает, что в этом случае из неё полезет. Кровь? Хорошенько помяли, не покидает чувство, будто внутренние органы не на своих местах. Всё перемешалось, и теперь остаётся только вручную возвращать каждый фрагмент в занимаемую нишу.

От недавнего происшествия так и остаётся красная полоса по всему телу, делит его практически пополам. Линия идёт

по подбородку, затем по горлу, между рёбер и заканчивается прямо на пупке. Кожа в месте плотного контакта выровнялась не до конца. По обе стороны образовались лиловые синяки, местами содрана кожа, видны капли крови, что на белой плоти, как гранатовый сок на свежо стиранной скатерти. За время на полу стихли рыдания, и уже почти полностью прояснилось сознание. В голове наконец трезвые мысли, а не каша из зацикленных воспоминаний.

В определённый момент Гретель пришло понимание, что надо вновь начинать двигаться. Дальше ей будет становиться только хуже. Её конечности стали ледяные от постоянного контакта с холодным полом. Начали неприятно зудеть самые различные места. И вот, кряхтя, опираясь на валяющийся рядом стул, еле-еле поднялась. И в целом на ногах почувствовала себя лучше. Только вот с этим придётся что-то сделать. У неё остаётся только один кроссовок. Второй должно быть остался по ту сторону двери. Чтобы уравновеситься, Гретель сняла с себя оставшийся. Взглянула на свои уже и без того грязные стопы с прилипшими к пальцам перьями.

Какой-то сегодня ужасный день получается. Смерть за ней охотится и поджидает на каждом шагу. А какой кошмар ждал бы родителей сегодня по утрам? Порванная пополам дочка или обглоданные окровавленные кости дочки. Одно другого краше. Они бы сошли с ума от одного вида. Одну секунду... Сколько же время прошло? Гретель посмотрела на настенные часы. Полдень. Это достаточно поздно для её семьи,

обычно дом Андерсум собирается на завтрак не позже десяти. Нынче двенадцать. Что-то нехорошее происходит. Явно что-то случилось. Беда.

Девчонка выбралась через окно на улицу, проскользнула по двору, и залезла уже в окно кухни.

...

Гретель стоит на кухне у раскрытого окна, подняла опущенный взгляд, вроде бы, и не мешает, но все равно отвела в сторону попадающую на глаза чёлку.

На кухне нет ни души, жалюзи на окнах занавешены, лёгонько шумит настенный вентилятор, а из неподалёку стоящего приёмника доносится еле слышимое пение кого-то картавого певца. Это можно было себе представить. Но вот стол-то накрыт, и всё давно готово к приёму пищи. На обеденном столе стоят стаканы, салфетницы, тарелки и куча прочей вспомогательной посуды, будь то соломки для приправы или подставки под кружки. Также нарезан хлеб, постелена праздничная скатерть. Вилки лежат, ложки. Сказать бы, что всё это выглядит хорошо, но ведь вносит свой неизгладимый отпечаток количество столовых приборов. Комплектов приготовлено не меньше чем на четырнадцать персон, при том что семья девочки состоит только из четырёх. А гостей в их доме не было несколько лет. Званых гостей.

– Тут что готовится пир? – промычала Гретель.

Но, похоже, пир уже состоялся. Тарелки-то грязные, а ещё хаотично разбросаны по столу, и всё остальное под стать им:

мутные от неизвестного напитка стаканы, вилки с набившейся между зубьев кашей, скомканные салфетки. А какая по-мойка. Посуда и остатки еды не только на обеденном столе, но и под ним. Хотела бы Гретель знать, что мама скажет на всё это свинство.

– Что здесь происходило, пока я спала? – Гретель и вправду ничего не понимает, совсем ничего. Она сошла с ума не иначе, ей всё это кажется. Сон никак не отпустит. Ущипнула бы себя, но боится, что на фоне остальной боли не почувствует столь маленький укол.

И вот что же тут ели? Поднятая со стола грязная тарелка не дала ответ, в ней остатки какой-то непонятной массы тёмно-бурого цвета. Выглядит не очень хорошо, но ели пищевую отрыжку явно с большим аппетитом. Остатков на посуде совсем немного, и основная их часть размазана по бортам. Тут ещё присутствуют разводы, скорее всего тарелку облизывали. Не очень приятно трогать её, когда знаешь, что под пальцами чьи-то высохшие слюни.

Снова к вопросу питания. Раковина заложена разделочными досками и грязными ножами, у последних заляпаны не только лезвия, но и непосредственно рукояти. Непремен-но это тот инвентарь, какой участвовал в грязной готовке. Неопрятно и очень уж отвратительно зрелище. Образовался засор, мутная полная взвеси вода не сливается через ржавую решётку. Там, видите ли, много остатков, что теперь, размокнув, стали густыми и тягучими как сопли. Дурацкий по-

вар не смог полностью смыть в канализацию все свои труды. Раковина забрызгана следами крови, стены вокруг, да и пол в близости к тумбам покрыты схожими потёками. В омерзительной куче легко угадать главный цвет готовки. Он был красный. Лепили мясное питательное блюдо.

Да ещё запах тут стоит нестерпимо гадкий, единственное точно непонятно, что конкретно его источает. Протухшая кровь? Прокисшее мясо? Вонючий нож? Немытая доска? Возможно, вносит свой вклад всё присутствующие.

Наблюдает за состоянием раковины Гретель с расстояния двух шагов, и это нисколько не мешает ей подмечать мерзкие подробности. Вот, например, на разделочной доске красуется кусочек сырого мяса. Такое оно частично белое слизкое с волнистыми жирными прослойками. Связки, а может кожа. Растянулись кишкой по краю доски. В рот такой засунуть не хочется. Неизвестно происхождение ингредиента. Говядина то или свинина?

И вот ещё на плите стоит здоровенный чан, накрытый толстой чугунной крышкой. Хорошая посуда для случая если ты неопрятный фермер и тебе нужно накормить целый загон со свиньями. Всё предусмотрено тут и ручки, и отверстия для выходящего пара. Видимо, давно он в эксплуатации, по стенкам, а особенно на дне выросли слои гари и жира. Неместная посуда, что напоминает котел ведьмы. Он тяжёлый, решётка плиты под ним прогибается. Может быть, в нём что-то осталось?

– Мне так жаль, любовь моя, что уходишь без меня, – завывает из радио. – Остаётся тяжкий груз, ни подвинуть, ни толкнуть. Нам быть вместе суждено, но не осталось ничего. Что же делать мне одной?

Чан для рук девчонки неподъёмный. И даже лёгкие касания оставляют на пальцах жирные следы. Внутри оказалась один в один как на тарелках однородная субстанция с ворсинками от мяса. Тут совсем немного остатков, буквально пару комков на дне и у стенки. Но чего у этой посуды навалом, до сих пор не вычерпали и неплохо сохранилось, так это тошнотворный запах, он вытягивает всё содержимое желудка. Гретель едва, пока не стало слишком поздно, успела зажать пальцами нос и, наверно, первый раз за день обрадовалась тому, что её желудок пуст. Пища похоже стухла.

Оттолкнула зловонный чан подальше на плиту и затем также небрежно накинула сверху крышку. Пробовать это девчонка точно не рискнёт и при всём своём голоде. Сперва придётся привязать к стулу, насильно раскрыть рот, отодвинуть язык, затем только ложкой засовывать.

В любом случае на кухне остаётся ещё один предмет, который может что-то рассказать о сегодняшнем пире. Гретель переметнулась к холодильнику. Ищет она себе новых открытий.

Дверка старого агрегата раскрывается, неохотно отлипая от резиновых уплотнителей. Безотказно загорается лампочка, окружённая коркой льда. Свет проливается на семейные

припасы. И вопреки ожиданиям тут ничего не тронуту, все продукты на своих местах, аккуратно уложены в определённом порядке, как и распланировала хозяйка дома. Видимо тот, кто хозяйничал за плитой, принёс всё необходимое для готовки с собой. Минутку, а это что такое? Это не их. Чужое. Кто положил сюда? Гость ничего не взял, так ещё и кое-что оставил.

Среди замороженного льда, пачекпельменей и куриных крылышек одна вещь выделяется на фоне полуфабрикатов. Нечто круглое и достаточно крупное. Точнее сказать пока не получится. Сейчас неизвестный продукт завернут в серую ткань. Серую ткань с разнообразными красными пятнами. Кому в голову пришло использовать эти грязные лохмотья в качестве упаковки? Кто-то очень спешил и завернул продукт в попавшееся под руку кухонное полотенце. Пытался спрятать, видимо. Спешил он. Торопился.

– Что это? – поморщилась Гретель. Оно не выглядит приятно. Не так чтобы хотелось касаться неизвестного продукта.

Уже в этот момент по спине пробежал холодок. Круглая форма неизвестного предмета вызывает жуткие ассоциации. Не может же быть это голова человека, как в том дурацком сне? О Боги, они так похожи. По объёму, по форме, по контурам. Единственное, мелковата... она может быть только головой ребёнка. Её брата, например. Ох, дурная фантазия разыгралась. Почему-то не очень хочется разворачивать ткань. Но просто уйти у неё теперь точно не получится. Кто-

то спрятал, а она нашла. И она должна увидеть секрет. Потрогать, погладить и, возможно, даже понюхать.

Протянув руки, аккуратно обхватила этот круглый неизвестный предмет. Тактильно он ощущается как твёрдый, лишь в отдельных местах удаётся вмянуть неизвестное содержимое. Может, лучше не стоит тыкать руками, ведь до конца неизвестно куда провалятся пальцы в случае успеха. По весу же он довольно тяжёл. Гретель не без труда получается держать этот секрет в облачении на вытянутых руках. И вот сейчас, когда объект находится прямо перед лицом, что-то в нём кажется ещё более знакомым, человеческим. Отчасти это вина мокрых пятен, именно они рисуют мешку глаза и нос. И совпадение ли? С ткани свисает чей-то волосок.

Гретель насторожена, начала слой за слоем отворачивать ткань, это оказалось не так просто, за внешней растрёпанностью скрываются несколько туго затянутых узлов. Тут уже не получается держать руки вытянутыми, этот неизвестный предмет приходится прижимать к ноге. Пальцы запутываются в лохмотьях и вроде даже что-то шершавое нащупали.

В этот момент предмет вывернулся из ткани, прокатился по коленке, следом шмякнулся о пол. При ударе раздался странный мокрый звук. И эта чья-то... свекла. Гретель шумно выдохнула, раздражённо пнула выпавший из ткани овощ и тут же побежала ловить его обратно. На четвереньки и под стол.

В это время из радиоприёмника звучат важные новости, а

зачитывает их медленный гнусавый постоянно запинаящийся голос диктора:

"Внимание. Важные новости. В округе Пудэро... [пауза] а, прошу прощения, Поэрум, ожидается сильная пыльная буря... [пауза] Также сообщается, что в связи с непрекращающейся магнитной бурей возможны проблемы с электроникой и связью... [Продолжительная тишина]. А, да, будьте внимательны и осторожны... [пауза] возможны порывы ветра... [пауза] так что не раскрывайте зонтики... [пауза] Ну раскрывайте, конечно, но только на свой страх и риск", на этом вещание заканчивается, в эфир врывается шум помех.

Здесь же дети – дети суровых краёв, где бури и ураганы совсем не редкость, живут в месте, где с губ почти каждого прохожего слетают истории, как ураган унёс двух младенцев-близнецов. Как теперь ветер носит по свету их последние слова и зов к матери.

Поднимается, кружится пыль. Слышится, как крохотные частички стучат по металлу и стеклу. Да, что-то близится. И предвестники надвигающегося уже во дворе. Пока что это лишь ветер и пыль.

Скрипят и качаются оставленные без внимания качели, стучит оторвавшаяся кровля. И стрела с ковшом трещит и поворачивается. Да, двор особняка Андерсум может многое в себя вобрать, в нём нашлось место даже экскаватору. Видите ли, застыло настоящее чудовище, и годы не смогли сдви-

нуть его с места. Памятник эпохи, огромная машина. Такие строят дома и целые города. Говорят, что все великаны вымерли, так вот же он, грациозный слон из железа и стекла. Сколько времени прошло, а гигант неизменно стоит на своём посту. Бережёт дом, двор и всё семью.

Несколько лет назад тяжёлая машина участвовала в работах по укреплению края холма, что проходит прямо под забором. Этот дом, как и всё поселение, находится на возвышенности, высокой скале с отвесными склонами. При этом порода у вершины в основном не каменистая. Земля, щебёнка да глина. Такое положение вещей определённо вносит свои важные коррективы, восстановительные работы становятся ответом на вопрос: «Где ты проснёшься завтра? На холме или сползёшь вместе со своим домом в пропасть?»

Во время подобных работ произошел страшный обвал, забравший жизни шести рабочих. Одним только чудом следом не сползла машина. Водитель, к слову, испугавшись упасть вместе с экскаватором, выпрыгнул из кабины в роковой для себя момент. Попал в поток грязи и был унесён глубоко вниз. Тело так и не нашли. Ирония судьбы. Те крики рабочих разбудили тогдашнюю малышку Гретель, заставили горько плакать.

Достать многотонную махину так и не смогли. Лишь слили горючее, сняли, что можно было снять, после оставили на произвол судьбы, даже ключи до сих пор мотаются в замке зажигания. Ждут своего водителя или угонщика. Впрочем,

вряд ли эта машина ещё куда-то поедет. Последняя остановка, и она отнюдь не долгосрочная. Экскаватор застыл над пропастью и когда-нибудь обязательно разбудит всё поселение, рухнув вниз. С ходом времени точка отправки на дно неминуемо приближается. Впрочем, пока не спешит падать. Ржавеет, разваливается, но всё же стойко стоит на земле.

Застучали входные двери. Стук отвлек Гретель от поисков корнеплода. Заканчивая неудачную охоту, раздвигая стулья, она подползла к краю стола, высунула голову из-под скатерти.

– Ветер что ли, – просипела девчонка своё предположение. Длинная скатерть не дала сразу понять, что заставило двери двигаться. Порыв стихии, ветер ломится в дом или кто-то постучался. В двери нет стёкол, если по ту сторону человек, он не выдаст себя до первого приветственного слова. Ох, гости так нежеланны, когда остаёшься дома одна, когда ты безоружная девчонка, когда в доме происходит что-то страшное, а особенно когда к тебе на кружку чая идут поселенцы из мёртвого заброшенного города.

– Кто там? – совсем тихо спросила Гретель. Подбирает ноги друг под друга. Ищет слова, собирает фразы для возможного гостя. С улицы ей не ответили.

Дабы не оставлять вопрос совсем без ответа, девчонка выбралась из-под стола, приоткрыла одну из двух входных дверей. Совсем на чуть-чуть, но и этого хватило, чтобы ветер вырвал из ладони ручку и настежь распахнул проход. В от-

крившийся путь тут же хлынул поток пыли, ударил прямо в лицо, заставив прищуриться. И нет другого выбора, как пробовать заслоняться от его удушающих порывов руками. Тут же прикрывает рот и нос ладонями. Погода портится, становится агрессивной, вряд ли кого-нибудь выпустит из дома. Гостей сегодня ждать не стоит.

И вот сейчас Гретель может видеть однозначно пугающую картину. Гораздо более тревожную, чем кружащаяся пыль. Перед входом на небольшой лужайке разбросана мебель. Уличные столики, скамейки, кресла, подставки под цветы лежат в случайном положении. Много из того, что попадает на глаза, уже разбито. Среди обломков виднеются фрагменты забора и крыши. Вся эта куча тянется одним ковром от двери до лужайки с затоптанными цветами. Мебели достаточно много и притащена она из разных частей двора. Несли её сюда без разбора, не какой закономерности в выборе нет, да и собственно цели выбирать перед собой они не ставили.

Что самое тревожное, девчонка понимает для чего это было сделано. Кто-то хотел заблокировать входную дверь. Гретель уже это где-то видела. Во сне или наяву, тот же почерк, те же руки. Руки, какие она характеризовала как сильные и крепкие. Хваткие ещё, должно быть, и решительные.

Вот только на кого нацелена баррикада? На тех, кто захочет выйти? Или на тех, кто соберётся зайти? А кому было под силу разобрать и раскидать весь этот хлам? Он уже в доме? Кто он?

...

Когда-то отец рассказывал Гретель о тех, кто живёт в здании сгоревшей школы. Тех, кто из дня в день пребывают в постоянном голоде и алкогольном дурмане. Серые, грязные, запущенные. Злые. Опасные люди, ровно так он их называл. Злоба впиталась в тело, рождены с ней и умрут с ней. Отец также говорил, что в один плохой день они обязательно попробуют попасть в дом. Они заходят еды, заходят воды, захотят тёплой постели, в момент же, когда их желудки заполнятся, они захотят крови. Ты должна быть готова. Внимательно смотри на стены, увидишь живые тени... Беги.

В коридоре без изменений, такой же неподвижный беспорядок. А ещё воцарилась полная тишина: ни шума, ни звука, ни шороха. Гретель не может вспомнить, всегда ли тут было так тихо. Наверно, нет. Старое здание всё-таки редко молчит. У него свой голос, свойственный схожим измотанным сроком службы сооружениям. И как минимум обычно всюду носились постоянные квартиросъёмщики – крысы. Уж эти неуёмные твари не дадут покою существовать. Но сейчас и они стихли. Всё замерло, остановилось, не ходят даже часы на стенке. Оно есть свидетельства катаклизмов. Ещё помнится, не совсем полноценная женщина-соседка говорила, чтобы не происходило, молись без усталости богам, демоны и бесы всюду.

Тем временем по полу шлёпают только ноги девчонки, остановились около мебели, что по-прежнему закрыва-

ет вход в спальню. Домашнее убранство нынче прижимает дверь не до конца. Остаётся узкая щель, откуда выбирается поток воздуха. Теперь Гретель смотрит на заграждение с другой стороны и с другого ракурса. Но от этого её удовлетворение не посещает. Скорее наоборот коробит и трясёт. О, этот ужасный комод. Он выглядит всё также тяжело и неподатливо. Какой он старый и страшный, облезшая краска все равно что ободранная шкура. И именно ему Гретель обязана большей частью своей боли, отдельные вмятины на коже девчонки точно повторяют контуры изящных ящичков. Может сколько угодно примеряться к ним и наблюдать как точно выполнен отпечаток. Искусный мастер живописи по плоти. От очередного взгляда зудит оставшаяся от плотного контакта с дверью полоса. Гретель не перестаёт казаться, что тело может в любой момент развалиться на две половины. Такие твёрдые ощущения, что оно неполноценно.

И тут же от неудачных шагов на полу звенят осколки разбившейся вазы. Её ноги по-прежнему босые. Без обуви она рискует проколоть кожу на ступнях.

А ведь тут должен был остаться кроссовок. Гретель потеряла его, когда освобождала зажатую ногу. Но удивительно, ибо ботинка поблизости нет. Мог ли он убежать самостоятельно? Что же, в доме есть собака, она могла кроссовок утащить.

И что же тут упало? Из-за чего её придавило?

За комодом Гретель не нашла ответов на тревожные во-

просы. Вместо этого ей на глаза попалась некая странная диорама неизвестного автора.

Выставлены маленькие игрушечные человечки. Этакие солдатики. И их положение явно неслучайно, хотя даже тогда сложно уловить смысл сцены. Посередине стола стоят две женские фигурки. От творца им досталась приятная внешность. Они цветные, милые и красивые. В отличие от остальных. Испуг на нарисованных женских лицах совсем не с проста.

Их окружает огромное полчище других человечков уже на порядок крупнее, и выглядят они как-то иначе. Ну как, оплавлены, их явно пытались сжечь, но в последний момент вытащили из огня. Отсюда потёки пластика и уродства. То есть они были нормальными игрушками, но их... сожгли...

И есть ещё одна фигура, самая крупная и страшная из всех. Она получилась из-за сплавления трёх обычных человечков, выглядит как мерзкая многоножка. Ещё зачем-то покрыта красными чернилами. Антураж, который добавляет к ней жути. Она тянет свои чрезмерно длинные руки к двум цветным фигурам. А в руке у неё...

Тут ещё на полу валяется письмо. Знакомый знак на обороте.

Агитационное письмо Агрбн.

В самом верху изображены заключённые в круг расправленные крылья. Внизу текст:

"Мы носим чёрные крылья, но не за спиной. Нас называют Агрбн, но среди толстосуммой элиты – убийцы. Мы не люди, не обращайтесь внимание на наши лица. Мы идея. Идея изначального равенства, а не вперёд определённого статуса, закладываемого ещё до нашего рождения. Справедливости для всех, а не для избранного круга среди никем не выбранных чинов. Возлагаем роль в формировании судьбы на самого её владельца, а не на ячейку общества. Ни структура-муравейник, а структура-свободных людей.

Агрбн – идея освобождения, идея совершенства".

И в самом низу подпись: *"Ничто не остановит борьбу".*

К этому письму приколота ещё одна бумажка с текстом, написанным уже от руки.

«С возвращением вас в нашу чудную деревню, надеемся, что вы хорошо устроились и обжились. Мы не знаем, свой ли дом вы заняли, но рады вашему хорошему вкусу, выбрали самое большое и красивое здание в нашем округе и, наверно, неспроста. Целью же данного письма является уведомить вас о том, что вы прибыли в особую экономическую зону, покидать которую разрешается только с дозволения командира заставы. На территории поселения более не действуют социальные свидетельства, не поддерживаются соци-

альные права. Вся судебная и исполнительная власть переходит в руки командира заставы. Но и это, уж так получается, не основная информация для вас, видите ли, пребывание в коммуне облажено небольшим налоговым взносом, направленным на процветание нашего чудного края.

Требование – собрать указанную ниже сумму в указанный ниже срок.

И последнее, несколько важных выкладок, которые вам непременно стоит запомнить самим, а также то, что нужно доходчиво донести до ваших чудесных деток. Ибо новый мир не делает исключения ни для кого, суровость наказания не подвержена градуации. Отныне мы все равны. Итак...

Любое неповиновение карается смертью. Любое сопротивление карается смертью. Попытки построить свою общину – смерть. Нападение на служителей порядка – смерть. Распространение ложной информации – смерть. Разжигание, поддержка, обсуждение, попытки, подстрекательство мятежа – смерть. Религиозные коммуны – смерть. Торговля оружием – смерть. Пьянство и наркотики – смерть. Попытки бегства – смерть.

Берегите себя».

Глава 3.

Запущение... Потрескавшаяся краска, содранные обои, покосившийся плинтус, провалившиеся полы, обвалившийся потолок. Много паутины, ещё больше пыли, к некоторым вещам не проявлялся интерес десятилетия. Настроение одиночества. Со всех постаревших предметов быта нагнетается депрессия. Запущение...

Гретель буквально ползёт по дому. Крадётся вдоль стены, затем перебегает от одного импровизированного укрытия к другому. Пытается быть бесшумной и очень внимательной. Сейчас её окружает множество комнат и коридоров. Сам дом почти что лабиринт из десятков помещений, где каждый угол и тень могут таить опасность. Сложно чувствовать себя одиноко в таком огромном пространстве.

Девчонка остановилась у дивана, выглянула из-за спинки. Это зал. Некогда большой и роскошный, теперь просто большой. Не самое тёмное место в доме, но далеко и не самое светлое. Причины одни и те же громоздкие шторы и мутные стёкла. Впрочем, отсутствие яркого света не воспринимается критично, в темноте девчонка отчасти чувствует себя комфортно, её глаза уже успели привыкнуть к полусумраку. Чернота же что плащ, скрывающий тебя от сторонних взглядов.

Гретель движется дальше. Оторвавшись от дивана перебралась к длинному столу, что занимает центральную часть

комнаты. Примечательная вещь, если неживые объекты могут хранить память, этот наверняка сможет вспомнить шумных людей и громкий смех. В поисках незваных гостей девочка заглядывает даже под скатерть. Нет, нет, ей будет тревожно от мыслей, что кто-то может наблюдать за ней из-под стола. Они и так мерещатся всюду. Призраки, чудовища – все те твари, что должны были оставаться в вечном заточении детских фантазий, сегодня вновь пришли к Гретель на свидание. Она их не ждала и не звала. Чувствует себя маленькой девочкой, какую попросили из тёмного жуткого сарая принести отвёртку для папы. С тех пор она подросла, правда, и тени былых страхов удлинились, и теперь в силуэтах кресел девочка видит наблюдающие за ней лица. Те не просто смотрят, но и шепчутся за спиной.

Беззвучно работает телевизор, экран подсвечивает небольшую часть комнаты. Показывается какой-то глупый чёрно-белый кукольный мультик. Гретель не поднимаясь во весь рост, сидит на корточках за стульями. Прислушивается. Ещё раз сказать, это большой дом, его даже домом не назовёшь, это здоровенный особняк. И сейчас в здании тишина. Может быть, основные действия происходят в другом крыле, и звуки просто сюда не доходят? А может быть кто-то, как она сама, крадётсЯ по дому, не желая издавать звуков? Неприятно об этом думать, от сего приходится часто оглядываться.

Гретель отвлеклась на работающий телевизор. Туда-сюда

мелькают несколько человечков, два из которых до неприличия жирные, один же неряшливый наоборот худой как палка. И все эти нелюди носятся по кухне, пытаются приготовить себе ужин. Получается у них так себе. До неприличия неуклюжие. То наденут на голову кастрюлю, то особо толстый поскользнётся и разобьёт посуду. Абсурдно. Девчонка увидела на столе пульт и уверенно вдавила кнопку выключения. Когда тупые рожи сменил чёрный экран, почувствовала облегчение.

Дальше, раз за разом задевая скатерть, Гретель поползла вдоль стола, прицеливаясь к следующему своему укрытию. То будет кресло, стоящее неподалёку от окна.

И тут зазвенел громкий смех, за ним ритмичные удары в барабан! Клаксон! Музыкальная труба!

– А-а-а! – закричала девчонка, испугавшись резко возникшего звука. Подскочила на месте.

Её крик не выделился на фоне шума, работающего на всю громкость телевизора. Ревут и вибрируют колонки. Оглушающий звук сперва парализует, затем пробует прогнать как можно дальше, ибо тот, кто оказывается ближе всех к источнику шума, становится виновным во всех деяниях. Лучше беги... Какого же чёрта телевизор включился? Свет от мерцающего экрана озарил девчонку, её и без того белое испуганное лицо становится ещё светлее.

– *Пекарь, пекарь,* – доносится писклявый голос из динамиков на стене. – *Налей винца и отвари мне два яйца!*

На экране включившегося телевизора кукла в одной руке держит пустой сверкающий бокал, в другой сжимаются два промаркированных куриных яйца.

Дальше гремит музыка. Гретель в шуме, что разрывает нестерпимым звоном зал, спешно пытается найти место, куда положила пульт. Но он как будто, пользуясь паузой, сбегал.

– *Отварить тебе.....яйца?!* – снова из динамиков другой голос до мурашек громко.

– Пожалуйста, замолчи! – зажала уши девчонка. Тонкие пальчики не справляются с потоком звуков, ползущих в голову.

– *Три-ца-ца-те-ди-ца-ца!* – от туда же.

Так и не обнаружив пульт, Гретель перемахнула через стол, пробежала по залу.

– *Не вари мне яйца и в ухо мне не дуй, отвари мне длинный*

....

Резким рывком выдернула штекер из розетки. Из-под пальцев вылетают искры. И даже после ещё несколько секунд мерзкие голоса кукол громко смеются над ней. На экране они выстроились в один ряд, тыкают пальцами в сторону зрителей и, держа животы, давятся в неудержимом гадком смехе. О, они дразнятся, показывают язык и голую задницу. Девчонка чувствует себя жертвой розыгрыша, когда смотрит на горящий экран, при этом держит в руке выдернутый провод. Телевизор замолкал достаточно медленно, он позволял

им долго и долго хохотать. Чем ближе был их конец, тем более вызывающим становился смех. Громкость плавно снижается, нереалистичные голоса растягиваются, картинка плывёт. В конечный момент группа нарисованных кукол перевоплотилась в чудовищ с вытянутыми лицами и растёкшимися жёлтыми глазами.

Выпустила Гретель из лёгких заточённый воздух, только когда гадкий ансамбль прекратил выступление. Шум растворяется, на его место возвращается тишина. Должно быть, это хорошо, что телевизор не созвал сюда всех крыс из подвала. Гретель вновь берёт на себя ответственность разрушать мёртвую безжизненную атмосферу. Девчонка собственно единственная, кто будет издавать звуки. В моменты пауз будет становиться максимально тихо.

Она зашла в пустую комнату родителей, долго стоит на одном месте, переминается на костлявых ногах, смотрит на завешенные шторы, смотрит на до сих пор не выключенный ночник, находит на полу платье мамы, а на спинке стула брюки и рубашку папы. Затем садится на кровать и некоторое время собирается с мыслями. Мучает тревога, привязываются дурные мысли. Домыслы как огромный рой мух, который кружится перед глазами. И нет ни единого средства, чтобы избавиться от засевших в голове паразитов. Эти чувства истязают её. Она то грызёт ногти, то наматывает на пальцы волосы. Усидеть на месте не может, ползает по кровати, то подберёт под себя ноги, то опустит их на пол вновь. Футбол-

ка для неё становится игрушкой, какую она то задирает, то натягивает обратно.

Мысли разбегаются в разные стороны, ни единого объяснения, ни единой догадки, нечем себя утешить, нечем обнадёжить. Хочется плакать, хочется уткнуться в подушку, хочется заснуть и спать, пока не разбудят. Недолгая прогулка позволила укрепиться в мысли, что в доме по каким-то причинам никого не осталось кроме неё самой. Нет родителей, нет её брата. Они пропали, бросив её в абсолютном одиночестве.

Тогда чтобы плохие предчувствия окончательно не свели с ума, Гретель вновь решает идти. На сей раз старается впихнуть себя в роль взрослой женщины, на плечи которой выпали трудности. Ей не на ком повиснуть, она должна быть рассудительной и в какой-то мере смелой. Девочка идёт проверять прихожую. Там Гретель не находит следов, что кто-то покинул дом. Обувь аккуратно расставлена на полке, на крючках остаётся верхняя одежда, входная дверь и та закрыта изнутри. Странные обстоятельства, они все как будто растворились. Дальше девчонка пойдёт проверять кабинет, где работал отец, оранжерею, где любила проводить время мама, пойдёт в комнату отдыха, заглянет в подвал и гостиную.

К вечеру варианты поисков иссякли. Время приближается к восьмому часу. Солнце движется к закату, тени удлиняются и срастаются в одно тёмное пятно, окружающий свет меркнет. Дальние комнаты исчезают во мраке, и с ними в

царство покоя идут предметы мебели. Цвета пропадают, картинка мира меняется, становится монолитной и чёрной. Ближится ночь, и, должно быть, эта ночь будет самая тёмная и страшная в жизни леди Андерсум.

В ванной комнате Гретель нашла чистую сухую одежду и наконец сменила свою ночнушку на повседневный наряд, состоящий из джинсов и рубашки. Рубашку она заправляет за пояс джинсов, подобно тому как нынче любят красоваться сверстницы. Тут же девчонка нашла себе пару носков и ботинок. Её ноги уже окоченели от холодного бетонного пола, к тому же местами появились красные мозоли. В сухой же одежде становится так комфортно.

Девчонка заметно спешит, крутится перед зеркалом. Она пытается быстро привести себя в порядок. Отряхнуть волосы и спиртом прижечь раны. Спешит, оттого и неуклюжа. Впрочем, она всегда немного неуклюжа. Сказывается и дрожь в руках. Нет, ей определенно за последние часы стало легче. Усталость постоянно находится на ногах, её текущие занятия позволили увести в сторону мысли от размышлений о судьбе родителей. Перестала думать она и о собственной участи. Трёт ваткой шею.

Тянется за пузырьком со спиртом и нечаянно его опрокидывает. Тот падает, катится к сливу раковины, попутно почти полностью опорожняет своё содержимое. Девчонка довольно нерасторопна в попытках поднять пузырёк на место. И вот она, милая особа из приличной семьи, с нахмуренны-

ми бровями через стиснутые зубы проталкивает грубые совершенно некультурные ругательства. В злости хватает пульт и разбивает его о пол. К ногам летят капли и осколки.

А девчонка всё-таки чего-то боится. Слишком уж нервная, да и мурашки на её шеи – знак, что говорит о внутренних переживаний. Видимо, ею движет страх долго оставаться в замкнутом помещении, в котором вновь могут запереть. И выбраться из окна уже не получится, ибо его попросту здесь нет. Строители не стали прорубать дополнительную дорогу свету. Ванную комнату спрятали за глухие толстые стены. И на петли повесили тяжёлую дубовую дверь. Впрочем, если она в доме одна, нет той причины из-за которой дверь может закрыться. За день никто ей так и не встретился. Ни животное, ни человек. Ни одной живой души в старом особняке. Если только они спят при свете дня и пойдут бродить по узким мрачным коридорам с приходом ночи.

Да и спешка вызвана не только страхом заключения. Есть и вторая причина, почему она торопится и не хочет подолгу оставаться спиной к...

С раковины глаза перебежали на вешалку для одежды, та действительно привлекает к себе внимание. Гретель смотрит на неё гораздо чаще, чем на отражение в зеркале. Вешалка стоит в углу комнаты в непосредственной близости к ванне, но собственно не это главное, по каким-то причинам она полностью увешена, как будто кто-то решил перенести на неё всю одежду из гардероба. Раньше максимум, что тут

было, халат и резиновая шапочка, собственно то что можно при необходимости надеть после душа. Сейчас же мотается целая масса курток и плащей. Непонятно зачем вообще на маленькую вешалку поместили столько тряпок. Одежда свисает до самого низа, края лежат непосредственно на полу. Сама вешалка покосилась и, кажется, может в любой момент завалиться набок.

Куртки в ванной?.. Для чего?.. Чтобы экономить на горячей воде? Зрелище вдохновляет идеей, что нетривиальный замысел представляет некую опасность. Среди старой верхней одежды особенно выделяется новое пальто премиального бренда с вышитой аббревиатурой фирмы, неплохо смотрятся тёмно-багровый плащ вместе с клетчатой кепкой. Последняя уже попросту не помещается на крючках, пренебрежительно накинута сверху.

Интерес позвал бы Гретель подойти поближе к вешалке, позвал бы засунуть руки и покопаться в одеждах, поискать что-то в... *глубине*... если бы не этот вторгшийся в комнату скрип. Звук пришёл издалека, и пришёл он тихий и робкий. Ох, если бы не эта тишина, был бы открыт кран, тёрлась бы вата о щёку, Гретель не услышала бы эту скромную мелодию скрипучего пола и чьих-то ног. Впрочем, и при подобных обстоятельствах звук достаточно волнительный. Сердце девочки ёкнуло в этот момент, как будто маленькая тоненькая иголочка вошла под кожу. А это жутко. Она ведь уже свыклась с мыслью о полном одиночестве, а теперь слышит, будто

кто-то крадётся неподалёку. Этот шорох потрясает, словно откровение возлюбленного, ибо девчонка не может утвердительно сказать даже самой себе, это первый подобный звук, или они были всё время, а она их не замечала в потоках рыданий. Тихие уж очень эти шаги. Такой огромный дом, а место оказалось мало, чтобы им пройти в каком-нибудь другом месте как можно дальше отсюда.

Гретель замерла у раковины в одном положении, ещё старательнее вслушивается. Не хотелось бы ей услышать продолжение, в частности услышать, что звуки приближаются. Благо ничего не последовало, в волнительной тишине лишь гулко стучит испуганное сердце. Сейчас в ванной комнате горит лампа, жёлтый свет выходит через распахнутую дверь в потемневший коридор. Нет большого желания следовать его примеру и в погоне за светом покидать эти четыре стены. В пору бы уже тут заночевать, укрывшись за туалетом или шкафом. Вот только за унитазами не скрываются ответы на её многочисленные вопросы. Вечно убегая от чьих-то шагов она сама станет призраком, который кому-то мерещится. Кто бы там мог ходить? Хороший вопрос на которой можно найти много плохих ответов. Мертвецы? Призраки? Они существуют? Они будут охотиться на живых?

Толкая себя на ночное свидание, Гретель будоражит свою кожу волнами мелких мурашек. Кусает губы и тянет за край рубашку, едва не отрывая пуговицы. Покинуть жёлтую комнату стало для неё испытанием. Девчонка сперва выглядыва-

ет из-за двери, долго всматривается в пустоту и лишь затем нерешительно переступает через порог. Она поползла искать источник звука, вернее, хочет себя в этом убедить. Всё её существо против подобных шагов, оно тормозит движения, оно пытается напугать. Внутренние голоса просят оставаться трусливой девочкой. Они хотят, чтобы она побежала прятаться под кровать. Гретель принуждает себя поднимать ноги, если она остановится, пауза получится очень долгой.

В эти вечерние часы в доме уже начало заметно темнеть. Гретель крадётся вдоль стены, ей верится, она не должна быть заметна на фоне чёрных обоев. Так ли это сложно понять без взгляда со стороны. Светло-синие джинсы кажутся очень броскими. Девчонка медленно переставляет ноги, это будет выглядеть даже лениво. А какие у неё широкие глаза, кажется, она не просто смотрит через темноту, но и через стены.

Мучительно премного от того, что Гретель не знает, где конкретно был звук. Скрипело не близко, но насколько это было далеко совсем не понятно. Она может пройти мимо источника, а что ещё хуже повернуться к нему спиной. Может быть, вообще это были не шаги? Могли дёрнуться половицы или качнуться дверь. Ветер? Крысы? Сквозняк? Неплохой вариант, чтобы себя обнадёжить. Дом такой старый, и он шумит сам по себе, ему не нужны причины, ему не нужны предпосылки. Да, да, скорее всего в этом нет ничего пугающего, вполне вероятно пробежал по комнатам ветер. Да и,

может быть, к ночи стали активнее проявлять себя крысы. Если одна из этих тварей выскочит из-за угла, Гретель упадёт в обморок. Первое и последнее путешествие закончится остановкой сердца. Да, крысы здесь вырастают крупные.

Столько попыток спастись от идеи, что рядом кто-то есть, однако будучи одной в полумраке вряд ли у неё получится держать себя под полным контролем. Она на каждом шаге оглядывается, затем смотрит себе под ноги. В темноте пола пытается найти нечто, что могло упасть, что могла звучать несколько минут назад. Ищет то, что будет успокаивать в эту ночь, когда захочет лечь спать.

Глаза остановила полуоткрытая дверь. Девчонка остановилась. Она с детства тут живёт, но помутневшее от страха и мучительных поисков сознание не смогло сразу дать ответ, что это за комната.

Куда менее опрятная, чем все остальные, то должно быть сырой подвал или уличный заброшенный гараж. Небрежность находит себя в ободранных обоях, выбитой в нескольких местах штукатурке. Ну, и наполовину проржавевшая дверь без ручки не красит. Там же свисает пропитанный маслом увесистый замок, а сверху выцарапана фраза: "Свет жизни". Это ведь та самая... про неё в семье нынче принято говорить, как дверь за которую не стоит заходить. Точно, мастерская. Место, до недавнего игравшее роль кладовки, сейчас хранилище секретов и тайн семьи, обитель крыс и область темноты. А вот была ли она открыта час назад? Дев-

чонке почему-то кажется, что нет. Ведь уже сегодня здесь проходила, и это было не один раз. И вот только сейчас обратила внимание. Причём в сумраке заметить полуоткрытую дверь гораздо сложнее, чем при свете дня.

Гретель прокручивает в голове воспоминания, пытаюсь воспроизвести момент, как утром она здесь отмеряла шаги. Наивное желание не приносит каких-либо плодов. Увы, не может ничего найти в голове, была очень встревожена. Память искажена, мысли запутались, страх отравляет сознание и поглощает здравомыслие.

И ведь знает, что в этой комнате находится. Крюки, цепи, молотки, ножи и много чего ещё не очень приятного для зрительного контакта, а особенно для контакта физического. Несколько лет назад мастерская была самым обычным местом, где Гретель часто успешно укрывалась во время игры в прятки. Но вот совсем недавно, это было примерно три года назад, ситуация с семейной кладовкой переменялась. Не сказать, что были какие-то причины, поводы. Родители объявили комнату зоной табу. Дверь закрыли. Замок повесили. Цепи принесли. Причин своим детям они не объявили.

Младший брат вообще не переносит этого места, страшится даже приближаться, затащить же его внутрь просто нереально, не ведётся ни на конфеты, ни на игрушки. Говорит, мол это логово чудовищ.

Да, сейчас девчонка очень хорошо понимает своего брата. Мастерская – плохое место для одинокой прогулки в

день, когда происходит что-то непонятное и опасное. Но хватит ли у неё духа забраться туда до конца или нет, почему бы просто не заглянуть с порога? Да, Гретель очень хочет найти своих родителей, но, наверно, это единственное место, где их найти она не хочет.

Всё же. Девчонка прокралась по скрипучему полу, предпочитает быстро передвигать ногами, не опускаясь с носочков. Близко Гретель подобралась к темноте мастерской, но по-прежнему боится показаться ей. Теперь выглядывает из-за полузакрытой двери. Немного у неё укрытий от секретов мастерской. Пальцы нервно перебирают по наростам ржавчины. Да, вокруг сумрак и его серые обесцвеченные тона, в мастерской же скопился мрак. Не самый хороший вариант разминивать остатки света на тьму.

– Лучше бы мне на глаза эта дверь не попадалась, – прошептала самой себе. И можно, конечно, пробовать прикрываться мыслями, что там ничего нет, просто комната, в которую не поступает свет, но что если это уже не так. В мастерской, найдутся сотни инструментов достижения любых самых изошрённых и кровавых целей. Там старые ножи, пилы, топоры, гвозди... богатый ассортимент.

Гретель, нервно щипая себя за губы, перебралась из-за двери к стене, сменила одно укрытие на другое, но теперь тьма совсем рядом. И ни на миг не покидает чувство, что вот-вот из недоступного для глаз пространства вылезет рука, схватит и утащит в объятия мертвецам.

Мастерская занимает достаточно большое вытянутое в длину помещение с высоким потолком порядка пяти-семи метров. Этаким ангар, для освещения которого используются несколько огромных ламп, и для каждой из них предусмотрен свой отдельный выключатель. Гретель точно знает, где находятся их красные кнопки, и это ещё один повод тревожно вздохнуть. Ведь придётся зайти в мастерскую, залезть в темноту.

И как туда идти, когда коленки дрожат, да зубы стучат. Абсолютно ничего не видно. Однако же, верится, утро не настанет, если сюда сегодня не зайти. Был бы рядом какой-нибудь мальчишка, вроде младшего брата, кого можно было бы крепко держать за руку.

Но тут никого нет, и она одна, не стала больше медлить и всё же вошла. Погрузилась во мрак, как будто упала в чёрную воду, ушла на дно. Тут же завернула направо, медлить – значит заставлять своё сердце очередной раз замирать. Главное, чтобы дверь не закрылась. Тогда одной пленницей станет больше, хотя, скорее всего, Гретель сразу же умрёт от страха. Вот правой рукой держится за дверной проём, левой тянется к выключателям.

Кнопки так некстати расположены достаточно высоко, специальная придумка папы, чтобы ни она, ни брат не смогли их нажать без лестницы. Не хотел он, чтобы его дети забирались в мастерскую за спиной у взрослых. Ах, папа, как же ты был не прав. Впрочем, это неподходящее место для

времяпровождения подростка. Гретель стоило бы вернуться на угасающий свет.

Но она прыгает, пытаясь случайным образом задеть хотя бы какую-нибудь кнопку, но лишь неудачно цепляет занозы от деревянной вставки. Дыхание ускоряется, набирает в себя волнение, и теперь сопровождается нервным мычанием и постоянными вздохами. Единственные звуки в этом огромном, но далеко не пустом помещении. Ведь не ради того пришла, чтобы поднимать шум. Такая эта девчонка громкая, здесь же в укромном месте пряталась пленительная тишина.

Ощущение холода за спиной. Не чувствует себя одинокой, вот главная беда. Кажется, стоит сделать пару лишних шагов назад, и она непременно наткнётся на кого-то, попадёт в холодные объятия, тогда же коснётся костлявого тела. Мысли, доводящие до отчаяния. Еле-еле нащупала одну кнопочку выключателя и, чтобы наверняка, с усилием вдавила.

Свет загорелся прямо над головой. Заиграл тусклый жёлтый огонёк, обрамлённый непрозрачными стёклами. Хорошо, что и спустя долгие годы лампа по-прежнему преданно служит своим владельцам. Гретель наконец-то позволила себе опустить уставшие руки, в них перестала поступать кровь, тихонько выдохнула и затем осторожненько развернулась. Излучения одного источника мало, чтобы осветить всё безмерное пространство, но, по крайней мере, девчонка может видеть, что на расстоянии пяти шагов вокруг неё никого

нет. Разве только эта странная тень от дырявой бочки падает к ногам, грозит вот-вот схватить и утащить. Впрочем, тут и без неё много вещей источающих потенциальную опасность. Упавший с верхней полки молоток будет куда страшнее.

Впереди бесчисленные стеллажи, заполненные инструментами и непонятным хламом. Полки, прогибающиеся под не щадящим давлением всяких материалов. Старая сломанная мебель. Металлолом. Куча мешков со строительным мусором, горы ящиков и всего прочего, что не очень-то интересует девчонку.

Но есть в этой мастерской и нечто другое, там в самом конце помещения. Это уже не ржавый стеллаж или какая-либо покрашенная полка. Скульптура из камня. Да, здесь нашлось место для искусного изваяния. Гретель не знает зачем нужно было устанавливать здесь эту уродину. Не знает связана ли скульптура с закрытием мастерской.

Свет лампы едва касается каменного лица и, не осмеливаясь осветить весь ужас, отпрыгивает обратно.

***Она** огромна и почти упирается в потолок. **Она** велика и занимает всё пространство у стены. **Она** черна, как ночь, и страшна как кошмар. **Она** смогла проникнуть сюда, где для её удобства воздвигнуты высокие железные ворота.*

Две проржавевшие бочки с облезшей краской стоят поодаль от места, где остановилась Гретель. В емкостях должно быть хранили что-то горючее. Через лопнувшее основание по-прежнему стекает некая густая жидкость, образуя

маслянистые пятна на полу. Там же на туго забитой крышке изображены предостерегающие надписи с изображением пламени. Запах гари ли? За бочками кто-то прячется. Оно живое. Оно явно крупнее крысы.

Гретель принялась включать остальные лампы, если те кнопки выключателей, что пониже, можно нормально достать, до тех, что повыше, приходится карабкаться вверх, схватиться за толстую палку и перебирать ногами по стене. Ужасно небезопасно, вокруг много острого, торчат штыри, разбросаны гвозди. Что-то из ассортимента лезвий и пил определённо придётся попробовать на вкус. Девчонка вдавила оставшиеся кнопки, по несколько раз прогладила по каждой ноготками. Ну, все вровень. Эх... только бы не пришлось забираться вновь.

Следом, даже не оглядываясь, разжала пальцы и соскочила вниз. Вот и первое, зацепилась за торчащий гвоздь, на время зависла. Крика или визга не последовало, только стон. Во благо под удар попала лишь джинсовая ткань брюк. Однако же прочный получается материал, в одном месте держится на железном гвозде, в другом сильно натянулся, до боли глубоко впившись в кожу.

Распарывая ткань, штырь пополз ещё выше, отчертил волнистую линию, под конец прогрыз боковой шов, и девчонка сорвалась. Приземлилась прямо на ноги и прямо на настеленные на полу деревянные доски. Но даже тогда инерция тянет во все стороны в попытке уронить неустойчивое те-

ло. Вновь приходится балансировать на грани падения в грубый ржавый металлолом. Гретель в последний момент успела ухватиться рукой за стеллаж, кое-как удержалась. А всё же, не считая занос, отделалась без царапин и ран.

Правда, теперь с правой стороны повылезали нитки и на многострадальной одежде совсем немодный корявый разрез, что берёт начало чуть ниже колена и доходит аж до пояса. Словно собаки порвали. Правая штанина мотается сама по себе, нога до неприличия сильно оголена. Порядочным людям в таком виде лучше не показываться. Они, чьи головы наполнены спесью и затухшими порядками, будут плевать в неё гадкими словами и упрёками. Гретель дёргает два клочка порванной ткани, притягивает один к другому, но их так просто не соединить, даже завязать не получается. Скрыть случившееся не удастся. А ведь это та самая вещь, что выглядела неплохо и довольно удобно сидела. А что до нитки с иглой... швеи бросятся бежать в ужасе от количества работы.

Ну, вот хотя бы свет, многое, правда, по-прежнему скрыто от взора, прячется за покосившимися стеллажами и бочками. Здесь легко оставаться незамеченным, Гретель хорошо знает это по игре в прятки. Хорошо если в этот страшный день никто не подумает прятаться здесь. Досаду на лице посетительницы вновь сменяет волнение. Она развернулась и направилась по узенькому проходу, заставленному банками краски, баллонами с давно истёкшим сроком хранения.

Пошла вглубь мастерской. Теперь все кнопки выключателей выстроились в одном положении, глянцевые и сверкающие.

Гретель неуверенно приближается, неспешно переступает через весь хлам на пути. Препятствием встают прутья арматуры, трубы, колья. Много опасного скрывается под ногами, валяются кучи гвоздей, на которые можно случайно наступить. При неудачном стечении обстоятельств будет очень больно, глубокий прокол позовёт заражение, за которым последует тяжкая болезненная смерть. Но девчонка не осмеливается опускать глаза, напряжённо всматривается вперёд.

А тут наведён беспорядок, раньше не было такого хаоса. Будто бы десятки рук наводили погром день и ночь. Конечно, дело не в людях, и Гретель знает, ещё помнит, как тряслась земля, и прямо на глазах сыпались многоэтажные дома вместе с кричащими жильцами. Стихия не обошла и эту комнату, не смогла проникнуть через дверь, так сотрясла основание: скинула, побила, порушила. Эх, всё стремится к беспорядку, и только усилиями разумных существ вещи возвращаются на занимаемую полку.

Впереди с потолка свисает оторвавшаяся от креплений лампа, огромная по своим размерам, но держится буквально на двух-трёх проводках, да ещё в добавок работает. Какие-то неизведанные силы приводят в движение, раскачивая из стороны в сторону. И она прямо около скульптуры, наверно, при падении хорошенько врезала по тяжёлой каменной башке. Сейчас бросает блик и заставляет тени кружиться в

танце.

Сбоку тожсе что-то движется. На каждый шаг девчонки делает один свой. Без сомнений, оно преследует. Без сомнений, не сводит своих очей.

"Быть смелой в глазах любого чудовища, даже самого ужасного," – нечто подобное когда-то говорил ныне покойный дедушка. Не смелость ли свела его за грань живых? Так или иначе, Гретель не может следовать этим инструкциям, она боится, мурашки покрыли ноги, и такие крупные, что за счёт не прикрывающей ткани разорванных джинсов их можно будет увидеть издалека. Ну, её брат и на такое не осмелился бы.

Теперь же добралась до конца помещения... конец комнаты, но словно начало какого-то чёрного глубокого туннеля. Слишком мало белого впереди, всё поглощено сажей давно сдохшей старой печи... Чернота на шкафах, на слесарных столиках, на полках. Слой гари в едино собрал мебель, срастил её с полом и стеной.

Шажок, ещё шажок. Остановилась. Сложно отвести взгляд от лица скульптуры, приходится задирать голову, нещадно выгибая свой позвоночник. Но оно требует к себе внимания. Пропитано секретами, вышло из-под руки неизвестного творца, материала не здешних мест. Без сомнений, что очень древнее, полно тайных знаний. С интересом взирает на ничтожно маленького посетителя перед собой. Страшная, ужасная, холодная, тёмная, но ведь это просто скульп-

тура. До сего момента у Гретель не было такого хорошего шанса рассмотреть её настолько тщательно. Так близко она не подходила даже в кошмарных снах. Родители не разрешали заходить в мастерскую. О, они наказывали за жалкую попытку заглянуть в замочную скважину.

Скульптура вся черна. Огромное тело заключено в длинные одеяния с капюшоном, скрывающим полголовы. В ней задумали крайне длинный хребет, ибо голова находится очень далеко от плеч. Из-под широких каменных рукавов торчат вполне человеческие ладони с длинными пальцами. Их венцом служат острые когти. Слишком острые для камня. В одной руке держит нож с кривым лезвием, в другой крепко сжимает каменный шар, обработанный под человеческий череп.

Лицо изваяния скрывает маска, на маске растянулась улыбка, вырезаны приветливые глаза, ещё выдавлены явные круглые щёчки. Выполнена в отличие от всех остальных частей скульптуры из невероятно чистого металла желтого цвета с небольшим рыжеватым оттенком. Сильно напоминает золото. Материал поистине чарующий, идеально отполированный, в нём кроме блика лампы можно усмотреть собственное чёткое отражение. Что, по правде говоря, не очень приятно, видеть себя на лице предвещающем катастрофы и гибель.

За её спиной раскинулись огромные крылья, на них очень аккуратно выгравированы перья, как у орла. Хотя... не хочется говорить, но они куда больше похожи на крылья анге-

ла нежели птицы. Вот только ангелом назвать эту фигуру ни у кого язык не повернется. Люди дважды помолятся своим богам даже перед тем, как робко ткнуть пальцем в её сторону.

А скульптура ещё не всё. Автор задумал также цепи. Уже не каменные, а из металла. Огромные толстые и очень ржавые. Местами растрескались и лопнули, но до сих пор крепки и непосильны. Что уж говорить, самое маленькое звено раз в пять больше, чем голова у девчонки. И эти цепи приковывают скульптуру к стене, плотно оплетают торс, словно десятки змей, стремящихся задушить слишком крупную наживу. Их так много, что местами тело изваяния полностью теряется в них.

Сложно представить, что способно разорвать эти звенья, кажется, на них может держаться весь мир.

И случайно ли, что **статуя** заключена в цепи? Это совсем не прекрасный памятник, а жуткая фигура. Лицо у **неё** милое и доброе, как у матери, но череп в одной руке и нож в другой выдают истинные намерения. Мужчина ли или женщина до конца непонятно. Нет в ней ничего, что достоверно точно об этом говорило бы. Каменный балахон прячет все подробности тела. Гретель кажется, что **она** – дева, во многом на мысль наводят черты лица.

И вот что **статуя** делает в доме? Ей нет места рядом с людьми, с их бытом и жизнью, не должна смотреть, как растут дети, накрывается к празднику стол. Такое закопать в

землю к гниющим трупам и червям. Её сюда привезли не так давно, всего три – три с половиной года назад. А объясняла это мама Гретель тем, что *данное произведение искусства* принадлежит её хорошему другу-скульптору, и вот-вот всю скверную инсталляцию заберут на выставку "Особых работ", и **она**, завсегдашняя всех ужасных балов и собраний, навсегда покинет дом. Не очень верится в эти отговорки, по правде говоря. Аля, детям сойдёт любое объяснение, лишь бы слова собрались в грамотное предложение.

Девчонка точно не помнит, на какой день была назначена та выставка, но точно знает, что дата проведения давно истекла. А ещё насколько близкий друг должен быть, чтобы ради его творчества пришлось снести целую стену? Эту семи-метровую фигурку в дверь-то не занесёшь, даже вперёд ногами не получится. Рушить дом ради чужого мужчины, кто ей не брат и не муж? Отец вообще никак не высказывался о подобном приобретении, был он молчалив при разговорах и был строг.

Гретель не по себе от *близости к статуе*, хочется, чтобы **она** канула с обрыва и никогда оттуда не выбралась. В доме должен быть один хозяин, и тому подобает быть человеком с двумя руками и двумя ногами. Девчонка не может почувствовать свою власть над **ней**, только волнение и замирание сердца.

Так и стоит перед статуей, как солдатик, грудь вперёд. Но по сути то лишь кусок камня, страшный, но не живой, ужас-

ный, но без души. Была глыба, а какой-то умелец решил сделать из неё нечто для сада, отпугивающее воров. Ему удалось. А вот под статуей уже действительно следы жизнедеятельности, их так просто не скроешь, жизнь ведь всегда себя выдаст... У каменных ног стоят рядами тарелки. Два блюда из которых не пустуют. Внутри одного лежат комки неизвестной пищи, какую можно охарактеризовать как засохшую кашу. Другое блюдо доверху наполнено мутной грязной водой.

Притащено и постелено одеяло, усеянное крупными кусками засохшей земли, в придачу к которым прилегают пропитанные чем-то чёрным пучки ваты. Много пятен и следов крови. И оно как оказывается ещё не самое отвратительное. Тут много слизких опарышей и глистов, вся мерзость мельтешит, подбирается к ногам. И уже почти сплели из своих организмов плотный ковёр. Эту гадость влекут забытые и сгнившие мясные консервы. Нет сомнений, по вкусу им пришлось и отходы организованного неподалёку туалета. Греть морщится, зажимает нос, ей особе высокого социального статуса не подобает даже стоять рядом с такой помойкой. Следы непрерывной деятельности, выпавшие волосы – всё это понуждает леди Андерсум вырвать.

И что же это значит? Кто-то пробрался в мастерскую и жил здесь? Часть вещей, валяющихся у ног статуи, украдена из дома. Подушка с дивана, одеяльце с рисунком подсолнухов стянули с кресла, фарфоровая кукла, помнится, была

в зале, новый радиоприёмник стоял на кухне, ваза красовалась в комнате отдыха. Особенно был алчен незнакомец на продукты питания. Тут много пустых банок из-под консервов, коробок из-под масла, бутылок из-под молока. Отметить стоит, некто старался у себя в жилище содержать свой своеобразный порядок. Мусор он складывал в одну кучу, биологические отходы в другую кучу, спал и проводил досуг где-то посередине.

Подушки, пледы, украшения. Подобные вещи никто из семьи сюда не понёс бы в здравом уме. Об уме? Здравомыслие незаконного постояльца вызывает опасения.

Неприятным является дополнение, что незнакомец по всей видимости не совсем здоров психически. На него так влияло одиночество или близость скульптуры? На стене и полу очень много следов ногтей, длинные полосы рассекают камень, в одном месте некто даже выколупал целую яму. Надо же какое стремление. Долго выковыривал. Без специальных орудий он должен был раскапывать буквально по песчинкам. Содрал ногти и, видимо, пальцы, ибо в грязи виднеются следы засохшей крови. Одна мысль о боли, которая, несомненно сопровождала весь процесс, вновь заставляет поморщиться.

Глазами взвешивая горы мусора, Гретель пытается хотя бы примерно понять сколько оно тут пробыло и прожило. Видимо, не менее года. Пустых консервных банок здесь не десятки, а скорее целые сотни. Некто мог забраться в дом,

когда семья Андерсум была в отъезде. И жил до... Каких пор?..

Девчонка вздрогнула. Находясь рядом с чьей-то подстилкой, она больше не чувствует себя в родном доме, она как будто без приглашения зашла кому-то в гости. И наверняка им это не понравится. Что она маленькая хлипкая девчонка с крошечными кулачками им заявит? Какие права им предъявит? У них тут и койка, и стол, и стихийный туалет. Впрочем, стоит опустить пока права на собственность, Гретель сильно мучает другой вопрос. Жил до каких пор? Задержав дыхание, девчонка дрожащим взглядом ищет ответ. Стоя на месте, пытается прочесть срок годности на пустых банках и среди украденных вещей ищет те, что выглядят новыми. Ох, вон та шаль весьма чистая, это как раз может быть связано с тем, что её украли недавно. Правда, также это может быть связано с тем, что она, не касаясь земли, висит на руке статуи.

И так уж получается, что ответ хранит не чистенький плед, а грязный кроссовок. Гретель потеряла его только сегодня, когда придавило дверь. И вот теперь кроссовок лежит здесь на подстилке в сырости и грязи. Прямо посередине, сакральная жертва для мёртвых богов. Черви уже освоили его в качестве нового дома, глисты трясутся среди шнурков и вылезают изнутри башмака.

Незнакомец побросал свои игрушки, но где же сам? В принципе, девчонка видит в отражении на статуе стоящую за

спиной фигуру. Оно едва выглядывает из-за спины. Гретель бледная в этом импровизированном зеркале, то, что сзади, кажется, излучает темноту. Словно призрак. Они не на своих местах.

Гретель осторожно развернулась. Совершенно спокойно, без рывков и без резких сложно предсказуемых действий. Поворот сопровождал скрежет камушков и облупившейся краски под ногами. Однако же шумно, то что подкралось со спины было беззвучно. Впереди весьма страшное лицо, девочке приходится бороться с желанием отвести взгляд в пол. О, оно отвратительно, глаза стеснительны. Не сказать, что это чудовище, просто уродливый человек. Женщина, если быть точным. Она не очень крупная, примерно на полголовы выше Гретель. Плечи и талия узкие, ноги тонкие. Её возраст непросто определить. Эти сложности во многом связаны с лицом. Оно высохло будто скальп мумии. В целом у неё серьёзные проблемы со шкурой, язвы, красные головки прыщей и сыпь покрывают большую видимую часть кожи. Её глаза узенькие и запавшие в череп, белая плёнка покрывает их как яичный белок. Зрачки затуманены, они же сильно расплылись. Не узреть их точных очертаний. Нос изогнут дугой, тонкие едва различимые губы поджаты, уши выглядят как обглоданные маленькие отростки. Сама же голова почему-то тёмная. Тёмная и почти полностью лысая. Свисают всего несколько пучков длинных седых волос. Не человек... гоблин какой-то...

Остальное тело – это помесь разодранных тряпок, грязи, а также неприкрытая нагота. Она больна. И все следы болезни у неё на теле. Хочется надеяться, что это не заразно. Гретель не думала, что когда-то рядовое предупреждение отца, проявится так точно в её жизни. Он ведь говорил, что бездомные, живущие в здании сгоревшей школы ужасны на вид, и больны неизлечимой хворью. Вот, видимо, откуда пришла эта страшная женщина.

Стоят друг перед другом под нависшей чёрной громадой, очень дискомфортные условия для одной, повседневная обитель для другой. Гретель не столько страшно, сколько неудобно. Тошно на неё смотреть, она кроме того, что уродлива, так ещё и почти голая. Некоторые подробности тела незнакомки девчонка никогда не хотела бы видеть. Обвисшее... грязное, заросшее волосами – это надолго оставит отпечаток. В остальном бездомная не выглядит грозно. Худая, сутулая, жалкая. Кости да кожа. Какой вред может причинить дряблая старуха? Гостья отчасти выглядит жалко, но леска совсем не случайно крепко сжата в руках. Нехорошая вещь, такой можно с лёгкостью порезать кожу, а если попадёт в глаза... о... Можно будет ещё попробовать разрезать губы от уха до уха.

– Вы здесь живёте? – заговорила Гретель, ей хочется немного снять повисшее на плечах напряжение.

Фигура впереди едва заметно шатается. Глаза не моргают, и не поймёшь живая или мёртвая. Выражение в глазах

неприятное, болезненное, под белой плёнкой скрыто много страданий. И там же в море боли удаётся прочесть одно чувство. Это то самое чувство. Из тех, что по некоторым поверьям относят к семи смертным грехам. Весь мир им наполнен. *Зависть...* Смертный грех. Вот только столь бедное создание вряд ли испугается несущейся сверху кары, не была ведь настолько грешна и повинна, когда с ней свершилось это.

Зависть... На её грязном мерзком одеяле стоит девчонка, такая чистая и соблазнительная... порозовевшее лицо радуется своей женской красотой, желание его коснуться притягательно, взять да ладонями прогладить по щекам, нащупывая там малейшие неровности... Что до остального? Одежда элегантно облегает грудь, талию и ноги, на её теле всё так прекрасно сидит ... а волосы... а сверкающие густые волосы... какие сейчас уложены в невероятно чудесную причёску, волосок к волоску. Не хватает только воткнуть шикарную красную розу, тогда уж настоящий ангелок. А ведь ещё стоит упомянуть кожу, гладкую и, нет сомнений, мягкую и ласковую.

– Мы живём здесь с родителями, – снова подала голос Гретьель. – Это наш дом. Вы зашли к нам в гости?

Незнакомка только покрутила головой. Это не ответ на вопрос, скорее бездомная продолжает изучать тело своей милой подруги. И замечает её новые подробности. Находит на теле девчонки вмятину посередине груди, о, это тот са-

мый след от двери. Неровность красная, местами даже лиловая. След делящий тело пополам вызывает интерес. В глазах незнакомки загорается огонёк ещё не свершившихся желаний. Но и эта болячка не уравнивает их, нужно больше травм, меньше целостности кожи. А вопросы этой соплячки такая нелепость, ибо незнакомка знает, что ничьи уши более не услышат эти речи. Пусть хлопает пересохшими губами. Знает...

– Я могу вас накормить, – предложила девчонка Андерсум. – А хотите умыться? Помыть руки?

Незнакомка ухмыльнулась. *Что собралась запереть в ванной комнате?*

У девчонки голос неуверенный, порой дрожит.

Незнакомка смотрит на перепуганную девчонку с вызывающей, неужели, улыбкой. Это выглядит жутко. Бездомная ниже опускает тонкую леску и выше задирает голову. Вытянула из лохмотьев худую руку и ткнула пальцем куда-то кверху. Все движения очень плавные, не трясётся и не дрожит. Есть даже определённая грация. Страшный танец атрофированных мышц.

На время она замерла в белом сиянии света под громадной статуей. Измученная женщина, мало чего в ней осталось от изначального рода. Кажется, ещё немного и растворится в свете ламп. Над ней же могучий и всесильный торс каменного чудовища, время над которым не властно.

Гретель не позволила себе последовать прихоти бродяж-

ки, в первую очередь, потому что не очень поняла, куда смотреть. На лампу, раскачивающуюся на проводах? Не очень поняла, почему улыбка на губах оборванки. Что задумала? Пользуясь паузой, Гретель осторожно делает шаг назад.

А незнакомка опустила руку, снова закутывается в тряпки. После развернулась и неспешно побрела прочь.

Когда женщина сделала около десяти шагов от основного места действий, Гретель максимально тихо выдохнула. Дрожь проходит от пальцев ног до макушки. Уходит и слава всем богам. Юная леди проследила за незнакомкой, пока та не завернула за стеллаж. И только посмотри, плавная как лебедь, но мерзкая как прокисшее тесто. Пошла бездомная в основную часть дома, однако же не хочется её догонять и останавливать. Не хочется встречаться с ней за стеллажами среди острых гвоздей и ржавых пил.

Затем девчонка всё-таки задрала голову повыше. Ну, что же ей пытались сказать? Это что-то важное? Конечно, между тянущимся вперёд ликом статуи и мотающимся светильником, второе перетягивает к себе куда больше внимания. Свет попадая в глаза, каждый раз вынуждает посмотреть именно на него. Яркость прожигает и ослепляет, и от всего даже когда закрываются веки, остаётся белое пятно.

Статуя... лицо... маска будто приподнята. И сейчас изпод неё что-то торчит.

И ведь никогда бы не подумала. Неужели под маской что-то есть? У чудовищ не должно быть лиц. Скульптур скрыл

что-то, видимо, соскочило долото, рука не удержала молоток, или от работы и настойки горькой помутнело сознание. И вот, дабы не видели глаза мягкотелых зрителей, нацепил на сотворённый лик приветливую маску.

Гретель в целом не очень хочется смотреть в изначальное ужасное творение, чтобы оно ещё потом стояло перед глазами в одном ряду с персонажами кошмарных снов. Но определённая таинственность не даёт опустить взгляд. Сейчас девочка стоит довольно удачно, ровно под зависшим ликом, в одной единственной точке, где образовалась тень. Запрокинула голову. А там темно...

– Что, что... ничего не видно, – начала тихо шептать под нос, щурится и, не выдерживая волнений, порой совершенно бесполезно встаёт на носочки. – Что-то чёрное... Местами кр-р-расное? Там есть свой рельеф, какие-то волнистые контуры. Но никак не разглядеть... оно будто бы не из камня.

Маска свисает с лица, самая крайняя лампа без каких-либо причин погасла. Очень тихо без щелчков и искр. Лишь тухнувшая спираль ещё на несколько секунд задержала мрак на дистанции. Затем темнота забрала часть ангара.

У входной двери остановилась незнакомка, замерли в шаге от порога белые, как молоко, ноги. Лицо, наполовину закрытое капюшоном, обернулось назад. А ту чёрную каменную бестию видно отовсюду. И та обычно всегда смотрит в ответ. Только сейчас лицо монстра, кажется, более увлечённо происходящим у огромных ног.

Незнакомка потёрла куском тряпки глаза. Стоит спиной к свету и вот уже вновь кажется, что во впадинах у её носа ничего нет. Будто там остались одни только пустые дыры, что уводят по извилистым каналам глубоко в череп. Через непродолжительную паузу женщина отвернулась от мастерской и неспешно переступила через порог комнаты. Совсем скоро закроется дверь, запечатывая то, что никогда не должно быть открыто. Щёлкнет замок, неторопливые шаги пойдут прочь.

– Круглое как лицо... но не совсем реалистичная физиономия, напоминает морщинистое, – договорила Гретель, потёрла затекающую шею, немного пощипала кожу, уже очень хочется вернуть голову в исходную позу.

Что же такое?

– Стоп, стоп, стоп... а оно шевелится... *ползает*... Фу, какой жирный червь?!

Над ней нечто круглое, похоже на лицо без кожи, будто бы содрали, сняли, срезали. Глаз, носа не выделить в красном мясе... хорошо виден только рот. Пасть порой смыкается, порой расползается вновь. Ещё есть что-то длинное и тонкое, хорошо заметно какое слизкое, эти слюни или сопли тянутся следом как вуаль. Оно красное и действительно напоминает огромного продолговатого червя. Тот раз за разом выворачивается, крутится. Язык что ли?

Маска еле заметно ползёт вниз, выключатели на стене дрожат, кнопки стучат, перескакивают в противоположное

положение, свет вокруг гаснет.

– Он... оно... оно... – голос стал сильно взволнованным, теперь дрожит как струна, – жи... жи... жив...

В следующий момент маска резко опустилась, заняв своё прежнее положение. Исход... Нечто слетело сверху, капнуло на бледный лоб Гретель. Девчонка вскрикнула, отпрыгнула, обратной стороной ладони тут же пробует стереть с лица вязкую жидкость. Тем самым размазывает её по щекам. То, может быть, обычная смола, но страшно как яд. И теперь от неизвестной субстанции слипаются пальцы, блестит лицо. Всего несколько секунд до первых слёз. А ноги уже спешно перебирают назад. Оно живое?! Живое! Двигается. Дышит. И вот-вот они серые и страшные, эти каменные руки, сомкнутся, вцепятся и разорвут.

Гретель вскрикивает, бросает взгляд то на нож, острый и длинный. Холодный, но, нет сомнений, тот готов согреться чужой горячей плотью. То смотрит на череп, свидетельство безжалостности, и пусть лицо девчонки милое и красивое, слёзы горькие, а крики громкие, под этой оболочкой та же костная основа. Доберётся до всего. Но сперва дьявольские руки непременно заставят мучиться, будут отрывать по кусочку, собирать кровь по капельки, ибо боль страстное удовольствие для них.

Между тем в мастерской осталось так мало света, освещён лишь узенький участок, своего рода коридор, что тянется от чудища к выходу.

Когда – же...? Вот – вот схватит! У Гретель заплелись ноги, и на очередном шаге назад она налетела на подвернувшуюся стопку ящичков. Хорошо это не закончится. Перелетела через бочки и соскочила на задницу. Ещё не успевшая засохнуть краска полилась из ближайшей канистры на ноги. Гретель не сильно беспокоила липкая субстанция, попавшая на кожу, широко распахнутые глаза следят за статуей. И стальное лицо ужасной скульптуры, зачем-то вытянутое вперёд, заинтересовано зрительным контактом ничуть не меньше. Девчонка даже не попробовала встать, начала ползти.

Не осмеливается отворачиваться, боится тратить время на то, чтобы подняться на ноги. Естественно, много отчаяния, но мало проку. То ударится о стеллаж, то налетит на коробки. Каждый раз судорожно дёрнется и отскочит в сторону. Помещение заполняет шум: грохот падающих инструментов, звон разбивающихся банок. Непременно что-то из этого ушибёт или оцарапает.

И лик скульптуры, он только кажется неподвижным. Но сколько Гретель не ползёт, лицо статуи всё так же нависает над бедным тельцем девчонки? Пусть пощадит, не думает убивать. Она совсем юна.

В следующий момент удар о полку, и целый стеллаж рухнул на пол, в дребезги и куски разбивается то, что покоилось на полках. Тут же несколько тяжёлых труб со звоном упали и покатались. Девчонка завизжала, сжалась, беспомощно задрыгала всеми своими доступными конечностями. За-

тем всё-таки перевернулась и поползла уже на четвереньках. Вроде бы, должна ходить на двоих, но на них, ослабленных куриных ножках, она попросту не устоит. *А ты отвернулась Гретель.*

От неё не убежишь. Одного огромного шага всегда хватает, чтобы преодолеть любое расстояние, как много бы вас не разделяло.

Гретель, крепко стиснув зубы, мыча невнятные слова, продолжает двигаться вперёд, глаз не поднимает с пола. Ничего не останавливает на пути, по гвоздям и по стёклам, и пролазит прямо под сваленным стеллажом. Под последним отчасти даже застревает, ненадолго, но и тех секунд хватило, чтобы взречься во весь голос от бессилия. Затем отчаяние толкает дальше, вновь цепляться руками и разбивать кожу до синяков. А здесь, за ящиками и бочками, её взор уже не настолько страшен. Ржавый металл да гнилое дерево – все защитники.

Гретель на четвереньках, как перепуганная черепаха, уже добралась до выхода, ещё бы один рывок, и она оказалась бы за порогом. Но дверь, о, ужас, она закрыта. Девчонка несколько раз толкнула препятствие плечом, упёрлась ногами, навалилась весом всего тела. Безрезультатны попытки пройти. Не сумев прорваться через дверь, Гретель падает на колени. А дальше окончательно растеряв силы на борьбу, развернулась обратно лицом к мастерской. Подтянула к себе ноги и максимально плотно прижалась к две-

ри спиной. Некоторое время ещё будет упираться, пытаюсь пройти сквозь стену. Но это явно не дар её тела. Волосы легли на лицо, Гретель не спешит убирать их обратно. Так ей не видно ничего кроме собственных ног. Но она и не хочет смотреть вдаль и видеть воплощение ужаса. Ей невероятно страшно, она дрожит. Ощущение дыхания зла остужает боль всех ран, порезы и синяки молчаливы. Сковавший страх далеко не сразу позволит понять, что её заперли, обрекая на заключение в мастерской. И теперь самой придётся есть испорченные консервы и спать на гнилом одеяле среди опарышей.

Грязные разбитые коленки, краска на коже и в волосах, смола, застывающая на щеке, слёзы, сопли, порванная одежда, царапины, синяки. Конечно, не знает наверняка есть ли там что-то во тьме, заключено ли страшное существо в каменных формах, но оно смогло вселить в сердце девчонки всепоглощающий страх. Гретель опасно поднимает глаза, выглядывает из-под чёлки.

Скульптура так и стоит в конце коридора из стеллажей, неподвижна, как и всегда. Страшный ангел в туннеле света, водружённый на фоне сажи старой печи. Только ржавый светильник мотается из стороны в сторону.

И тут лампа над статуей соскочила, с предсмертным горящим огоньком промелькнула мимо стеллажей, дальше следует треск и удар о пол. Из проводов сверху вырывается яркий завершающий столб искр, осыпая и в последний раз де-

монстрируя миру её *неподвижные* каменные контуры...

Свет исчезает...

Все лампы погасли. Положение тела Гретель за это время не изменилось. Так и сидит, прижавшись к двери спиной, держит поникшую голову на груди, вдыхает глубоко и долго. Разве только теперь руками обхватила колени, волосы убрала за уши. Здесь абсолютная темнота, но и при этом глаза широко раскрыты.

Никакого движения не замечено, мастерская лишена звуков. Отсутствие света создаёт иллюзию, что вокруг пустота. Лишь на короткие мгновения безмолвие теряет свою пленительную силу, и из недр дома доносятся звуки быта. Гретель слушает их через дверь. Нет сомнений, что они – не пустой шум, это чья-то осмысленная деятельность. Можно даже представить, чем именно там занимаются, предвкусить их заботы и дела. Горький вкус у деяний чужих незнакомых рук. Вот звон посуды, видимо, забрались на кухонную полку. Она собралась на вечерний ужин при свечах. Как мило. Скрип двери в туалет, можно догадаться зачем туда пошли. Чистюля. Загудел кран. Умыться? Помыть руки? Или почистить зубы щёткой Гретель? А может быть не зуба, а забитые грязью ногти на ногах? Затем топот перемещается по всему дому. Открылся и закрылся холодильник. О, Гретель так голодна, слюни буквально текут, и девчонка вытирает их пальцами.

От досады у Гретель ладони сжались в кулаки. Она взвездена, внутри всё вибрирует и дрожит. Ей обидно и отвратительно слышать, что кто-то хозяйничает в доме её семьи. И нет той силы, которая может что-то поменять. Убогая сопливая девчонка, чем она может помешать? В очередной раз проглатывает медленно ползущий по горлу комок. Ей ревниво, вот только Гретель не закрывает уши, наоборот вслушивается. Не хочет пропускать мимо себя дела бездомной, какими бы отвратительными те не были. Мерзавка жрёт. Гретель слушает. Мерзавка моется. Гретель упивается звуками бултыхающегося тела. Щёлкает выключатель, гадина, видимо, тоже любит свет. Эта возящаяся в доме вошь, порождает такой зуд на теле Гретель. Девчонка готова чесать себя до крови. Особо мучает живот. В месте, где остался след от ремня джинсов, невыносимое зудение.

Через пару часов гадкая незнакомка окончательно смолкла. Наверно, улеглась спать. На диван? На кровать? Девочка замерзает на холодном полу. Ноги окоченели от сквозняка, спину ломит от холодной железной двери. В целом всё тело болит.

Гретель вся сжалась, сильно горбится, а каждое движение стало встревоженным и резким, порой и того, опьянённая усталостью и эмоциональными потрясениями, шатается из стороны в сторону. Внешний вид прискорбен, где-то царапины и засохшая кровь, где-то грязь и краска. Последней уж очень много, лаковой шлейф берёт начало от пальцев ног,

через лодыжки и бёдра перебирается в область талии и заканчивается уже на кофте. Она серьёзно приблизилась к эталонам красоты здешнего места. Ммм, здесь ценится уродство. А Гретель, должно быть, как раз выглядит как побитая дворняжка.

Её же сознание стало неконтролируемо. Перед глазами начали мелькать страшные картинки, которые когда-то она видела во снах. И никак не остановить их поток, увести мысли в другую сторону не получается.

Вот монстр. Крупная тварь с распахнутым ртом, из пасти высунулись невероятно длинные языки, на каждом из которых шипы и колючки. Вокруг ещё что-то вроде присосок и... вены? Жилы? Очень яркое воспоминание, перегруженное неприятными подробностями. Ещё ведь стоит сказать об язвах, волосках и бугорках, расположенных по бокам и у основания мерзкой гигантской головы. Понять предназначение щупалец не так сложно, над толстыми губами высунулись острые как копья клыки. Сама глотка выглядит как чёрное пятно. Символично, ибо многие людишки должны будут сгинуть в ней. Ведь чудовище только половина сцены, сознание зачем-то рисует жертв плотоядного монстра. Бедные создания оплетены языками, их вот-вот заглотят. Ужас отражается на лицах, широко раскрытые рты кричат, квадратные глаза смотрят в лицо своего пожирателя. Столько безумия разродилось в сцене, столько безумия скопировалось на персонажей.

Другое воспоминание. Человек выглядывает из-за угла, милый, добрый, хорошо одет, в руке прелестный алый цветок. Должно быть, хороший компаньон. Друг. Парень. Здорово. А как улыбается от уха до... а-а-а... приветливые глаза... глаз, ровные брови... бровь, круглые щёки... щека. У него ведь нет пол-лица, на том месте фарш с нарубленной кожей. Игриво выглядывает череп, от излишка эмоций потёк мозг. Чёрный след от автомобильного колеса на лбу намекает на аварию. Вот только для подобного случая линия раздела головы на хорошую и плохую уж слишком чёткая, ровно пополам. Травмы ведь не имеют такую идеальную границу, как от хирургической пилы. Такое бывает? Стоит ли вообще искать смысл в этих воспоминаниях.

Гретель не собиралась засыпать в эту ночь. Она думала будет рассматривать темноту в поисках истины среди пустоты. Но ближе к полуночи её потянуло. Тело измотано и устало до предела, голова перегружена и не получается ни о чём думать. Борьба со сном стало практически невозможно, мышцы расслабляются и затягивают всё глубже в пучину грёз. Уже вскоре Гретель наконец позволила себе закрыть глаза, голова поползла по двери вниз, легла на грудь, затем упала в царство снов.

Глава 4.

[Дом Андерсум, день назад]

Незнакомка лежит на матрасе под нависшей скульптурой. Предположительно, женщина спит, и скорее всего её мучают кошмары. Всё тело дрожит, а в определённые моменты извивается словно лишено костей. Особенно сильно трясутся голова и плечи. Её конечности словно живут отдельно от остального тела. По губам текут слюни и сгустки пены. Щёки и подбородок покрылись плёнкой загустевшего желудочного сока. Её лихорадит, состояние подобно предсмертной агонии. Она стонет и завывает. Смерть, должно быть, сидит рядом, дожидаясь момента, когда болезнь наконец прикончит женщину. И так будет продолжаться, пока наконец у незнакомки не откроются глаза.

Это не первая её кошмарная ночь. Сны в этом подвале всегда мучительны. Некая злая сила обитает здесь среди ржавых стеллажей. Кто-то прядёт ночами невероятно реалистичные кошмарные сны. Да, это место оказывает серьёзное влияние на голову, сводит с ума. Ты перестаёшь воспринимать мир вокруг, происходящие вещи кажутся нереальными, в какой-то момент ты даже не понимаешь, кто ты такой. Даже своё тело ощущаешь, как нечто чужеродное, желание отрезать себе руку становится навязчивым. Тот, кто надолго останется здесь среди стеллажей, лишившись последних крупиц

разума, будет гнить заживо до тех пор, пока не срастётся с землёй. Нужно срочно лезть на поверхность. У бездомной сегодня насыщенный день, сегодня она попробует вернуть себе дом.

Она пришла сюда три года назад, после того как её выгнали соплеменники, они же собирались убить её. Растерзать! Разорвать на части! Она бежала, за ней гнались. В дом людей незнакомка забралась через дыру в стене. В этом месте она надеялась найти временное укрытие от организованной на неё охоты, сперва не планировала задерживаться надолго. Думала уйдёт, когда стихнет лай собак. Да, находиться рядом с людьми казалось опасной затеей. Поселенцы выглядели слишком хитрым и слишком умными.

Однако же планы поменялись, ей пришлось долго прятаться в погребе от своих соплеменников, кто подждал её за стенами дома. Кроважадные псы устроили ловушку прямо в саду, ждали момента, когда их прокажённая сестра выйдет к ним на разговор. Такие себе переговорщики, по правде говоря, вместо того чтобы вести диалог, предпочитают отрезать собеседникам языки. Прошло два месяца, прежде чем твари окончательно ушли. За время вынужденного заточения бездомная обжилась, к чудесному стечению обстоятельств в старую комнату со стеллажами жильцы никогда не заходили. Она им была не нужна, к тому же всегда заперта. В чужом доме бездомной даже не приходилось прятаться. Здесь царило одиночество. Единственными гостями бродяжки были

лишь потоки ветра, пробивающиеся через щели стен. Никто так и не пришёл выгонять.

Поначалу ютилась в тесном углу, после бегущее вперёд время укрепило решительность. Сон стал глубоким, желания более наглыми. Постоянное же присутствие людей рядом развеяло страх перед ними. Вблизи они кажутся безобидными, слабыми и хлипкими. Шеи у них тонкие и хрупкие. Маленькие же дети вовсе выглядят как молочные поросята готовые на убой. Бездомной же понравилось место, где несложно добывать еду, где можно спать под крышей, где топят камин, и где горит свет. Когда здесь жили люди, бродяжка была крайне осторожной, вела себя максимально скрытно и трусливо. Не попадалась на глаза, вылезала из мастерской только в самые тёмные ночи, маскировала все свои следы деятельности, да и крада лишь в малых количествах.

Случились катаклизмы, стены дома в одну ночь начали дрожать. Падающие со стеллажей вещи оставили на теле неизгладимые шрамы. Навсегда запомнит тот день, когда просыпаться пришлось от крови, заливающейся в глаза. Страшное было время. Людишки испугались гнева богов и разбежались. Зачем-то только оставили в доме после себя старого, дряблого старика, который даже не мог нормально передвигаться Он так медленно ходил с костылём, его слабые ноги были травмированы. Один на весь дом. Такое огромное здание для немощного человечка показалось слишком крупным даром. Для него наградой могла быть

только быстрая смерть.

Впрочем, внешность старика оказалась весьма обманчивой. Бездомной было сложно убить его, она пыталась задушить старика прямо во сне, подарить ему вечный сон, но тот всем на беду проснулся раньше смерти. И, кажется, это был не совсем человек, что-то демоническое пряталось за брэнной оболочкой, он изловчился, разорвал удавку. Кости на сломанных пальцах бездомной долго срастались после этой встречи. У старика железные руки, когда его каменная ладонь сдавила горло бездомной, она уже видела туннель на тот свет. Ей повезло вовремя воткнуть ножницы в глаз старика. Нож в животе окончательно его угомонил.

С этого момента бездомная завладела всем зданием. Ей больше не приходилось ползать, скрываться, сливаться с тенью и прятаться. Она ходила с выпрямленной спиной, бегала, прыгала и даже танцевала. Наливала себе полную ванну воды, спала на кроватях и временами, чтобы греться ночами, без разбора сжигала мебель. Одевала чужую одежду, разрывала чужие игрушки и ела чужую еду. Пищей были наполнены все ящики. Ей бы хватило на несколько беззаботных лет. Для неё дом стал открывшимися воротами рая. Блажь быть одной и распоряжаться всем, чем захочет. Дар богов за тяжёлую жизнь. Соплеменники, кто выгнал её, питаются крысами, она отверженная будет есть сочное консервированное мясо.

Увы, гадкие люди вернулись.

Незнакомка будет медленно проползать мимо стеллажей с инструментами, долго выбирать подходящее средство для борьбы с паразитами. За всё время процесса в ладонях успеет побывать чуть ли не весь арсенал мастерской от тонких пил и крючков до тяжёлых кувалд и молотков. Последнее понравившееся оказалось намотано на катушку. Леска для пил – хороший вариант для того, чтобы кому-то отрезать лишнее. И тут пришлось отмерить нужное количество лески, затем отгрызть. Отгрызть, отгрызть! Изнеженные постояльцы предпочли бы отрезать ножом. Ей же не составит труда отгрызть. С неё слезает кожа, выпадают волосы, но у неё такие крепкие зубы, и с каждым днём становятся только больше и острее. Будь у неё такие клыки на момент, когда первый раз проникла в дом, её бы никто не остановил. Одним трудом дом бы не окупил свои грехи. Богатство – грех. Власть – грех. Социальный статус – грех.

Пока же открывается, поскрипывает дверь. Бездомная осторожно выбирается из мастерской. Пристально осматривается, затем долго вслушивается, вылавливая из тишины самые сокровенные звуки. Важно не шуметь, ведь шаги способны спугнуть хозяев дома. Как удачно, что люди ровно такие же беспечные, как и два года назад. Следы пребывания бродяжки в доме их не насторожили. Наверно списали проделки рук убийцы на мародёров. Они же должны ещё спать на своей огромной кровати. Нежиться в белоснежных простынях или даже ласкаться. Мирно и сладко.

Незванная гостья несколько боязлива. И леска в руках не может дать полную уверенность в своих силах. Постояльцев бы перерезать, пока они размякшие и раскисшие отдыхают на тёплом лежбище. Их сон никогда не должен закончиться. Главное не опоздать, бездомная должна их разбудить своими холодными прикосновениями гораздо раньше, чем это делает солнце.

Однако же увы дверь спальни хозяев дома раскрыта настежь, видимо, время ушло. Наверно, теперь они бродят по этому огромному зданию. Проснувшиеся, выпавшиеся, упитанные, свежие. Особо страшен хозяин дома. От воспоминаний о нём сильно колотится сердце. После возвращения он стал ужасен. И где сейчас гуляет этот кошмар? В муравейнике столько комнат, дверей. И в этой обители у неё есть всего одно преимущество – неожиданное нападение. Придётся охотиться и вылавливать их по одному. День будет кровавый и сложный. Остаться же должен только один. Положить жизнь на свободу не так уж и дурно.

– О, – вырвалось у пленницы. Глаза встретились со своим отражением в зеркале над комодом. Напугала сама себя. Было подумала, что за углом притаилось мерзкое чудовище, какое собралось наброситься из засады. Неприятно очередной раз осознавать, что этот уродливый монстр ты и есть. Не так просто признать своё изменившееся тело. Кусок засохшего мяса. Человек это или животное?.. Больше походит на не догнившего мертвеца. Машет отражению рукой, чтобы

убедиться, что это действительно она сама. Премного не любит зеркал, не терпит свою чудовищную красоту. При следующей возможности она определённо разобьёт всё, что способно давать отражение. Подобный вид расстраивает, заставляя думать, что она уродина. Что она не заслуживает жизни. Так печально...

Да, хворь меняет облик до неузнаваемости. Родная мать и та не узнала бы. Кожа трескается, сползает, волосы выпадают, глаза же, наоборот, западают в череп. Ну, внешность человека ещё не утеряна. Незнакомке даже кажется, что она до сих пор несколько симпатична. По крайней мере, остались женские черты. Ну там узкий подбородок, тонкие запястья и... платье, в целом ещё можно потаскать на плечах сезон. Жаль, что старик, кого пришлось заколоть, порвал столь чудное одеяние. Разодранные нитки со временем не срастаются, так и остаётся дыра от рёбер и до самого пупка. От всего левая грудь то и дело выскакивает.

– Женщина! – вздрогнула бездомная.

Незнакомка обнаружила за кроватью тело хозяйки дома. И та по невероятным причинам уже мертва. Такое стечение обстоятельств удивило даже бродяжку. Мёртвая женщина лежит на полу в коротком ночном платье, задравшимся почти до живота. Тело слегка прикрыто соскочившим с кровати одеялом. Руки мёртвой раскинуты по сторонам, волосы рассыпались по всему полу. Её кожа заметно посинела, особенно морозят взгляд ноги, что стали фиолетовыми. Стопы

и те почернели не от грязи, а от готовности маршировать к вратам смерти. Открытые глаза не двигаются, выражение, застывшее в них, это что-то среднее между удивлением и страхом. Понимание смерти к ней не пришло, она была настигнута внезапно. Впрочем, пока близость к разложению не внесла свой ощутимый вклад в облик. Сохранилась приторная кукольная внешность, будучи такой мёртвой она ещё больше схожа с восковой игрушкой. Такое ухоженное личико, её смертная маска определённо хороша. Алые губы безмолвны, чёрные глазки смотрят через мир, напудренные щёчки ждут поцелуев. Для мертвеца слишком хороша и притягательна.

А мёртвая точно не встанет? Незнакомка касается кожи женщины. И сразу уколот пальцы холод. Дальше бездомная трогает запястье убитой, трогает грудь и пробует шею, засовывает руки прямо под платье. Не принёс тактильный контакт и импульсы сокращающегося сердца. Нет, совсем не жива. Раскачиваясь над трупом взад-вперёд, бродяжка загоготала. Негромко похлопала в ладоши. Какая прелесть. Сомкнула вместе пальцы, следом присела на корточки. От убитой не стоит ждать неприятностей. Но даже тогда... убогая леской режет горло женщины, чтобы наверняка. Долго пилит, из каждого движения высасывая будоражащую дрожь вместе с приторно сладким удовольствием, что одаряет тело таким манящим зудом. Бегут щепают кожу мурашки. Она прорезает глубоко до самого хребта, и голова почти отрывается. Резать становится неудобно, уж больно сильно болта-

ется кукольная башка. Да, смерть ей не к лицу. Окровавив руки и пол, забрызгав кровать и осквернив тело, брезгливо хватая женщину за ногу и затаскивает под кровать, дабы никто не нашёл её искалеченное тело раньше отведённого времени. На багровую лужу кидает ковёр.

Но это женщина. Слабое, беспомощное существо. Хозяин дома по-прежнему где-то рядом.

...

Убогая склонилась над ещё одним мёртвым телом. Упал вместе с опрокинувшимся стулом. Всё тело от подбородка до живота покрыто глубокими ранами. Его серьёзно искромсали, у убийцы, стоит отдать должное, крепкие и беспощадные руки. Сильные руки. Колющий инструмент прошёл через плоть практически насквозь. Даже не верится, что это мог быть нож. Надо взять на заметку хорошую проникающую способность подобных острых лезвий. Помнится, на кухне много разделочных ножей разного калибра от самых мелких, которыми можно сдирать кожу, до здоровенных поварских, какими уже не составит труда отрубить кисти рук. А вот нашёлся и хозяин. Он немного подустал. Впрочем, в луже собственной крови ему как в горячей ванне.

И вот ведь удивительно, выходит, в доме не осталось хозяев. Он весь пуст. Свободен. Иначе сказать, никем не занят. Отсюда следует только один вывод, она – вновь единственная владычица огромного поместья. Теперь уж некому ставить под сомнения её права. Они все мертвы начиная со старика

и заканчивая его потомками. Все, кто здесь когда-либо жил. Что сказать? У неё, конечно, нет подтверждающих документов, да и лицо не очень презентабельное, но кто из трупов решит опровергнуть её права на дом? Им даже гнить в стенах дома чести не представится. Это грандиозная победа, с лица бездомной не сползает широкая улыбка, обнажившая коричневые зубы. Она с великим удовольствием раздумывает над тем, как отпраздновать столь значимый успех. Планы на вечер обещают быть приятными.

Только прежде чем организовывать подобные мероприятия, стоит ещё уладить некоторые нюансы. Прибраться дома, ну, там расставить мебель, приготовить ужин, вынести мусор... избавиться от паразитов... Ведь со взрослыми, помнится, была ещё девчонка...

Обезумевшая будет идти с выпрямленной спиной, откинув голову, выпятив живот. Лезвие кухонного ножа будет блестеть в руке, шаги будут уверенные и гордые. Перемещение утратит своё беззвучие, станет громким стуком. Отныне она всегда будет величественно расхаживать. Трусливый взгляд станет гордым и строгим.

С негромким скрипом открылась дверь в спальню, гадина под прикрытием понемногу рассеивающейся темноты заползла внутрь. А вот и малышка. Спит на своей кровати. Дышит полной грудью, тихонько мычит что-то через сон. Влажные губы порой открываются, порой смыкаются вновь. Руки сложены на животе, глазки плотно закрыты. На груди

лежит милая тоненькая цепочка с золотым сердечком. Волосы заплетены в косу, частично убраны за уши. Лицо чистое и свободное. Она жива. Тот, кто сеял смерть в этом доме, обошёл стороной эту комнату.

Убогая наклонилась над спрятанным под одеялом телом, никак не налюбуется. В этой комнатке темно и так тихо. Только взволнованное дыхание девчонки будоражит тишину. А она провоцирует. Сдержаться трудно, как проситься внутрь нож.

У юной леди не осталось родителей, некого звать на помощь, во всём огромном доме только она и та, что стоит над ней с клинком. Больше сказать, поселение почти полностью заброшено, на сотни километров ни души. Ей и бежать некуда.

Если только хотя бы одна из мыслей гадины стала доступна спящей, та не захотела бы больше просыпаться. Такая беспомощная, слабая. Такое убийство, вряд ли, принесёт много радости, она недостойный противник. Все равно что придушить крысу, пойманную в крысоловку. А уж убивать девчонку во сне – необоснованная трусость. Но что же с ней делать? Медленно убивать и мучить? Такая заласканная деваха вряд ли много вынесет. Тогда растить как хрюшку на убой? Но это тоже была бы ошибка, люди слишком хитрые, нельзя позволять им вырастать и становится сильными.

Удар в стекло. Гадина вздрогнула, приученная с ранних лет чуть что наклоняться и прятаться от ударов кнута, не су-

мела удержать здесь осанку и упала на колени. Каких дьяволов принесло? Отвергнутая обществом сейчас ей как никогда хочется, чтобы все люди разом вымерли.

– Полицэ, офицэ, – тихо шепчет незнакомка, до конца не понимая, кто зовёт с улицы. У этой спящей девки окно занавешено клеенкой. Что её богатая мамаша не нашла у себя в шкафу приличных штор. Тогда дала хотя бы повесить на гардину свои кружевные трусы.

Удар не повторился. Хмм... Перебираясь с места на место бродяжка подкралась к окну, осторожно выглянула через клеенку. Твою мать, это всего лишь птицы.

– Воронé, – просипела и весьма хрипло, в то же время продолжая заботиться о сохранении тишины, загоготала.

На лужайке небольшая стая чёрных птиц. Крупные особи размером с толстую кошку. Из своей группы выбрали самого слабого, порвали ему крыло и теперь пытаются пустить его на корм. Он пока жив, но это недолго продлится. Его жестокие собратья обладает внушительными когтями и острыми клювами. Обречённый же ворон жалок, раскрыл пасть, вопит. А-а-а, выдернули у него лапу, фу... Голод суров.

– Фу, – корчится гадина. В этот момент в её глазах промелькнула некая зловещая идея. Та должна быть ужасна и отвратительна, ибо тварь опять смеётся. Тотчас гадина посмотрела на кровать с девчонкой, а через непродолжительную паузу снова на улицу. Почему бы не отпраздновать этот чудесный день шоу. Ухмыльнулась.

...

Раскрылся холодильник. Гадина медленно опустилась на корточки, мотающиеся концы разорванного платья ползут по коленям вверх. У неё очень внимательные звериные глаза, правда, в этой камере холода не на что охотится. Завтрак, обед и ужин уже готовы, разложены по полкам. Если что-то из консервов бегало, оно уже никуда не денется из жестяной банки. Но даже тогда гадина ищет себе добычу. Наверно, это что-то особенное. Продукт пригодный для общественного питания, так сказать.

Может, хотя бы топлёное сало, пойдёт? Размазать по коже тонким слоем, плоть станет жирная и мягкая? Приятная. О, слишком хлопотно. Сосиски, в каких мяса меньше чем в йогурте, наверно, тоже не стоит рассматривать.

Жужжит муха около уха. Гадина весьма нервно отмахивается. Пельмени в вакуумной упаковке? Хмм... Это мясо без запаха... Жужжит. Нужно что-то ароматнее. Снова жужжит. И консервы мало подойдут. Опять жужжит.

Муха села на нос посягателю на чужое, подразнило лапками. Насекомое тотчас схватили и размяли в пальцах. Крошечное тело превращается в ещё более незначительный сгусток. Лицо гадины перекосила улыбка. Маленькая летающая мерзость, такая никого не накормит. Зря живёт. Смерть этой крохотной мошки не остановила жужжание. И мерзкую женщину почему-то заинтересовали голоса падальщиков, она поворачивает голову в сторону шума трущихся крыл.

А там у дверцы духовки, собрался целый рой насекомых. Длинные многоножки, мухи, тараканы сплелись в густую почти что однородную массу крыл, усов и панцирей. Такое можно было видеть, когда у толстого пасечника разбиваешь улей с пчёлами. Ещё можно было видеть на забытом трупе в плену у опарышей. Особо крупные жуки пытаются пропихнуться внутрь духового ящика. И на помощь им из забытых жиром дыр лезут всё новые головастики. А ведь всем хорошо известно, какой аромат для них пленителен.

Раскрыв духовку, гадина вытащила изнутри забытую там свиную вырезку, что уже порядочно погнила. Почернела и покрылась густой разноцветной слизью. Оно же расслоилось, стало мягким и тягучим. Из раскрывшегося ящика наружу выбирается злой дух кухни, кому подобает источать омерзительную вонь затухшей крови и закисших потрохов. Взбудораженные мухи веером кружат вокруг, липнут к мясу. Садятся и на лицо ужасной женщины. Полезли в уши и веки. Сосут глаза и пытаются протиснуться в рот. Ищут что-то в уголках губ, параллельно прогуливаются по бровям. Гадина, улепленная паразитами, держит гниющую плоть голыми руками и в это же время улыбается.

...

Тварь подложила гнилую плоть под окно спальни до сих пор спящей девчонки. Долго барахтается во снах малявка. Неприятно, что может не успеть к завтраку. Mamочка будет расстроена. Птички, птички, птички. Вороны уже взволно-

ваны, громко кричат с деревьев. Их нынче около семи, аромат гнилого мяса приманит гораздо больше. Пару сотен, думается. Поселение голодных богато на урожай падальщиков и хищников. Окорок большой, но на всех не хватает. Хорошо, что тут по близости будет гулять маленькая хрюшка. В той будет содержаться некоторое количество свежего мяса, чтобы оттенить вкус специфичного деликатеса. О, им придётся сражаться за каждый клочок кожи. Зрелище будет потрясающее. Предвкушение будоражит сознание яркими картинками.

Гадина снова не удержала лицо, оскалилась.

...

Тумба, табурет, стул, ещё один стул, столик. У той крошки хватит сил всё это сдвинуть. Предположительно, нет. Наверняка, как и её мамаша, ничего тяжелее питательного крема для кожи не держала. Остаётся только ждать интересное представление. Дальше гадина подхватила рядом стоящую вазу, поставила её впритык к замочной скважине. Отсюда будет открываться захватывающий вид из первых рядов. А пока кинозал закрыт, никто не должен подглядывать.

А ведь женщина и сама голодна. Зооактивистка, сперва позаботилась о еде для животных, теперь может побеспокоиться и о себе. Утолить собственную жажду будет, пожалуй, даже тяжелее, чем найти приманку для птиц. Её голод безмерен. Но она – владычица, и от сего не должна чувствовать себя ущемлённой даже в самых ничтожных вопросах. Она

возьмёт из холодильника то, что пожелает. Разве только консервы не обуздают тягу есть. Не помогут сосиски, окажутся несытными йогурты. Нужно нечто иное. Что-то, что обычный человек есть не стал. Их бы стошнило. Их бы перекосило. Особенное.

Тут взгляд случайно упал на входную дверь. Через матовое стекло виден силуэт качающегося дерева, и тот сейчас отчасти напоминает стоящего на пороге человека. Увидев его случайно, можно здорово напугаться. Он как будто неожиданный гость, караулящий на пороге со стопкой реклам. В этот миг голова гадины поникла. До сего радостное лицо несколько погрузтело. Люди полны скверны, они не дадут её мечтам существовать. Придут и обязательно всё заберут. Жадные как оголодавшие крысы. От их внимания непременно надо оградиться.

– Полицё.

...

Засвистел газ, просачиваясь через дюжину щелей конфорки, ударяется в чугунное дно чана, притащенного из мастерской. Ей будет нужно много пищи. Её голод глубок как океан. Искра, и вспыхнуло голубое пламя. Жар сделает блюдо готовым, самой неказистой поварихе остаётся только помешивать. Что смогла, измельчила, то, что понравилось, добавила. С кухонных полок забрала все попавшиеся приправы и гарниры. Это особенное блюдо на которое явно не стоит жалеть высушенной зелени. Туда же в кучу добавила затвер-

девший хлеб. Не знает уж, зачем ей понадобились огрызки и корки.

Ничего не стала брать из холодильника. Консервы и полуфабрикаты только навредят блюду химикатами, испортят естественный вкус, сделает его фальшивым. Главным же ингредиентом сегодняшнего блюда будет свежее мясо, ему не нужны добавки. Сейчас мясо лежит одной неопрятной кучкой на краю кухонного стола. Кровь пропитывает дерево, разливается по тарелкам, стекает и капает на пол. Ммм... сложными будут поиски ответа на вопрос, откуда она взяла мясо для своего блюда. Нет поблизости домашнего скота, и диких животных нет. Магазины не обслуживают, доставщики еды не вышли на работу. Не сыскать зверя для убоя. Только самая проворная хозяйка сможет приготовить обед из земли и воздуха. Она же из своих чудесных закровов достанет кое-что интересное и неожиданное. Гости будут удивлены. Гадина разделала бывшую хозяйку дома, вспорола живот, в свой суп пустила внутренние органы женщины. Это будет её победное блюдо, она вкусит плоть врага. Помешивай. Помешивай!

Когда субстанция в кастрюле загустела, а цвет приобрёл тёмно-бурый оттенок, наконец закончила гадкую готовку. Запах заполнивший кухню не менее омерзителен, чем безбожная дикая трапеза. Поганый аромат идёт по дому. Сбегутся крысы, сбегутся псы.

Последующие действия гадины невозможно подвергнуть

логической оценки. Это лишено смысла. Она начала раскладывать гадкое блюдо по нескольким тарелкам. Вытащила почти всю посуду из ящиков. Позаботилась о сервизе. На скатерть легли вилки, ложки, ножи, салфетки, подставки и доски. Сами тарелки расставляет по всей длине стола. Она безумна. В пустом доме ждёт гостей. На её богомерзкий пир никто не соберётся.

И дальше она будет жрать. Очень быстро глотать кашу и давиться. И стонать. И смеяться. И визжать. Садиться за каждый стул поочередно, опорожнять в себя содержимое тарелок. Упивается похлёбкой, языком гоняя по посуде всё до последней капли. Слюни капают и льются прямо на скатерть, летят во все стороны брызги и крошки. Комки пищи скатываются по её груди в разрез платья. Вкус для неё, что пюре из райских яблок, она тонет в наслаждении. И очень жадно берётся за новую порцию. Вылизет каждую тарелку до блеска.

Сожрёт всё, что приготовила. Только в самом конце трапезы придёт расплата за обжорство. Начнёт мучить сильное вздутие и тошнота, слишком много заглотила. Гадина откинулась на спинку стула, кричит. Живот сильно расширился и округлился. За эти короткие часы он увеличился более чем в десять раз. По объёму составит примерно треть всего её худого тела. Она словно в ближайшие часы должна родить не менее пяти дьяволят. Тёмные лиловые вены стали хорошо заметны на брюхе, наружу вылез и выпятился пупок. Платье распалось на две не связанные части, огромный раз-

дутый живот вывалился наружу. Руками не может дотянуться даже до середины брюха. Её ждёт тяжёлое переваривание, но мысли о том, чьи органы она употребила, будут подслащивать бремя.

Отвлёк от отдыха стук из коридора. Этот шум сильно отличается от того, что учиняли вороны в комнате девки. Несколько другая мелодия. Более продолжительная, назойливая и навязчивая. О, никак соня проснулась и хочет выйти. Грядёт представление. Тут уже гадина усидеть не смогла, с большим трудом, цепляясь за стол и рядом стоящие кресла, отлипла от стула, следом выкатилась в коридор. Большая инерция и неуклюжесть сопровождает шаги.

Действительно трясётся мебель, у двери дрожат стулья и комоды, но увы, страдания и муки, это не заграждение на пути в комнату девчонки. Кто-то пытается войти в дом. Гадина благо успела заблокировать входную дверь мебелью. Войти им внутрь так просто не получится. Впрочем, гость настырен, завал без единой паузы дрожит и дёргается. Мебель шагает, постепенно отдаляясь от двери. Они так быстро пришли?! Не оставят в покое, пока всё не заберут, не выпьют и не сожрут. Хорошо, нож в руках. Правда, из-за набитого брюха убогая стала крайне неповоротливая, ощущает себя огромным воздушным шаром. Сейчас её саму могут без труда заколоть как свинью.

А гость добился определённого успеха в своём непростом деле. Входная дверь в конце коридора уже частично приот-

крыта. Там было очень темно, но теперь полоса света озаряет помещение. На стенах же то появляется, то исчезает огромная тень. Кто-то стоит на пороге. И раз за разом старается открыть дверь. Он делает это не прикладывая больших усилий, видимо, пытается понять, что же ему мешает попасть внутрь. Наверно, он уже заходил в дом через эту дверь, препятствие на пути стало для него неожиданностью. И ведь не хочет особо шуметь. Званные гости не ведут себя как грабители. Пришёл кто-то, кому письма с приглашением не отправляли.

А ведь нечто убило сегодня двоих людей до того, как их нашла убогая. Не стоило так быстро об этом забывать. Никак оно вернулось доделать начатое.

– Человек? – тихо просипела гадина. Задрав нож, приближается к входной двери. Рано начала ходить топать по дому. Раздутый живот придаёт движениям неуклюжести, хочет сделать один шаг, а получается три, худые тонкие ноги трясутся и дрожат. Она часто оступается и вынуждена опираться на окружающую мебель.

Ужас лезет с улицы. Неожиданно в районе двери высунулась рука. О нет, какая огромная ладонь с толстыми пальцами, кожа белая, ногти длинные и чёрные. Начались поиски. Оно принялось ощупывать дверь, прогладило по замку, затем потрогало и пошевелило ручку. А дальше совершенно случайно рука коснулась комода, что подпирает дверь. Случайно. На некоторое время его пальцы остановились... Оно

замерло для того чтобы скрип мебели прекратился, чтобы успокоился качающийся комод, чтобы пыль улеглась. Оно замерло, чтобы прислушаться. Насколько слух его чувствителен. Услышит ли как дрожит дыхание убогой? Женщина практически задыхается от страха.

Несколько позже рука вылезла обратно на улицу. Пять-семь напряжённых минут тишины будут сильно давить на голову. Гадина не услышит шагов, но увидит, как нечто огромное пройдёт мимо окна. Удалось только заметить чёрный старый плащ. Он пошёл обходить вокруг дома. Новая хозяйка заблокировала все входные двери, что попались ей на глаза. В действительности их может быть гораздо больше, чем она нашла. Она не готовилась к визиту. В поселение не должно было остаться людей. Хотя по улицам, несомненно, ещё бродят заражённые наподобие её самой. Мутировавшие и искажённые. Они куда страшнее, чем просто люди, они отрывают головы также просто, как обычный мирянин открывает бутылку. Эти же чудовище способны вынимать позвоночник из тела одним рывком голых рук. Гадина жила рядом с ними в здании сгоревшей школы, глаза видели такое, о чём сейчас вспоминать не хочется. Мародёры или грабители были бы определённее лучше.

Убогая вздрогнула. Снова услышала негромкие дребезжания и звон. В этот раз звук пришёл с улицы. Огромное лезвие в её руках трясётся, как если бы она махала на себя веером. Конечно же, медленно оборачивается на шум. Только не так.

Все двери она блокировала по единому принципу... Кроме одной... Там она ставила мебель не изнутри дома, а снаружи. Ей было жалко тратить столько вещей на баррикады, что-то хотелось оставить себе под нужды. В то время как уличная мебель была все равно ею не востребована. То был внутренний двор, туда так просто не забраться. И теперь нечто раскидывает завал, подбираясь всё ближе к входу. Гадина слышит, как разлетается, бьётся о землю мебель. Он просто берёт её и швыряет. Сколько же в нём силы? Толстые стены останавливают далеко не все звуки.

Убогой хочется убежать вглубь здания, вновь спрятаться и выждать. Но всё-таки сперва надо узнать, кто зашёл. Знать, кто будет охотиться на неё или для кого точить нож ей. За этот дом всё-таки придётся побороться.

Подобралась к углу и быстро выглянула. Ей удалось застать момент, как распахнётся дверь и как над её праздничным столом нависнет тень, что перекроет его полностью. Он не станет спешить заходить, остановится перед порогом. А ведь на кухне до сих пор не выветрилась вонь от готовки. И каков ему этот аромат?

Гадина будет замороженно следить за каждым движением тени неизвестной твари. Через пару минут, с трудом протискиваясь в дверной проём, он заберётся в дом. И только в этот момент гадина оторвётся от угла, поползёт вдоль по коридору.

...

Гадина притаилась в небольшом зале, спряталась в самом углу между кожаными креслами. Наблюдает то за одним, то за другим входом. Их своеобразные ворота, представляющие собой две массивные деревянные арки с изящной отделкой, будут красной чертой для... него. Если он явится, ему непременно придётся пройти через них. А перед этим он ещё должен будет показаться в одном из коридоров. И первый, и второй полностью просматриваются. Правда, там из-за сквозняков мельтешат занавески. Путают и отвлекают.

Некоторое время назад был шум, кто-то ходил по дому, изучал. Сейчас же всё стихло, наверно, эта тварь что-то поняла или нашла. И теперь приглушает шаги. Какой же он тихий. Такой огромный и тихий. На нём огромный плащ, как у него получилось заставить замолчать трущиеся друг о друга ткани. Наверно, ублюдок понял, что в доме кто-то есть и теперь ищет себе жертву. Надежда только на то, что большое здание не даст встрече быстро состояться.

Когда гость издавал звуки, гадина тоже двигалась из комнаты в комнату, но теперь в полной тишине ходить стало невыносимо тревожно. Вот и забила в этот угол, к которому нельзя подобраться незамеченным. После жратвы ей не стало лучше, она всё также неповоротлива и неуклюжа. Её сильно тошнит. Приходится бороться с несварением и позывами опорожнить желудок. Если из неё сейчас что-то вылезет, вонь быстро приведёт сюда охотника. Вот сидит на корточках, а раздувшийся живот лежит на полу. У неё по-преж-

нему в руках нож, но едва ли это орудие будет на что-то способно перед ним. Оно годится только срезать с его плаща пуговицы.

Пока сильно отекли ноги, болят колени. Ей приходится сидеть на корточках, чтобы не быть заметной и вот спустя время это стало физически сложно. Уже правой рукой упирается в пол, левой держится за кресло. Оттого кричит, продолжительно стонет и всё больше елозит на месте. Нож в итоге пришлось бросить рядом с собой. Положение очень дискомфортное, она согнулась, и из-за всего ещё больше тянет вырвать. Подобное же чувство имеет накопительный эффект, тошнить будет всё сильнее.

Хочется встать на колени, но каменный шершавый пол слишком груб и только добавит страданий. Единственное, можно попробовать подложить под себя подушку. Рядом с книжной полкой как раз валяется одна. Но ради этого придётся сделать несколько шагов в сторону коридора.

Лучше пока подождать... Потерпеть. Ох, больно... Тяжко, её стошнит, если она не поменяет положение. Больше сдавливать рвотный эффект не получается. Желудочный сок заливается в рот. Она больше не вытерпит. Выпрямилась...

За спиной дыхание... Но как?! Там ведь глухой угол комнаты?! Туда нельзя было пробраться! Его не может быть там!

Убогая замерла. Глаза раскрылись, насколько смогли, как и брови достигли своего крайнего верхнего положения. Нож у ног на полу...

Дышит ей в спину...

Чужие руки коснулись её щёк, прикосновения этого неизвестного существа холодные как ласки мертвеца. Его ладони огромные и шершавые. И пахнут они машинным маслом. Дальше пальцы неизвестного существа трогают её волосы, спускаются на плечи, пробегают по спине и осторожно обхватывают весь живот целиком. Сдавливают и всё содержимое брюха потоком летит по горлу и затем через губы выскакивает и разлетается по всей комнате. Тёмная бурая масса, гнойный родник, покрывает полы и мебель, брызги орошают стены. Тут же следом падают непереваренные ошмётки, выпадают сгустки съеденного мяса. Вся её сладость бежит наружу по раздувшимся до предела внутренним органам.

Ладони чудовища продолжают зарываться в плоть убогой, выискивая там дно желудка и предельную стадию боли. Задёргалась она как сорвавшийся шланг. Никак сейчас лопнет живот или рот разорвётся. Какая страшная боль, она не выдержит до конца. Глаза лезут наружу. Его сильные мышцы поднимают, женщина больше не может касаться пола. Ноги не прекращая дёргаются, руки пытаются оттолкнуться от тела чудовища. Кричала бы, вот только летящая изнутри однородная гадкая масса не даёт крикам выйти следом. Рот растягивается, не находя там достаточно широкий проход, содержимое желудка потекло и забрызгало ещё и из носа. Давится и захлёбывается. Её мучительный процесс сопровождают хриплые гортанные звуки. Ещё слышно, как отходы пи-

щеварения бьются о мебель, как плескается желудочный сок на напольной плитке. Забившаяся глотка дрожит и вибрирует. За спиной же, не верится ушам, раздаётся стон чудовища. Зверь тягучим звуком встречает все женские подарки.

Он же вцепился в голову убогой и тянет ещё и за волосы. Верхняя губа женщины поднимается, на свете так и не наступившего утра показываются её зубы. Когда чудовищу показалось достаточно выжимать из жертвы соки, зверь отшвырнул опустошённое тело за кресла. Пока он будет поедать содержимое чужого желудка, лучше уползать.

Глава 5.

Что это? Неужели, играет музыка? Такая нежная и красивая мелодия. А какой притягательный баритонный голос певца. Только услышала и уже готова подвывать в ритм. Гретель открывает глаза и тут же сладко тянется. Лопатки сходятся в объятье и расходятся вновь. В ней сегодня удивительно много сил, голова как никогда ясна, а тело бодро и полно энергии. Оттого шустро пробегаются пальцами по животу, дрыгает ногами. Полна неожиданной радости и, кажется, впервые за последнее время счастлива. Само утро как будто принесено из краёв жаркого солнца, ибо даже здесь в мастерской так светло и ярко, вокруг всё блестит, сияет, переливается. Полы намыты, мебель наполнена. Неужели, вчерашняя пыль и паутина померещились, растворилась даже вся ржавчина на металле. Теперь инструменты чисты как стекло. Сияют и светят.

И вот ещё удивительно, краска исчезла с ног, затянулись раны, сошли синяки. Гретель приподняла одну ногу, гладит и щиплет нежную кожу.

А пластинка с мелодией? Кто поставил играть музыку? Это родители вернулись домой? Всего лишь предположение, но почему-то девчонка даже не сомневается в нём. Улыбается. Ещё раз изо всех сил тянется и поворачивает голову налево... к двери...

Мужской голос продолжает петь, порой уступая место саксофону и музыкальной арфе. Просит людей прислушаться к миру, отвергнуть ссоры и неприязнь. Выпить чашечку кофе и пойти танцевать. Тут же принялись отыгрывать свою роль барабаны, завывала подпевка.

Гретель заметила торчащую из двери трубу, а в ней круглое смотровое отверстие. Стало очень интересно заглянуть по ту сторону стены. Кто там поёт? Кто вернулся домой? Начала пододвигаться, собралась заглянуть...

Продолжает петь. В его песни бесконечность слов, его оркестр не знает усталости.

Девчонка одной рукой сперва слева, затем справа убрала волосы за уши. Всё также не вставая на ноги наклонилась.

Взывает к миру и порядку. Взывает к миру и порядку. Взывает к миру и порядку... Плёнка заела, исполнитель повторяет одни и те же строчки.

Лицо Гретель медленно и осторожно приближается к секретам соседней комнаты, уже в этот момент ей стало как-то не по себе, начал обволакивать холод. Она ждёт нечто... плохое. Ведь что-то не так. Что-то неправильное происходит. Вокруг всё сияет и блестит, но а там, в трубе, виднеется пепел и гарь. Обугленные частицы сыплются из дыры в чудесную комнату. Запах нехороший идёт следом.

Взывает к миру и порядку. Взывает к миру и порядку. Взызыы... Слова песни начали растягиваться, пластинка завизжала.

Наконец девочка заглядывает в трубу и видит огонь. Дом по ту сторону объят ярким красным пламенем. Вся мебель и стены в языках пожара. Много уже уничтожено, пламя пожирает остатки. Съедает ножки диванов и шкафов, мебель падает. Сыплется пепел, ломается и летит вниз кровля.

Оттуда же слышатся вопли и крики. Из-за густого чёрного дыма девочка сперва никак не может разглядеть тех, кто, взывает к избавлению от мук. В тех удушливых облаках кажется нет ничего кроме огня. Кричат ли сожжённые души? И так уж выходит, ей людей не видеть только, потому что они заблудились в огне. И вот сейчас обожжённые чёрные сгоревшие они чувствуют взгляд влажных глаз, они хотят эту влагу забрать, хотят смочить раны. И идут высушенные, неся за собой страдания и боль, приближаются.

Обгоревшие до костей ноги медленно переступают. Тянутся вперёд лишённые пальцев руки. Ставшая пеплом одежда служит им ужасными нарядами. Они хотят разделить свои страшные муки с кем-то, им нужны слёзы, чтобы остудить ожоги. Их так много и каждый в огне. Им больно, они страдают. И один за другим по пути умирают. Образовывается чёрная однородная куча тел. Там заблокирован выход, они все обречены истлеть.

Один из горящих людей выскочил прямо перед дверью, его раздирающий крик оглушающе громко зазвенел в ушах. Из его обожжённой груди вырвалась вспышка искр, огненные

частицы побежали по трубе прямо в глаза Гретель.

Девчонка отскочила назад, и в этот момент пол под её ногами затрещал и тотчас обвалился. Гретель полетела вниз. И там внизу ждёт огонь, бушуют языки пламени. Пожар всюду, весь дом объят и полыхает. Негде спастись. Девчонка попыталась схватиться за торчащие доски, но промахнулась. Начала быстро отдаляться от дыры, куда провалилась. Понеслась навстречу огненному кратеру, внутри которого нет ничего кроме огня и пожаров. Гретель стало становиться невыносимо жарко, лоб покрыл пот, всё тело стало мокрым и скользким, одежда пропиталась насквозь, прилипла по коже, расчертив контуры тела. Языки пламени исторгаются по обе стороны от девчонки. Она боится их обжигающих касаний. Всяду искры и дым. Мимо пролетают горящие фрагменты здания, доски, тряпки. Летят, затем вспыхивают факелом люди.

Гретель охватил ужас, она не может справиться с неконтролируемым падением. При приближении к расплавленной бездне её одежда начала полыхать. Загорелись волосы. Жар прожигает и растворяет. Кажется, она начала таять. Сознание гибнет. Пекло мгновенно иссушило её глаза и распахнутый рот. Губы растрескались, язык намертво присох к нёбу, лишая девчонку дара речи и права на визг боли. Гретель начала извиваться, крутиться, каждое её новое движение позволяет огню поглощать всё новые частицы мучающейся плоти. Он заходит внутрь и проходит насквозь,

Гретель становится его частью, его горячей искрой. Сознание поразило оцепенение, охватил предсмертный страх. Яр-ко-красный огненный столб ослепил глаза.

Но а дальше неожиданно жар мгновенно пропал, растворился в воздухе огонь, и всё вокруг заменила пустота и чернота. И мрак. И холод. Гигантская полость без дна. Сперва по обе стороны виднелись кирпичи и земля, бетонные колонны и серые камни. Дальше стены заканчиваются, границы мира перестают быть видны. Гретель летит вниз в вихре обгоревших листов бумаги, перемещается в облаках пепла. Звуки же и запахи полностью растворились. Тело падающей девочки улетает глубже в колодец. В непрекращающемся падении Гретель поджимает ноги и обхватывает себя руками. Холод подступает. Огонь же уничтожил её одежду и теперь она полностью голая. Голая и лысая. На коже не осталось волос. От истлевшего платья мотаются одни лишь обугленные куски тряпок. Тело стало чёрным, теперь гарь прячет её наготу. Что-то случилось с глазами, Гретель больше не может их закрыть. Они словно стали деревянными, они словно высохли и затвердели. Но зрение не утеряно, ибо девчонка должна смотреть, что будет дальше.

Пустота сменяется на взеземные конструкции. Там дальше гигантские неизмеримые стены, заросшие зелёным мхом и тёмно-фиолетовой плесенью. Среди колонн растут неизвестные растения и цветы с огромными повисшими на

стеблях бутонами. Летя вниз, Гретель неожиданно замечает лица гигантов. Они, словно боги вселенной, смотрят со всех сторон на вторгшуюся в их мир грешную душу. Она им чужда и непривычна. Их же лица уродливы. Гретель с изумлением замечает, что внешность богов чудовищна. Отсутствие носа для них естественно, несимметричность красных глаза обыденна. Губы разорваны в широких улыбках, на лбах дыры. Девчонка рождена не по их образу и подобию. Она им и презрительна. Она им уродлива. Она искалечена. Она потеряла внешность богов, обросла неестественной плёнкой. Отвратительные головы сопровождают её своими злыми взглядами, пока она наконец не покидает их обитель.

И вдруг далеко внизу Гретель видит чёрную воду. Она уже совсем скоро туда упадёт. Это дно мира. Глубокое и бескрайнее. Конец полёта и пути. Вечное заточение. Там много тел людей. Они сравнимы с девчонкой и подобны сгоревшей спичке, такие же голые, лысые и серые. И почти все они утонули. Это огромное море трупов, где уже образовались острова и горы из тел погибших. Некоторые твари ещё барахтаются в воде, но чёрная жидкость почти как липкий сироп. Лишаясь жизненных сил, несчастные срастаются в одну массу, в одну плоть. Гретель летит в вязкую субстанцию. Касается чёрной воды и ложится прямо между рук тянущихся к ней утопленников. Они трогают её ноги, они тянут её за руки, они касаются её живота и груди...

Девчонка проснулась, открыла глаза. Дверь за её спиной

дрожит, кто-то собирается зайти. Гретель, разгоня остатки сна, быстро поднимается на ноги и отбегает в сторону.

Убогая с усилием поворачивает ключ, в попытках разомкнуть железные объятия нависает всем своим телом. Механизм клинит, из щелей капает масло. С щелчком навесной замок раскрылся. Дверь сама по себе распахивается настежь, в самом конце ударяется о стену мастерской. Свет дня первым вошел в комнату.

Убогая переминается с ноги на ногу у порога. А ведь она пришла не с пустыми руками, подготовила для своей пленнице еду и воду. Такая заботливая, такая внимательная, а какая добрая. Если полная взвеси вода налита из крана, то еда – это та самая похлёбка из кухонных отходов вперемешку с человеческой плотью. Проклятая гадина решила скормить девчонке её же собственную мать. Мерзкое питание утробовала в ведёрко из-под майонеза, сверху накрыла красной крышечкой. Украсила же блюдо вырванным глазом, он аккуратно прилеплен, словно вишенка на торте. Да, круглый, да, окровавлен, да, зелёный зрачок ровно как у Гретель, да, следом за ним тянутся как щупальца кровеносные сосуды, да, его выдернули из глазницы.

А ещё тварь пришла, чтобы застегнуть на шее девчонки ошейник. Ведь домашнее животное не должно бегать по дому и учинять беспорядок. Зверёк дикий, неприрученный, ему нельзя давать портить имущество. Предстоит долгая дрессировка с хлыстами и плётками. Девка должна

быть покорная и преданная. И руку лизать, когда протягивают. Влюблённо лизать мерзкую кожу, языком счищая грязь. Цепь качается. Волнительно будет наблюдать как девка в этой мастерской будет становиться уродливее. Как её мягкая кожа будет становиться грубой, как будет слезать слоями, шелушиться. Как будут выпадать чудесные волосы. Мутнеть глаза, изменяться дивное лицо. Искажать фигура. Она утратит свою женственность. Её красота умрёт в этом подвале.

Убогая повертела головой по сторонам. Нынче уже раннее утро, но в мастерской всё тот же мрак. Свет, что проникает через дверь, освещает только первый ряд стеллажей. Ну, около входа никого нет. Ни мышей, ни крыс, ни поросёнка. В помещение тишина. Девка пока никак себя не проявляет. Такая пустота воспринимается убогой негативно, ей не хочется играть в прятки сегодня. Ей нестерпимо хочется преподавать первый урок.

– Цыпа, цыпа, цыпа, – промычала гадина, переступая через порог. Схватила ведро с гадкой кашей, прошла глубже в мастерскую, следом завернула к выключателям. Ведро моетса из стороны в сторону, скрипит.

Убогая настороже, её хищный интерес разгорается. А коли дверь распахнута, ей нужно быть готовой к тому, что кто-то может попытаться улизнуть от её заботы. Но мышам мастерской не стоит думать, что это будет лёгкий и безболезненный побег. Это открытая дверь – лишь повод для наказания. У гадины очень чуткий слух, услышит и малейший шо-

рох ног. А бегать тварь уж умеет, примерно год назад догоняла и ловила зайцев. За прошедшее время мышцы ног стали только крепче и мощнее.

Хотя сегодня побегов быть не должно, ведь гадина постаралась встать максимально рано, солнце ещё не встало, девка должна ещё спать. Вопрос где? Пол в мастерской слишком холодный, чтобы кого-то на себе принять. Легла бы на него пленница, к утру бы уже окоченела. Шкафы, комоды и полки, вряд ли, подойдут на роль кровати. Тело человека для них слишком крупное. В мастерской приготовлен лишь один вариант, где можно ловить сновидения, лежанка под скульптурой ждёт уставших. На вонючей грязной лежанке среди червей проводить ночи. Улыбка появляется на губах твари периодически, когда она представляет, как скользкие толстые черви окутывают тело пленницы, как они сплетаются с волосами и лезут под одежду.

Убогая вдавила все кнопки выключателей, автоматика бесперебойно отработала, свет ламп загорелся по всей площади мастерской. Темнота растворилась, оголяя все возможные скрытые углы. Сегодня электрический свет намного ярче, чем был вчера. Это уже не отдельные пятна света, а монолитное полотно, поглощающее тени.

Перед очередными шагами гадина опять всматривается в пространство между стеллажей. Её сильно смущает отсутствие звуков. Довольное выражение на лице сменилось на раздражение. Девка что, подохла? Её ведь должен был раз-

будить свет. Не звук. Не стук. Не хрип. Не скрип. Но хотя бы свет должен был раскрыть ей пороссячи глазки. Слух гадины не обмануть, она услышит даже как кожа трётся о штанину при шаге. Но сейчас образовалась атмосфера гробовой тишины. Чёртовы мертвецы не шумят. Ну, у девки, должно быть, как и у мамыши, макияж на глазах. Уж мерзость обратила внимание на густую краску на веках, когда проделывала свою кровавую работу. Вот девка света и не видит. Гламурная дрянь. На цепь надо было сажать ещё вчера. Хочется верить, что выбраться отсюда пленница никак не могла. Дыра в стене, какую использовала для выхода на улицу сама убогая, нынче забита смолой и кирпичом, стеклом и гвоздями. Не могла же пленница с тонкими пальчиками вырыть в бетонном полу себе лаз? Какую же гадость смогла придумать девка в темноте?

Ладно, гадина направилась мимо полок к скульптуре. Вновь подхватила ведро и цепь. Не оставляя без внимания раскрытую дверь, заходит за стеллажи. Оглядывается по сторонам, щурится. А чёрт, на лежанке тоже никого нет, помещение ещё больше выглядит пустым, её же попытки кого-то найти кажутся лишёнными смысла. Она словно слабоумная играет в куклы сама с собой. От девки даже следа не видно. Гадина резко ускоряет шаг. В едино смешались волнения и гнев. Шагнула за банки краски...

Справа от гадины послышался тихий шорох, убогая резко повернулась на звук. Прямо напротив неё за стеллажом

с ящиками стоит вся сжавшаяся девчонка. Ладонка к ладонке, коленка к коленке. Их взгляды встретились. На сей момент в их широко раскрытых глазах одинаковый испуг. Длинные пальцы разжимаются, на пол падает и гремит ведро. Вываливается мерзкая каша, разливается вода, выкачивается, смотрит по сторонам приготовленный в качестве сюрприза глаз. Гадина готовится к броску. Губы девочки оживляют помещение криком, сама она с разбега и прямо в прыжке врзалась в разделяющий их стеллаж. Стеллаж, не устояв на месте, начал накреняться и падать. Убогая бродяжка, освобождая руки от цепи, попыталась выскочить из-под летящей на неё громадины. Ей не удалось. Повезло лишь в том, что железные прутья полка промахнулись мимо головы и зажали только левую руку гадины. Сдавили до хруста. Тварь завопила.

А дальше хуже. Весь хранящийся на полках хлам начал сыпаться на зажатую убогую. На голову и плечи полетели ящики и тяжёлые инструменты. Гадина тут же пытается закрываться свободной рукой, откидывая от себя мусор, удачно спасает лицо от встречи с прикатившимся топором. Однако же соскочивший с верхней полки молоток проскочил мимо пальцев и вмял прямо по лбу. Рассёк кожу и на гадкую рожу хлынуло кровище.

Мерзкая женщина-каннибал кричит, но кричит не достаточно громко. Гретель всё с тем же диким, рёвом волчицы вновь навалилась на стеллаж, освобождая полки от того, что

ещё не успело упасть. Со средних уровней покатались толстые трубы, вlepились в грудную клетку твари. Тело гадины промялось, издав звук раздавленного ногой яблока.

Дальше под вопли убогой девчонка кинулась в сторону выхода. Промчалась мимо банок с керосином, перемахнула через столик, следом перескочила над валяющимся ведром и выпрыгнула в распахнутую дверь. Гретель сделала несколько шагов прочь, уже было собралась бежать в сторону коридора, но вдруг остановилась. Задержанная мыслями, обернулась. Нельзя же оставлять дверь открытой. Гадина ведь выберется, и это случится уже очень скоро.

Кусая до крови губы, девчонка развернулась и рванулась обратно к комнате криков. Вновь забежала в мастерскую, схватила настежь распахнутую дверь за ручку и потянула за собой.

Стеллаж без инструментов стал гораздо легче. Гадина смогла скинуть его с себя. Благо, сломанные кости быстро не срастаются, раны сразу не затягиваются. Травмированная убогая частично утратила координацию движений. Её бег уже не будет таким быстрым. И вот ещё начала произвольно дёргаться, трястись. Тварь сделала несколько неуверенных шагов, после оступившись упала. Подняться вновь на ноги уже не смогла. Её ещё сильнее перекосило. Вмятина на лбу нарушила контур головы, провал в груди наверняка затронул внутренности, некоторые из рёбер выглядят выгнутыми в обратную сторону. Но ни боль, ни стекающая потоками

ми кровь не может остановить её гнев. Гретель, пока бегала за дверью, ещё раз встретила взглядом с гадиной. Омерзительное рожа твари полна ненависти и злости. Ужасные травмы не делают лицо жалким. Оно наоборот стало грозным. Обидчица будет трепетать. Её готовы разорвать.

Тварь не желает зализывать раны, впиваясь когтями в пол, поползла между ящиков. Взяла курс по следам девчонки к выходу.

Гретель закрыла дверь, начала пытаться спешно сомкнуть навесной замок. Приходится ловчиться всё делать одной рукой, ведь если второй рукой не держать ручку, дверь постоянно будет открываться. Ей ужасно неудобно, волнения же сделали ладони чрезвычайно мокрыми. К тому ещё ужасный страх трясёт в судорогах пальцы.

Чтобы просунуть замок в ушко засова, собралась губами обхватить ключ. В этот несчастный миг замок выскользнул из пальцев и, слетев с креплений, упал.

Гретель бросилась его поднимать, дверь опять начала отворяться.

Мастерская вновь на обозрении, комната не хочет отпускать гостей по одному. Через неожиданно раскрывшуюся дверь гадина вновь видит свою обидчицу. Суетливая девчонка на полусогнутых ногах собирает разлетевшийся замок по частям. И такая эта малявка целая. Слишком уж целая! Стройные у неё ножки, ровные ручки. Определённо одна из пары конечностей лишняя. Тварь с пеной у рта громко

завизжала. Пьянящий у девчонки внешний вид. Страстное желание внешность девки исправить вселяет в тварь такую нестерпимую злобу. Жажда чужой крови поднимает гадину с пола на четвереньки. Она резко ускоряется. С гулом передвигаются ноги и руки. Раскачивается, помогая телу быстрее набирать скорость.

Гретель отрывается от пола, вскакивает на ноги, вновь запрыгивает в мастерскую, хватая дверь и тянет за собой. Шум от движения твари невероятно быстро надвигается. Она уже у порога. От холодных объятий разделяет один рывок мышц.

Гретель защёлкнула замок, повернув ключ до упора. В следующее мгновение раздался громкий хлопок, дверь задрожала. Девчонка резко отскочила назад. Тварь продолжила ломиться через дверь. Последовало ещё несколько мощных ударов. Гретель окатило новой волной ужаса, у неё создаётся тревожное впечатление, что дверь сейчас отвалится. Этот демон, заточённый в тело бездомной, настолько сильный. На железной обшивке двери появляются вмятины. А с потолка сыплется штукатурка. И к ужасу наблюдательницы крепежи замка начали отрываться, по стене пошли трещины, над дверью образовалась щель.

Благо ещё несколько душераздирающих воплей, и гадина всё же унялась. Слава судьбе, тварь не посетило понимание насколько близка она к освобождению. Жизнь и смерть зависли на волоске. Ещё бы чуть-чуть... С текущей же се-

кунды её вой будет только утихать. Дальше Гретель слышит, как тварь захныкала. Удивительный момент, чудовища тоже плачут. Слезы будут перемешиваться с кровью на уродливом травмированном лице. Последовал негромкий звон железа, видимо, гадина прижимается к двери. В подобной позе Гретель провела сегодняшнюю ночь. Выходит, они чем-то даже похожи.

В последующее время тварь больше не причиняла сердцу переживаний. Будет ныть о чём-то своём. Мерзком и безумном. Жалости к ней почему-то не возникает. Крокодилы слёзы не смоют весь её ужас. Осталась бы мерзость навечно за дверью, которую точно не стоит открывать. Пусть мастерская станет её последним пристанищем и склепом.

Гретель понадобилось ещё несколько минут времени, чтобы привести в порядок мысли и успокоить сердце. Дальше, дабы не провоцировать оставленную в заточении тварь, девчонка крайне медленно и очень тихо уползла подальше, лишь на значительном расстоянии от мастерской побежала.

Нужно убираться из дома, каким бы сложным решением это не казалось. Нужно срочно бежать и искать убежище где-то в поселении, как можно дальше отсюда. Озлобленная и раненая гадина наверняка выберется из заключения. Пройдёт немного времени, тварь отдохнёт, успокоится, пальцы вновь сожмутся в кулаки. Врата тюрьмы не сдержат очередного посягательства на свободу. Когда свершится печальный финал, второго шанса сбежать от ужасной участи уже не будет. Суд

чудовищ произойдёт довольно скоро, времени буквально до вечера. При следующей встрече тварь будет гораздо опаснее, она будет полна ненависти. И к этому моменту нужно быть далеко от дома. Её когти будут острые. Чем дожидаться лап твари, лучше сразу повеситься. Гретель боится думать, что с ней будут делать, если поймают. В девчонке не найдётся столько крови, чтобы полностью удовлетворить жажду.

Но куда отправиться шестнадцатилетней девчонке, какую к жизни не готовили? За стенами дома она станет лёгкой добычей для собак и всяких мерзавцев. У её души только один вариант спасения. Соседка, кто живет напротив, возможно, она даст защиту и кров. Старушка Гретти, пожилая женщина не покинула поселение вместе с волной беженцев, всё время живёт здесь. Старушка всегда была доброй к Гретель, она не оставит за порогом в смертельной опасности.

Но сперва нужно, что-то взять с собой. На случай если её всё-таки придётся идти в брошенные дома поселения, где будет холод, голод и жажда. Отвергая все страхи и волнения, нужно быть рассудительной и думать, как полноценная. Ей понадобится запас еды и чистой воды. Много? Сколько сможет унести.

В подсобке из ящика комода Гретель достала две огромные походные сумки, с ними рванулась на кухню. Раскрыла холодильник, перед ним же встала на колени. Начала суетливо собирать в сумку продукты. Руки, лишённые покоя, почти мгновенно навели в морозильной камере хаос. В сумке по-

рядок также продержался недолго. Продукты перемешались, банки опрокинулись. Её походный запас питания больше напоминает мусорную кучу для ближайшего ведра с отходами. Какая-то из пачек полуфабрикатов похоже уже лопнула, и теперь на кухне витает запах копчёных куриных крылышек.

Неаккуратность Гретель с полна дополняется неразумностью, далеко не всегда она уделяет внимание тому, что действительно сможет утолить голод. Консервные банки в основном останутся на полках. Они бы долго ей служили в пути, однако же девчонка не хочет их брать, ибо её не устраивает вкус. Не нравятся ей рыбные консервы, не нравится и тушёнка. При много хватает то, что будет приятно съесть. Быстропортящиеся йогурты заняли почти половину объёма её запасов. Сырки и шоколадки вторую половину.

И всё это время как неприятное дополнение к нервозности Гретель ощущает невероятно сильный голод. Пальцы, испачканные бульоном, усиливают позыв есть. Её живот скоро будет управлять телом вместо головы. Она теряет контроль над собой, своим ртом и своими руками. Девчонка действительно давно не ела, совсем ничего не ела день... может быть, чуть побольше. Но это ведь не так много для человека. Её же голод безмерен, она готова съесть разом всё, что есть в холодильнике. И, возможно, этого покажется мало. Гретель уже бесцеремонно хватается с полок сосиски, хватается творожные сырки, колбасы. Суёт всё это к себе в рот, порой поочередно, а порой всё сразу. Несколько раз щёлкнет

зубами, а затем проглатывает не дожевав. В горло не лезет получившийся во рту салат. А она уже тянется за следующей порцией. Чтобы не была трапеза сухой, засунула четыре пальца в ведёрко с майонезом, тут же обсосала их. Перемазала себе губы и щёки. Отдельные капли стекают сперва по подбородку, а затем и по шее. Когда её потянуло укусить сырую говяжью печень, ударила себя по рукам. Итак проглотила много. Время вытирать лицо.

В походной сумке не осталось места, Гретель застегнула на ней молнию. Что ещё? Наверно, нужно собрать одежду на первое время, взять что-то тёплое. Обязательно одеяло. И переодеться нужно, на ней по-прежнему перепачканная краской одежда и разодранные джинсы, что уже стали больше похожи на шорты. Но, Боги, ведь её комната заблокирована, слишком долго туда пробираться. Единственное, можно попробовать взять что-то из комода мамы. Отдельная одежда, конечно, не подойдёт, но что-то обязательно найдётся. У неё были очень красивые короткие платья, что для Гретель будут по колено. Мама – женщина, девчонка... тоже, но на полголовы ниже.

Гретель обеими руками схватила за ручки забитую продуктами сумку, собралась потащить её за собой.

– О, – охнула девчонка. Какая тяжёлая. Даже оторвать от пола не смогла. И как она её только понесёт по всему поселению? Об этом нужно было сразу подумать. Но что же, это не критично, выбросить всегда можно. А пока лучше оставит

сумку здесь и сперва сбегает соберёт вещи, а уже потом вернётся и решит, куда засовывать лишнее. А между тем нижняя ткань сумки уже промокла насквозь, на полу образовывается розовое пятно. Видимо, лопнули пачки её любимых сладких йогуртов. Станет ли она их слизывать с пола?

– Тряпки, – промычала девчонка.

Вдруг где-то за стенами дома послышались хлопки, они напоминают далёкий раскат грома, но напугали Гретель гораздо больше. Она вздрогнула и подпрыгнула. В эти моменты её руки всегда непроизвольно тянутся к ушам. Она хочет на время оглохнуть. То звуки выстрелов. Снова взбудоражили поселение глухих и одиноких. С каждым днём гремит всё чаще и громче. Привыкнуть к этому все равно невозможно, по-прежнему, когда Гретель слышит шум пуль, её сердце содрогается и замирает. Девчонка не знает, кто стреляет, и в кого стреляют, но если играет эта музыка, кто-то обязательно умирает.

В сей миг в завываниях ветра проявился ещё один звук, несомненно, тот является продолжением выстрелов, он уже ощутимо громок и с секундами ожидания лишь набирает в себя силу. Это похоже на гул двигателя. А к нему присоединяется и нечто неприятное для слуха, словно покрывки стираются об асфальт. Шум приближается.

Машина? Кто-то приехал в поселение? Гретель действительно слышит этот звук, или её сознание одурманено? Сюда давно никто не приезжал. Гиблое дело. Девчонка не смогла

удержаться на месте, подбежала к окну, следом запрыгнула на подоконник и, зацепившись одной рукой за стену, другой за раму, высунулась из окна насколько смогла. Это волнительно, ведь у тёти Глории, сестры мамы, был автомобиль. Могла ли она приехать? Крошечный шанс на спасение резко ускоряет сердцебиение девчонки.

Вот совсем скоро на дороге показалась машина. Сильно петляет при уклонении от баррикад. Скорость автомобиля высока, все виражи сопровождает визг резины. Но тот, кто едет, явно не планирует сбавлять скорость. И вряд ли проблема с тормозами, наверняка нога вдавила педаль газа. За горами мусора не видно тех, кто мог бы гнать беглеца, видимо, шофёра подгоняют кнуты скрытых от глаз страхов. Единственные преследователи – движущиеся следом облака пыли, разлетающиеся по сторонам осколки камней.

Уже через минуту машина с громким рёвом пронеслась мимо. Она же, не сумев продолжить путь по асфальтовой дороге, слетела на газон. Дальше, раскидывая садовый инвентарь, сбивая скамейки и ограды, прокладывает путь вглубь поселения по заброшенным соседским дворам. И уже вскоре виражи машины перестали быть видны, она полностью скрылась из виду. Незнакомый бело-синий автомобиль с логотипом какой-то фирмы. Это не тётка Глория. Кто-то ещё вернулся? Зря, в городе осталась только смерть. Можно ли у этого незнакомца искать помощи? Машина вряд ли свидетельствует, что это хороший человек. И что он повезёт её в без-

опасное место, где она будет ждать родителей. Скорее наоборот делает его опасным, кто знает, куда незнакомец её укажет, если выпадет такая возможность. Здесь в поселении даже не осталось полицейских, власть в руках повстанцев, им же глубоко наплевать на то, что будут на заднем сидении машины делать с экой Гретель.

Итак, вещи. Секунду... В голове промелькнула удивительная мысль. У Гретель ведь есть ещё младший брат. Она за эти два дня не бывала в его комнате. В какой-то степени даже забыла про него. Отчасти даже стыдно. Просто он в последнее время спит с родителями. Потому и заходить не стала к нему в гости. А всё-таки, стоит перед побегом из дома на всякий случай проверить комнату брата. Это займёт некоторое дополнительное время, но его определённо стоит потратить, иначе мысли о том, что она кого-то бросила, будут терзать всю дорогу.

Глава 6.

Шаг начал набирать обороты, и сердце всё громче стучит. Там в конце коридора комната её брата Тома, и там случилось что-то нехорошее. Гретель в какой-то момент под влиянием переживаний побежала. Это будет короткая дистанция. Преодолела половину коридора, и резко открывшаяся створка окна прервала пробежку. Девчонка налетела на возникшее препятствие, чуть было не сняла с петель. Но, кажется, не почувствовав удара, собралась продолжить бежать, вот только сразу это не получится. Гретель посмотрела в окно.

Там вдалеке набирает силу другая стихия. Чёрные тучи, а под ними огромные пыльные облака, что простираются от земли до неба, заслоняя весь горизонт. О, благочестивые Боги, стена неизмеримой высоты, такую люди точно не смогли бы воздвигнуть. Ещё не потерянный свет солнца придаёт картине багровые тона. Уж не зря эти кровавые цвета. Похоже, надвигается та самая ужасная буря, о которой вчера говорили по радио. Ей суждено снести дома, вырвать столбы и повалить деревья. Времени до её прихода совсем мало. *Близится, близится...* Такое большое облако пыли девчонка в своей жизни ещё не видела, удар будет невиданной силы. И стены домов не остановят такое. Это здание крайнее в поселении, оно примет самый первый удар. Нужно очень спешить, иначе уйти из дома уже не получится никогда.

Неудачную сторону выбрала стихия, неудачную. Боги злы на людей. Пока же вокруг затишье, несколько секунд назад был ветер, но в сей миг он смолк, собирает силу.

Страшно, но сейчас Гретель сильнее волнует другое. Оторвалась от окна, добежала до комнаты брата. Ладонь легла на щёку, задумалась. Мысли вместе с глазами бегают из стороны в сторону. В настоящий момент зайти в комнату не получится. Дверь замурована мебелью. Ящик на ящике, стул поставлен на стул, комод затянут на комод, и так от пола до самого потолка. А ведь здесь высокие потолки, порядка шести метров. Если не знать наперёд, так за этой стеной и вообще не найдёшь дверь. Сама конструкция отчасти напоминает полку склада... полку склада магазинчика с двинутыми владельцами. Хотя стоит отдать должное, получилось у них величественно. Предметы в отдельности очень нескладные: раздвинутые ножки, изогнутые дугой спинки. Однако кому-то получилось уложить их в аккуратную стену не хуже, чем квадратные кубики. Удачно скомпоновал. Как их мозг работает так, что у них получается такое совершенство?

Отчасти это притягательно, имеет свой шарм. Вот только пугают нетривиальные решения проблем. Кто-то хотел выстроить надёжное ограждение? Вот только не было никакого смысла сооружать эту неустойчивую стену. Если вытащить один стул по центру, вся конструкция рухнет. Безумие здесь в алом свете надвигающейся бури.

Только одно в этом кошмаре идей вызывает положитель-

ную эмоцию. Заграждение – не иначе глупая попытка забаррикадировать дверь. Может ли это говорить о том, что её брат до сих пор находится в комнате? Сейчас он нужен ей как никогда.

Гретель вплотную подобралась к горе мебели. Смотреть, конечно, на неё снизу-вверх не очень приятно, кажется, это хлипкое строение в любой момент может посыпаться. Стоит сильно вдохнуть и тебя уже нет. Зачем надо было затаскивать такой огромный шкаф на самый верх? Верная смерть оказать под ним, когда он упадёт.

И вновь сильнее занимают другие идеи. Ох, сердце вырывается из груди. Первый раз испытывает подобное перед возможной встречей с братом, никогда так не пугал безобидный тихоня. В этот раз ему даже делать ничего не пришлось. Так и знала, его пассивность всех погубит. Немного уняла волнение и Гретель стукнула в дверь.

– Том? – еле живым голосом прошептала. А дальше прислушивается. Сейчас всё что ей нужно услышать – это слово, произнесённое интонацией другого человека.

Пространство не принесло ответ.

– Том? – уже громче, два лёгких удара в дверь. В попытке прислониться к двери просунула голову между ножек стульев, стоящих на комод. Сейчас полные переживаний глаза изучают этикетку деревообрабатывающего завода.

– Том! – ещё громче, следующий раз уже на надрыв. – Том!

Вот что-то лопнуло уже внутри девчонки. Только вместо хлопка – крик. Голос не прозвучал чисто, послышалось в нём бессилие и усталость. Последовало два крепких удара в дверь, как сигнал – она больше не может. Стук, стук.

Много сегодня пришлось вынести, но вот только сейчас нахлынуло. Гретель отвернулась, на лице отразилась боль. Губы перекосились, глаза зажмурились. Теперь по щекам побежали слезинки, горячие и очень горькие, она ничего не может с этим поделать, ожесточённо трёт веки, но остановить текущие реки не в её силах. Откинула голову назад и тут же ударилась о стул. Стул в свою очередь врезался в дверь. Стук. Небольшая дрожь расходится по возведённой стене из мебели.

– Что тебе надо? – прозвучал раздражённый голос из комнаты. Тихий, но будоражит сознание сильнее громких выстрелов.

– То-Том? – еле выговорила такое простое, но непроизносимое слово. Один слог. Оно просто сорвалось с губ, не больше чем рефлекс. Остальные возможные слова никак не вылезут из горла.

– Что тебе надо?! Уходи, я сплю, – вновь из комнаты тот же голосок. Его речь дополнил скрип матраса.

– Том... Том, ты здесь?.. – Гретель смахнула оставшиеся капли на лице.

– Вали! – повысился голос из комнаты.

– Том, Том, мне надо тебя срочно забрать. Здесь оставать-

ся опасно. Родители пропали, а в дом забралась бездо... – девочка замолкла на полуслове. В другом конце коридора какое-то движение, почему-то задвигались шторы. Это ветер опять заиграл?

– Ты врёшь. Как всегда, обманываешь и лжёшь, – безапелляционный приговор с той стороны двери. – Хочешь меня разыграть? Что у тебя там в руках? Комок земли, мусорное ведро? А рядом с тобой кто?

Гретель сильно смутил последний вопрос, мурашки мгновенно как по свистку вернулись на кожу. Она начала торопливо оглядываться по сторонам. Тихо вокруг, но ведь одна тварь вполне способна подкрасться незаметно. А здесь довольно темно. Сам же коридор глухой, в случае чего бежать будет некуда. Гретель в тупике, который может стать ловушкой в любой момент. Но нет никого тут. О чём это он говорит? Кто рядом?

– Нет, не вру, – попыталась переубедить девчонка.

– Врёшь.

– Посмотри и подумай сам, – в голосе Гретель появилось раздражение, – как давно ты сидишь в этой комнате? Разве вчера вы покидали свои покои, мистер?

Гретель сама с трудом понимает, как он просидел тут целый день и не подал звука. Что он всё это время спал?

– Мама не приходила меня будить, а ты... Врёшь, врёшь, врёшь, врёшь, врёшь, врёшь, врёшь, – затараторил он быстро.

– Заткнись, – промычала Гретель, получилось достаточно тихо, никто кроме неё самой не должен был услышать. Пока удалось проглотить.

– Встань и посмотри на свои часы. Ты уже не маленький мальчик Томсон, – процедила через зубы Гретель.

В минуты, когда её брат особенно бесит, она часто называет его Томсон, это ему о-о-очень не нравится, откровенно раздражает.

По ту сторону вслед за скрипом матраса послышались шаги. Гретель терпеливо дожидается, когда братец откроет ящички письменного стола, найдёт свои часики, с точностью до секунды определит время, сделает какие-то свои выводы и что-то на это скажет.

Слышится шлёпанье босых ног, скрипят напольные доски, дальше следует стук. Всё по алгоритму. Какое постоянство. Вот только не стал братец выполнять последний пункт плана, ничего он не сказал, вместо этого задёргалась ручка, кто-то собрался открыть дверь. Эта попытка побега не удалась, что называется, на корню. Возможный эффект дерзкого плана сильно бы удивил беглеца. Гретель подняла глаза, смотрит, как закачались верхние этажи заграждения, стулья весьма бодро заплясали. Раздавят как жука.

– Что ты задумала?! Не подпирай! Открой! – зазвучали очередные претензии из комнаты.

– Я ничего не делаю, я стою в стороне. Это всё мебель, – и как будто пытаюсь доказать свои слова брату за стеной, Гре-

тель демонстративно отошла чуть назад.

– Какая мебель?

– Ну... если тебе так интересно, тут много всего, это и тумба, и комод, и книжная полка. Рядом два стула, кресло дедушки, – девочку бодрят подобные поползновения шутить.

– Зачем ты это сделала?

– Я ничего не делала, – протянула Гретель и быстро затараторила. – В доме чужой. Нам нужно уйти из дома. Эта женщина крайне опасна. Пока что она взаперти, но может в любой момент... Я сейчас освобожу тебя... Но это будет сложно...

Последнюю фразу девочка промычала уже под нос.

Всё, больше не до разговоров. Перед ней практически нерешаемая загадка. У Гретель не получится разобрать эту конструкцию. Её рукам не удержать тяжёлый шкаф, который придётся снимать сверху, ей не дотянуться до верхних этажей, ей не успеть до завтра и при всём старании. Разобрать не получится... однако же есть другой вариант. И, по правде говоря, этот вариант единственный. Не очень хороший и довольно опасный. Последствия непредсказуемы, но ей придётся пойти на этот риск. Гретель облизала сухие губы, сглотнула слюну, отвела руку в сторону и выдернула из возведённой конструкции стул, являющийся одной из опор.

За спиной послышался стон потерявшей равновесие мебели. Гретель же рванулась вперёд. Отсчитала двадцать ша-

гов, на двадцать первом упала на колени, наклонилась к полу. Голову кладёт на грудь, обхватывает себя руками, ноги прижимаются друг к другу.

В следующий миг мебель обрушилась на пол, раздирая на несколько частей ковёр и сминая напольный паркет до кучки ломаных досок. Раздаётся оглушающе громкий грохот, звенит эхо. Падающее с высока пикирует на образующуюся кучу мусора, с хлопком и треском распадается на отдельные части. Куски дерева отлетают и ударяются в стены. Поднимается пыль. Доски, ящики, фанерные листы отскакивают по сторонам. Пространство осыпается гвоздями и петлями. Что-то относительно крупное пролетело в близости от плеча девчонки. Просвистело мимо уха, растрепав волосы. Врезался в пол и почти в одночасье сложился шкаф.

Пол заметно проседает. Что-то стеклянное падает и разбивается на нижнем этаже. Гром от падения слышится во всех частях дома. Вжимающейся в пол девчонке кажется, будто пол под ней вибрирует и дрожит. Словно вот-вот обвалятся перекрытия.

На завершающем акте с верха кучи спрыгнул стул, налетел на комод, далее, ещё не растратив всё свою энергию полёта, отскочил в коридор. Крутясь и поворачиваясь на лету, он приземлился прямо на ножки и прямо перед спиной Гретьель. Хаос быстро сменяется новым порядком. Минуты грохота и страха истекают. Когда шум заметно стих, девчонка поднимается обратно на ноги и оборачивается.

– Ох, – сорвалось с губ Гретель, тут же прикрывает ладошкой рот.

Возобладала практически полная тишина, из которой вырываются относительно негромкие скрипы и треск мебели, что под собственным весом продолжает складываться. В багровом свете умирающего солнца кружится много пыли. Окружающие вещи теряются в образовавшемся облаке. Этот чудовищный грохот не знаменует ничего хорошего. От шума разбегутся крысы, на их же место придёт что-то другое. Гретель смогла быстро справиться со ступором, начала торопливо пробираться через завал. На покосившемся полу больше нет места свободного от разорванных досок. Увы, нет и времени выбирать дорогу среди обломков. Торопится. Прыгает между остатками домашнего убранства, порой же приседает и ползёт.

– Ай, – тихонько вскрикнула, уколов ладонь о заострённые щепки. Опирается на разбитую тумбу, ноги ставит на остатки шкафа. В некоторые моменты соскальзывает с лакированных стенок тумб. Торопится.

А ведь не всё нагромождение упало, по обе стороны двери остаются две колонны из мебели. Преимущественно остались стоять друг на друге стулья, кресла и табуреты. В какой-то степени повезло им устоять. Теперь, правда, покосившиеся и накренившиеся к центру они выглядят словно врата.

И те похоже заперты. Гретель резкими рывками дёргает

за ручку, но не может открыть дверь спальни брата. Видимо, она закрыта ещё и на ключ. Тогда девчонка отступает на шаг назад и ногой несколько раз хорошенько врезает по двери. Когда ногу свела судорога, начала биться о дверь плечом. А уже когда ушибла плечо, сползла на пол ныть от боли и тереть свои травмированные места.

– Я могу выйти? – свободный от эмоций голос из комнаты.

Гретель не смогла сразу на это что-то ответить, она пытается понять, что ей делать теперь. Сильно волнуется. Елозит руками по телу, то касается лба, то талии, то губ, то одёрнет кофту. Даже живот заболел. От переживаний или несварения. Ей ужасно страшно думать, что грохот побудил бездомную женщину выбраться из мастерской. Гретель оглядывается. Желание жить требует бежать спасаться. Находится же в этом тупике коридора большой риск и страх. Страх же выворачивает наизнанку, он же разгоняет панику, путает мысли. Нет теперь времени даже собирать одежду. Но разве девчонка может бросить своего брата наедине с кровожадной гадиной. О, ей так страшно становится за себя и за брата. Но вот ведь, всё распланировала, уже стучалась бы в дверь дома старухи. А теперь застряла здесь. Может быть, стоит сбегать проверить мастерскую? Посмотреть, что дверь по-прежнему закрыта? Угломонить лай собак?

– Нет. Она заперта на ключ. У тебя есть ключ? – ноет Гретель.

– Только от шкатулки.

– Но чем нам поможет твой ключ от шкатулки?! – завывала девчонка. Её лицо полно страданий. Кусает губы, ибо только боль может противостоять страхам.

Некоторое время стояла пауза. Мальчик безмолвен, Гретель стонет.

– Гретель? – позвал её брат.

– Да, – отозвалась девчонка.

– Ты сходишь за запасным ключом? – голос мальчика остаётся очень рассудительным и чем-то даже безразличным. – Ключ в подсобке на первом этаже. Ты помнишь, где находится подсобка? Эта дальняя тёмная комната с грязными полами и ободранными стенами. Мы редко ходили в эту часть дома. Мы боялись туда заходить. Там страшно, там обитают призраки. И там хранятся все ключи дома. Я помню от моей комнаты тоже висел среди них. Ещё хотел взять, но... не взял.

– Чёрт, – вырвалось у Гретель достаточно тихо. Поход за ключом очень осложняет план побега. Этот путь будет нестерпимо сложен. Её бедное сердце так боится соглашаться. Оно не выдержит.

Девчонка тяжело выдохнула, с остервенением потёрла боковыми сторонами ладоней глаза.

– Ладно, я схожу, – сказала в первую очередь самой себе Гретель. – Ладно. Я сделаю всё как надо. Я буду старательна. Я не побоюсь. Я очень смелая.

– Хорошо, – голос из комнаты, – я буду ждать.

– Тогда оставайся здесь, – начинает подниматься с пола девчонка. Зачем-то отряхивается.

– Само собой.

Гретель медленно-медленно развернулась от комнаты, за-
торможенность выдаёт поток мыслей в голове. Пошла по об-
ломкам мебели обратно.

Ей будут смотреть вслед.

Уже преодолев кучу мусора... Раздался грохот от паде-
ния! Девчонка обернулась через плечо, успевшие покрыться
коркой волнений глаза резко округлились. С одной из остав-
шихся колонн мебели слетел табурет. И одним дело не закон-
чится. Две уцелевшие конструкции кренятся к низу. Убран-
ство, не разгромившее дом при первом полёте, соскакива-
ет вниз. С шумом маленького взрыва вгрызается в пол. Ле-
тят щепки. Девчонка, не досмотрев представление до конца,
бросилась бежать дальше по коридору. Топот её ног будет
глушить гул рвущейся на части мебели.

Предпоследняя глава

– "Бледные лица".

– Это наш последний сеанс.

– Вы, рады? Наверно, переполнены чувствами или, как у нас говорится, счастье не знает границ. У вас много денег. Теперь побежите к своей семье, прижмёте дочь-мальшику. Сколько ей? Шесть? Симпатичная девица. Ну и жену-красавицу поцелуете в щёку. Уж молчу о продолжении, счастливая женщина щедра в своей благодарности. Бурная ночь, сладкие объятия, а ощущения чуть ниже живота, вы – счастливчик, сэр.

– Я стерплю твои ядовитые слова, но лучше тщательнее следи за языком, девчонка. Последний сеанс, но в случае чего боль будет мучить ещё долго. Помнишь наши старые уроки?

– Невозможно забыть. Синяки остались до сих пор.

– Видишь, некоторые занятия пошли на пользу. И да, я рад, что мы больше не увидимся.

– Простите, сэр, я не хотела.

– Это хорошо. Но сеанс есть сеанс. Ты можешь рассказать мне свой очередной ночной кошмар.

– Не знаю для чего.

– Можешь и не рассказывать.

– Пожалуй, всё-таки расскажу. Не пропадать же день-

гам впустию. Деньги – это ведь труд. Как ещё говорится, бумажки зарабатывают потом и кро...э-э-э... усилиями.

– Приступай.

– Вы, не поверите, какой чудесный сон меня сегодня посетил.

– Неужели?

– Да, не поверите. Мне снилось чистое голубое небо, оно такое красивое, что и не описать, словно бесконечный океан, и так-то хотелось погрузиться в его холодную глубину или даже утонуть в ней. Там же плыли маленькие белые и очень пушистые облачка, своего рода райские острова. Я бы и по ним погуляла. Согласны, что непостижимо великое пространство над головой? Внизу же всё по – земному. Под ногами простиралась зелёная высокая трава, на ней же сверкала и блестела роса. Светило рассветное солнце. А вокруг паслись могучие кони. Только не спрашивайте, как я поняла, что это были не лошади. Ну... не об этом. Потoki воздуха поднимали их массивные гривы, пытались сорвать и унести за собой. Я бежала совсем босая по лугам в красивом белом платье. Оно задиралось, и обдувало тёплым ласковым ветром, так приятно. Почти порхала как бабочка. Венок из сплетённых одуванчиков лежал на голове, манил меня своим медовым ароматом. Красиво, не правда ли?

– Ты врёшь.

– Было очень хорошо, сэр. Такой насыщенный зелёный цвет, а синее-пресинее небо... Белое платье. Рассвет. Ветер

ласкал мои голые ноги. И бабочки... большие, крупные размером с ладонь бабочки.

– Ты врёшь.

– Вру, сэр... Мне снилась кровь, целый океан был наполнен ей. А в нём плавали трупы. И чайки, они как оказывается хищные птицы, раздирали тела бедных утопленников.

– Смеёшься. Тебя это веселит.

– Куда же вы, сэр?

– Сеанс окончен, забери эти деньги себе. Купи мороженное или виноградный сок, пирожное или молочный коктейль. А лучше верёвку да потолок, табуретку да повыше, бумажку да ручку и избавь мир от гарпии с лицом девчонки.

– Мне снился и ещё один сон.

– Оставь эту мерзость себе и своим родителям.

[опускается дверная ручка]

– Послушайте же. Комната без выхода. Я и чудовище. Ещё ножницы.

– Где ключ?! Сейчас же открой дверь! Я не буду слушать твои бредни.

– Чудовище было очень ужасно, страшно. Лысая голова, руками ему служили лягушачьи лапки, нос выглядел как кукурузная лепёшка, а рот был заполнен несколькими щупальцами. Одним словом, словно внебрачный сын осьминога и жабы. Правда, несмотря на весь злоециий скверный вид, оно не вредило мне. Сидело напротив, лупило своими чёрны-

ми глазками. А выражение на его морде тупое и безжизненное. Жалкое, примитивное.

– Где ключ, маленькая ты дрянь?! Не заставляй меня быть грубым!

– Мне чудовище не нравилось, более я ненавидела его всем сердцем. Не знаю, что уж оно сделало мне, но очень хотелось, чтобы тварь сдохла. Это желание такое тягостное и непреодолимое. С ним сложно бороться.

– Сейчас же открой проклятую дверь!

[Звук удара и последующий скрип]

– Вы, снова не учтивы, сэр.

– Что?! Что?! Что мне нужно у тебя спросить?!

– Спросите, что я сделала, когда чудовище попыталось убежать...

...

Гретель уже подбирается к перилам лестницы, дабы спуститься со второго этажа на первый. Она снова крадётся, она снова выглядывает из-за углов. Её уверенность растворилась, каждое движение стало трусливым. Каждый новый шаг является испытанием. Голову рвут на части тревожные мысли. Повсюду мерещатся живые тени.

Где-то внизу слышался довольно громкий топот. Бам! Бам! Бам! И даже здесь на втором этаже слышно, как от тяжёлой ходьбы звенит посуда в шкафах. Что-то с хрустом падает и разбивается. Гремит мебель. А дальше последовал понастоящему наводящий жуть пронзительный и резкий визг

животного. Беда. Снизу усиливается шум шагов. Нечто бежит. Зверёк же, чьи вопли сотрясают пространство комнат, кажется, ранен. Душераздирающий крик холодит кровь. Этажом ниже завязалась смертельная погоня.

Секунду назад уставившаяся в пол Гретель, подняла взгляд на лестницу. На несколько минут страх задержал каждую мышцу в состоянии глубокого паралича. Первые же движения приходится именно на ноги, начинают шагать вперёд. И в какой-то момент девчонка подскочила к перилам лестницы.

– Изабелла? – тихо позвала Гретель. Высунулась. Стук шагов отдаляется вглубь дома, поблизости же слышится, как скулит собака. Само животное не видно, никого не видно. Вообще сложно что-либо рассмотреть. Зал пуст. Впрочем, возможно это только кажется. Глаза не успевают адаптироваться к темноте, её, как всегда, слишком много.

Изабелла – любимица Гретель, собаку подарили девчонке, когда это ещё был маленький щенок.

Гретель замаршировала вдоль перил, добралась до лестницы, затем быстренько преодолела все ступени, спрыгнула с последней. Но даже будучи внизу, никак не может сориентироваться. Визг слышится совсем рядом, девчонка крутит головой в поисках источника, но взгляд встречают одни лишь тёмные углы и заставленные мебелью проходы. Кажется, что скулит где-то под полом, нигде и везде одновременно.

Глаза остановились на прижатом к стене алом диване.

Дурной цвет. Рядом повалено кресло и опрокинут светильник. Гретель на полусогнутых ногах подползла к месту, где нарушен порядок. Упала перед диваном на колени, заглянула под него. Там темно, но забившейся в самый угол маленький белый комочек видно. Бедняжка вся в пыли и паутине. Собрав шерстью попавшуюся на пути грязь, проделала на давно немытом полу своеобразную извилистую дорожку.

Сидит собачка и тихонько скулит. Ни крови, ни ран пока незаметно, но что-то так сильно напугало её, вся сжалась. В глазах что-то незримое между страхом и паникой. И дрожит как от страшного холода. Под диваном очень мало места, собачка даже не может лишний раз пошевелиться. Какой ужас её туда затолкал?

– Тише. Тише, – начала шептать девчонка, потянула к питомцу руку. – Успокойся, всё хорошо. Иди сюда. Тише.

Собачка на это не среагировала, смотрит куда-то в сторону, едва ли что-то замечает. В моменты замрёт, тогда и вовсе словно неживая мягкая игрушка.

– Дорогая, что случилось? – вновь обратилась к своей Изабелле. Вытащить бы её, но так мало места никак не вывернешь руки, Гретель без того лежит на полу, волосами подметает грязь. Но рука всё же близко, кончики пальцев касаются шерсти. Её нельзя оставить, она может быть ранена. Ведь именно боль делает животных неузнаваемыми.

К сему моменту собака стихает, взгляд отстранён от происходящего и направлен в пустоту. Это молчание восприни-

мается даже как-то зловеще. Изабелла же как будто вслушивается. Поразивший её ужас не позволяет вертеть мордой, слышать же ничто не может помешать. Вокруг становится максимально тихо, только голос девчонки никак не смолкнет.

– Иди ко мне, я не дам тебя в обиду, – совсем нежно шепчет. – Угощу котлетой. Ты ведь хочешь котлету? А косточку? Хочешь свою любимую сладкую косточку?

Наконец два пальчика уцепились за шерсть, зажав буквально несколько волосинок. Тогда легонько потянула животное на себя. В следующий миг собака рывкнула! Две дюжины клыков сомкнулись в попытке вцепиться в протянутые к ним пальцы. Гретель едва успела спасти свои конечности, прежде чем пасть щёлкнула. Питомец же оскалился, обнажив два ряда белых зубов. Ну и агрессия.

– Ты чего?! – изумлённо воскликнула Гретель, жалость к зверушке резко сменилась испугом.

Собака принялась озлобленно рычать, огрызаться. И что это только за монстр в обличии маленького друга человека? При этом смотрит перевоплотившееся чудовище прямо на свою хозяйку, но как будто перед ней самый страшный враг, и нет никакого другого желания в обезумевших глазёнках, как разорвать своего недруга на куски. А голос у Изабеллы оказался громким и, кажется, не соответствует для такого миниатюрного зверька, больше похоже, что ревёт крупная овчарка. Произошли изменения даже в мордочке, она потеря-

ла всю свою красоту, стала подобна волчьей.

Она не спешит наброситься, перебирая лапками, всё сильнее прижимается к стене.

Гретель больше не осмеливается тянуть пальцы. При следующем случае их могут просто оторвать. Если же собака накинется, девчонка в любую секунду готова запрыгнуть на диван. Ужасной получится встреча, если когти Изабеллы коснутся лица Гретель. Девчонка отодвигается подальше и... только сейчас сместившись в сторону, она наконец замечает, что собака смотрит совсем не на неё, а за её спину. Кто-то сзади... И это он вызывает приступ агрессии и страха у собаки...

Быстро и хаотично побежали мысли в голове. Впереди обезумевшая собака. А вот сзади? Мурашки пошли по всему телу, вместе с ними рвётся на части сердце. Становится тяжело дышать. Холодный пот обливает лицо. Сильно приходится сжимать кулаки, не позволив себя задёргаться как в припадке жара. Незнание сковывает, знание, возможно, заставит кричать. Оцепенела, и только глаза перебегают из одного крайнего положения в другое, пытаются усмотреть стоящее за спиной. Но только сильнее плывет картина мира. И ведь ощущается чей-то холодный буравящий взгляд за спиной. Он словно ждёт её малейшего движения. Девчонка сглатывает застрявший в горле комок. Будто вот-вот к шее должна прилипнуть острая леска.

И ведь ещё замечает на пыли под диваном следы чьих-то

рук. Нечто хотело достать собаку до того, как Гретель решила поласкать зверька своими пальчиками.

А собака всё ревёт и ревёт. Пена слетает с языка, смачивает пыль на полу.

Страшно, но всё же девчонка резко обернулась через плечо. Лестница, перила, дверной проём, комод, какое-то ведро, швабра и... больше ничего.

Всё легонько водит глазами то в одну, то в другую сторону, страшась увидеть тёмную фигуру в каком-нибудь дверном проёме. Страх не отпускает, крепко схватился за шею, не позволяя дышать полной грудью. В это время, громко взвизгнув, собачка выскочила из-под дивана, рванулась бежать. Пронеслась через зал и коридор, следом кинулась в соседнюю комнату, побежала вглубь, растворяясь в темноте. Шум от её лапок будет слышен недолго.

Неужели она всё-таки рычала на Гретель? Но почему? Кажется, не веря в это, девчонка резко обернулась через другое плечо, но по-прежнему никого.

...

Поднимается, набирает силу ветер. Затишье сменяется на скрежет металла и треск ломающихся веток. С громким свистом несутся потоки ураганного ветра, сметая со своего пути всю дворовую мебель. Кресла опрокидываются, скамейки падают, раскачиваются пустые качели. Стучат, отрываются от кровли, летят железные листы. Скрипят садовые деревья. Стихия идёт забирать жизни, а вместе с ней в поселе-

ние идёт, воев мгла. Частицы песка забарабанили по стеклу. Видимость резко ухудшается, дальние дома поселения больше не видны. За стенами дома стоят удушье и слепота. И это всё пока что лишь горсть от сегодняшнего плана. Стихия сделала только первый шаг в направлении поселения, сотни тысяч тонн песка на подходе. Становится темнее.

Шаги надвигающегося урагана ощущаются и в стенах дома. На потолке закачались люстры. Задрожали ставни окон. Гретель видит, как начали раскачиваться вещи в здании. Оставшуюся часть пути до кладовки девчонка преодолела бегом. Этот кошмар не закончится, если не успеть покинуть дом до прихода бури. И хотела бы быстро забежать в кладовку, но всё же задержалась у самого входа. Дверь. Невероятно массивная с большим количеством замков, на ней же толстые железные листы, жирные сварные швы, заклепки, рёбра, планки. Весом она как четыре человека. И выглядит она как ворота бункера или банка. Должно быть, архитектор планировал, что за дверью будут хранить сейф с деньгами. В семье же Гретель не копили денег, их только тратили. Само помещение использовали как подсобное помещение, где помимо всякого хлама хранили никому не нужные дубликаты ключей.

И собственно сейчас девчонку не особо заботит какая эта дверь надёжная и прочная, куда сильнее волнует тот момент, что при её закрытии запирающие механизмы срабатывают автоматически. После этого её можно открыть только клю-

чом. Ключ же как несколько лет потерян или украден, случись несчастье и Гретель останется в подсобке навечно, выбраться наружу уже не получится, если только призраком. О, девчонка до дрожи боится заточения. Её брат не врал, когда говорил о страхе перед этим местом. Тёмном, грязном и опасном. Внутри действительно злочно, сыро и гадко. Стены, обитые железными листами, покрылись наростами ржавчины. На полу и потолке среди решёток и цепей выросли огромные трещины.

К сожалению, выбирать не приходится. Гретель взяла массивный табурет, хороший, добротный, основательно подпёрла им дверь, вплотную прижала и несколько раз толкнула бедром. Будет ответственен за её жизнь. Только тогда зашла внутрь. С приближением бури темнота сгущается, основная часть вещей в подсобке стала еле различимой. В целом эта особенность касается уже всего здания целиком.

Большая часть зрительного пространства заполнена неисчислимым количеством крючков, десятки, может быть, даже сотня. Глаза разбегаются. И ведь на каждом из них висит как минимум один ключ, кое-где по два, а то и по три.

Никто в семье не знает предназначение большей части из них. В доме в пять раз меньше дверей, чем здесь ключей. Родители не уделяли особого внимания бытовым вопросам, когда в доме меняли замок или дверь, новые ключи просто вешали на незанятый крючок, при том что старые так и оставались гнить и мотаться на своём выделенном месте.

Гретель, мягко говоря, в растерянности. Девчонка опять вынуждена кусать израненные губы. Топчется на месте и хватается обеими руками за голову, сейчас она разорвётся. Брат сказал ей, что видел здесь ключ от своей комнаты. И как же он его тут нашёл? Он что соврал ей? Нет?.. Ну тогда бы сказал секрет. Тут все как один. Каким критерием выбора руководствоваться. Каков он?.. Ключ от твоей комнаты, братец?.. Он серебристый на белой верёвке? Он тёмный с ленточкой? Серый? Зелёный? Жёлтый? В каком ряду ей посмотреть?.. В пятом?.. Десятом?.. Или двадцать первом?.. Ох, Гретель хочется бежать обратно в комнату к брату только ради того, чтобы врезать ему. Как же ей быть? Собрать все ключи?

Девчонка поочерёдно дарит каждому крючку и его содержимому свой нерешительный взгляд. В какой-то момент подняла глаза и посмотрела на потолок. Привлекло движение, еле уловимое, но только не в месте где всё неподвижно десятки лет. Маленький неизвестный ключ торчит из вентиляции. Зацепившись за что-то верёвкой, медленно раскачивается. Он или не он? Этот ключ какой-то особенный, не находится он в общей массе.

Но это высоко, слишком высоко. Прямо под ним скамья, но и её не хватит, чтобы достать. Была бы тут лестница. Но, увы среди горы хлама никто лестниц не прятал. Девчонка искала глазами то, что можно поставить сверху скамьи. И первым, с чем встретился взгляд, оказался подпирающий

дверь табурет. Но она сразу же открестилась от подобных идей. Тогда что взять? Гнилое или ржавое? Наверно, гнилое и ржавое одновременно. Маленький старенький стульчик, что стоит в самом углу за ящиками с инструментами. На вид, конечно, хлипкий, ножки покосились, сидение и спинка частично съедены термитами. Выбора собственно больше нет, лучший вариант из худших. В конце концов Гретель весьма худая. Правда, на стул и смотреть страшно, кажется, он и от одного взгляда развалится.

Девчонка вытянула стул из переплетений паутины, настолько давно оставлен в углу, что почти врос в пол. Этот же старинный стул Гретель водружает на скамью, поправляет ножки. Тут же снимает с себя обувь. Ведь на голых ногах она будет чувствовать себя куда увереннее, чем на скользкой подошве.

Затем один глубокий вздох, и полезла на верх конструкции. Поднялась на скамью, закинула одну ногу на стул, а дальше уже сложнее. Мебель под ногами начала расшатываться, а самое слабое звено и от её неполного веса начало прогибаться. У Гретель только унялась вся старая боль. Ох, если придётся падать... По обе стороны привинченные к полу массивные железные ящики, их углы крайне опасны. Велик шанс пробить голову, сломать позвоночник или свернуть шею. Осознание опасности перехватывает дыхание.

Задрать одну ногу проблем не составило, в этом случае разодранные джинсы играют положительную роль, не сковы-

вают движения. А вот вторую никак не получается поднять, не за что ухватиться руками, чтобы себе помочь. Подпрыгивает на одной ноге, но удачный момент никак не находится. Растяжка так себе даётся, совсем не балерина.

Но вот наконец один в меру сильный толчок помог вскочить на стул. Но уже в следующий миг вместе со всей мебелью потянуло вперёд, затем резко назад, вовремя расправленные по сторонам руки кое-как смогли удержать равновесие. В сей момент сердце замерло. Никогда сильно не любила высоту. А уж падать с высока и вовсе ненавидит.

Облегчённо выдохнула через губы, сложенные в трубочку. Закрыла, открыла глаза. После Гретель крошечными шагами развернулась в противоположную сторону от входной двери. Ключ стал гораздо ближе.

Девчонка вытянула руку. Но, где же этот холодный металл? Холодное касание с мокрыми пальцами? Не дотягивается – вот очередная беда, правда, не хватает совсем чуть-чуть. Даже встать на носочки не помогает, но ключ буквально лижет её пальцы.

Кажется, ничего не остаётся, она начала тихо подходить к краю стула. Совсем по чуть-чуть, очень неуверенно переставляет босыми ногами, пальцы на них сжались в напряжении, не сводит глаз с потолка и не прекращает тянуться. Внизу всё сильнее трясётся возведённая конструкция, самая неблагонадёжная лестница, стул и того дрожит, как нечто полуживое. Ему тоже не по себе от задумок той, кто топчет-

ся по нему. Каждый шаг увеличивает риск опрокинуться. Сложно сказать сколько ещё до красной черты. Начиная с этого момента колени Гретель будут только дрожать.

Девчонка не смотрит вниз, продолжая приближаться к своей неизбежности. Как иначе? Ведь остаётся совсем немного. Стул под ногами начал приподниматься, а скамья наклоняться и стучать. Теперь приходится постоянно балансировать одной рукой. А по-другому не получается, всё на грани коллапса и падения. Но наконец стала касаться ключа подушечками пальцев. Такие пальцы стали мокрые и скользкие. И становятся только сырее. Как же ей вытянуться поильнее, и без того стоит на носочках?

Следующее движение стало самым отчаянным и глупым. Девчонка подпрыгнула. Двумя пальцами удалось уцепиться за ключ и, кажется, даже сдёрнуть, но вот при приземлении попала на самый краешек стула. Мебель заскрипев, отскочила в сторону, слетели вниз ранее оставленные на скамье кроссовки, Стул сперва резко накренился, затем закрутился на месте, от приложенной нагрузки ещё сильнее разошлись по сторонам ножки.

Гретель в этот момент словно танцовщица новомодного жанра, пытаясь удержать себя на стуле, резко дёргается то в одну, то в другую сторону, активно размахивает руками. Пляска дикого человека удалась, конструкция устояла, и уже совсем скоро вернётся к состоянию равновесия. Девчонка же немного успокоила дыхание. Непроизвольно и совсем нена-

долго разошлись уголки губ в улыбке. От волны стресса ноги начали зудеть, а левый глаз дёргаться. Ключ опустился гораздо ниже, теперь достать его будет...

За спиной раздался тихий скрип двери. Не будь с ним так много связано переживания, и вовсе пропустила бы звук мимо ушей. Гретель ахнула, обернулась через одно плечо, затем резко через другое. Охватил испуг посильнее страха падения. На текущий момент ей показалось, что сцена за спиной не претерпела изменений.

Однако же звук сильно напугал, и ей мало просто оглянуться. Она маленькими шажками вернулась к середине стула, затем на ту же манеру развернулась лицом к двери. Гретель сперва смотрит в проход, ловит кружащиеся пылинки, следом взгляд переползает на табурет, тот стоит на посту. Девчонке бы поспешить закончить начатое, но ведь нет, она ещё зачем-то смотрит на порог. Темно в доме, солнечный свет ушёл, чёрные вещи сложно различимы, однако же Гретель замечает на пороге край чёрного плаща. Казалось бы, незначительная мелочь, вот только откуда ей тут взяться? Там за углом нет и быть не может вешалки с одеждой. Чей же это плащ прячется за стеной?

И давно он тут? Брови Гретель нахмурены, губы поджаты. Он хочет, чтобы она слезла? Чтобы она подошла?

– Кто здесь? – спросила девчонка строго. Край плаща отреагировал на звук, начав двигаться. Такого Гретель не ожидала, она не хотела, чтобы была какая-либо реакция вооб-

ще, её бы устроило безразличие гостя. Девчонка шокирована, она присела на корточки и, нащупывая ногой скамью, собралась спуститься.

– А... – рот Гретель раскрылся. – К... Кт... Кто?..

Оно, наверно, решило и этот вопрос не оставлять без ответа. К печали... Из-за двери, двигаясь боком, вышла вся увешанная одеждой вешалка. Плащи и куртки тянутся по полу следом. Девчонка, выходит, ошиблась. Вешалка там оказывается была. При движении одно пальто, зацепившись за дверь, соскочило с крючка и, продолжая тереться о свисающие куртки, сползло на пол. Впрочем, потерянное пальто не сделала наряд вешалки беднее. Там не менее семи плотно натянутых друг на друга слоёв одежды. Со всем этим объёмом вешалка полностью закрыла проход, заняв место от стены до стены. Закрывается дорога свету, подсобка становится чёрной, девчонка не видит даже свои трясущиеся руки.

Страх в глазах Гретель разбавляет непонимание. За это короткое время выход в коридор стал входом в гардероб. Словно стена одежды выросла на границе комнат. Как будто колдовское заклятье влиянием которого неодухотворённые вещи становятся живыми.

И ведь девчонка видела эту вешалку. Это было вчера, Гретель смывала с ран кровь. Вешалка же стояла в углу ванной комнаты. Она была ровно в таком же положение как сейчас. Если есть у этого комода лицо, то оно определённо сейчас направленно на Гретель. Уже тогда показалось странной идеей

вешать столько одежды на одну бельевую стойку. Так за счёт чего этот комод с вещами движется? Там есть кто-то? Кто-то тянет? Девчонка попыталась под вешалкой усмотреть чьи-нибудь ноги. Но едва ли у неё получится так просто влезть в чужие тайны, края одежды лежат на полу, они ничего ей не расскажут и не покажут. Одно хорошо, очень крупный этот стеллаж, чтобы пролезть. Ему как минимум придётся раздвинуть стены.

А куртки и плащи продолжают качаться на крючках без остановки несмотря ни на что. И время их не останавливает, не замедляет. Гретель не способна оторвать от них взгляд и продолжает среди пуговиц и карманов искать что-то. Она буквально чувствует, что там есть нечто, что её встревожит. И тщательно ищет причину своего будущего крика. Попутно подмечает совершенно бесполезные вещи.

Оторванная пуговица, пришитый карман, порванная молния... Пальто, клетчатая ветровка, кожаная куртка... Кепка, платок, шляпа... И ведь это совершенно хаотичный набор верхней одежды, которую собирали по разным углам дома. И мужская, и женская без разбора. Новая, старая... Грязная, чистая... И... У верхней части вешалки среди беспросветной массы курток и плащей виднеются две полости, что выглядят как две дыры. Это такое странное обстоятельство. Их положение напоминает... Гретель зря начала всматриваться, ибо увидела там под мехом шубы чужие глаза, пристально смотрящие на неё. Оно не стоит за вешалкой, оно спрята-

лось прямо внутри и всё это время наблюдает. В глазах твари столько интереса и желания.

Зрительный контакт вселил такой ужас в сердце девчонки, она завизжала, сжалась, закрыв глаза и лицо руками. Крик громко зазвенел. Гость отшатнулся от невыносимо громкого звука, начал стонать и подвывать. И шагнёт то влево, то вправо, пытаясь как-то повлиять на этот визг. Ударится в стену слева, оттолкнётся от стены справа.

И вот из-под одежд вылезли его огромные крепкие руки, что больше не могут прятаться в душных облачениях. Чудовищу от ужасных богов достались крупные мышцы, толстые пальцы и острые ногти. Его же плоть покрыта следами гниения и разложения. Руки полезли затыкать уши монстра. Но видимо визг девчонки проникает ему в голову и через ладони. Она слишком громкая, её горло нужно сузить. Он злится, его гнев ищет выхода. Тварь кинулась в сторону подсобки, упёрлась в арку прохода. Хорошо, что железные стены не пропустили внутрь демона. И его протянутые руки недостаточно длинны, чтобы дотянуться до визгливой девчонки.

Тогда он впивается пальцами в дверь подсобки, пытается закрыть уже её. Тянет, с огромным нечеловеческим усилием дёргает. Его желаниям мешает упёршийся в петли табурет. Тот под непрекращающимся давлением твари трещит. Дерево на ножках и сидении лопается, крошится. Но преданный своему делу, он не позволяет двери закрыться. Из-за нерасторопности и суетливости с крючков вешалки свалива-

ются ещё несколько комплектов одежды. И чем больше падает одеяний, тем громче и яростнее ревет чудовище. Впрочем, и тогда несмолкающий вопль девчонки не становится менее различим. Её писк разъедает тёмный мозг, волнует сознание.

В сей же момент огромные руки схватили табурет, что так сильно мешал им. Крепко сжимают, а затем швыряют как нечто совершенно невесомое. Потрескавшийся табурет влетел в подсобку и в следующий же миг снёс стул, на котором всё время стояла девчонка. Мебель с треском разлетается на части, оторванные ножки впиваются в стены. Гретьель рухнула вниз. Ударилась грудной клеткой прямо об угол скамейки. От резкой мучительной боли глаза девчонки наполняются слезами и кровью, дыхание же на некоторое время полностью останавливается. Она затряслась. В её пересохшем рту снова много слюней. Больше уже не может кричать, хрипит и стонет. Зато слышит, как сокрушается и воеет вешалка. Голос у существа ужасный, дикий и нереальный.

А дальше полетела дверь, с оглушающим грохотом врезалась в проём. Стена задрожала, пыль посыпалась с потолка. Следом загрели, намертво запечатывая проход, все до одного запирающие механизмы. Наступил мрак.

Уже в темноте слышится металлический лязг, видно, как свисающий ключ поднимается и исчезает в вентиляции.

Последняя глава – "Бледные лица".

[Неизвестное место, неизвестное время]

– Просыпайтесь, просыпайтесь, просыпайтесь детки.

Мама в опасности.

Лысое полностью лишённое одежды и волос тело. Оно стоит на коленях, руки раскинуты по сторонам. От пальцев до плеч вся плоть изрыта ужасными сквозными дырами. Некоторые из былых ран частично заросли грубой сморщенной кожей, из других же торчит чёрная окровавленная плоть. В бицепсы, предплечья и кисти забиты огромные железно-дорожные костыли.

Из приплюснутого носа с шумом вырывается пар.

– Просыпайтесь, просыпайтесь, просыпайтесь детки. К нашему дому подступил враг.

Оно вновь вздохнула. Ещё одно облако пара расходится по сырой и такой холодной дыре. Склизкой, мерзкой полости, спрятанной глубоко под землёй.

– Просыпайтесь детки. Враги у дома. Закрыли окна, нечем дышать.

Оно дёрнуло лысой головой. Под полупрозрачными опущенными веками забегали маленькие чёрные глазки. Его мышцы задёргались, побежала по венам кровь. Начали отрываться от земли грозные руки.

– Детки, в нашем доме нечем дышать. Они пришли нас

убивать.

Дыхание учащается. Больше застуженного воздуха окутывает тело. Мышцы начали активно сокращаться, тысячи железных струн-связок начали натягиваться.

– Детки, они пришли убивать. Ройте скорее дорогу домой.

Ещё сильнее выдавливается на коже рельеф мускул. Пасть без губ распахнулась, выпал наружу длинный до подбородка язык. Дальше по рву гниющих и мёртвых, тревожа и пробуждая, разнёсся гулкой ре́в. Труба ни одного самого изощрённого инструмента не воспроизведёт этот зов. Он звучит не для живых, ему отведена роль сотрясать проклятых.

Тварь закончив свой душераздирающий крик, поднимается, встаёт на тонкие ноги. Звенят... Бьются друг о друга и звенят его железные штыри. Здесь давно не было звуков. Но вот сейчас громче и громче гремит железо. Пространство разрывают звон... стон. Замельтешила куча голых белых туловищ, сотен рук, тысяч лезвий. Они давно мертвы, они навечно прокляты.

Время копать туннели, ибо враги подступили к дому.

...

Звук грохота разнёсся по всему дому. Что-то крупное упало. Мальчик продолжает ждать свою сестру до сего момента. Но, кажется, что-то не так. Её голос давно стих, а пора бы зазвучать вновь. Где же она? Куда завели чёрные коридоры? Ей холодно? Ей плохо? Ей страшно? Сейчас и ему самому очень холодно и как-то сыро, он всё время замерзает, и ни-

что не может согреть. Даже эти два толстых одеяла, что укутывают с ног до головы, бессильны.

Мальчик сидит на кровати в сгущающемся сумраке. Его лицо весьма бледное и безжизненное. Губы посинели, обескровленные щёки побелели, около глаз появились огромные чёрные синяки, сами глаза мутные, лишённые эмоций. Несомненно, выглядит очень нездоровым, даже цвет кожи какой-то серо-зелёный.

Сейчас он в своей комнате, самой прилежной комнате всего дома. Недавний ремонт, новая мебель и идеальная чистота, при которой трудно найти даже соринку. Игрушки на своих местах, тетрадки сложены в аккуратные стопочки, книжки расставлены по алфавиту, кровать заправлена, одежда свёрнута. Только болезненный вид главного творца и создателя порядка всё портит.

Впрочем, немногие бы разделяли то же мнение, самые строгие учителя и те всегда отмечали его как очень воспитанного, талантливого и умного, никогда не скупилась на хорошие слова. Он точно не может ничего испортить, скорее наоборот, скрасит. "Чистая кровь, образец для подражания, умный мальчик, достойный наследник и приемник, гордость семьи". В отличие от сестры невежды и задиры, бессовестный грубой девчонки. Хотя мальчик её такой не считает. Взбалмошная, но интересная, ещё красивая, но он об этом ей никогда не говорил.

Нет, так нельзя, нельзя выжидать, надо действовать.

Мальчик поднялся с кровати, скинул одеяла, которые так мешают двигаться. От этого действия не станет теплее, но холод и так завладел всем телом. Но, а что тогда? Стоять? Нет, нужно пытаться выбраться. Но как? Ведь он заперт, и у него нет того ключа, ждёт сестру, но она всё не приходит. Но, может быть, помощь нужна теперь ей? Мальчик медленно расхаживает по комнате, пытаясь что-то придумать, но идеи не находятся. Голова как ватой набита, вместо мыслей шум. Вылезти в окно – не осмелится, стучать в дверь – нет смысла, выбить её – не получится.

Взгляд остановился на полке с игрушками, почему-то там нарушен порядок, все кроме одной раздвинуты в стороны. Это неправильно, что они так стоят. И кто это в самом центре, игрушка от которой отступили остальные? Незнакомый клоун. У мальчика никогда не было такого страшного и неопытного. В чёрных одеждах с угрожающей улыбкой и злыми глазами.

Он не нравится, и его хочется как можно скорее выбросить с полки. Но, кажется, клоун приготовил откуп за своё вторжение. Он протягивает маленькую коробочку как подношение. Сверху синий бант, сбоку отверстие с заводной ручкой. По центру крупная корявая надпись: «От сестры». Странно, откуда он тут взялся? Ниоткуда, и это пугает. И что же эта игрушка приготовила ему? Мальчик не смог перебороть любопытство, подошёл, забрал у клоуна подношение.

При перемещении внутри коробки нечто прокатилось из

одной стороны к другой, видимо, внутри что-то круглое или продолговатое. Совсем не тяжёлое. Юнец потряс, и действительно летает туда-сюда, бьётся о стены один единственный предмет. Звук намекает, что оно должно быть мягким. Воображение почему-то рисует огурец. Маленький сочный огурец. И что же там может быть от сестры. Коробочка аккуратно выполнена, стенка приклеена к стенке, почти незаметны швы. Покрыта картоном приятного зелёного цвета с золотистыми шариками. Совсем новая поделка, собранная на скорую руку.

Мальчик подковырнул крышку, но лишь сломал ноготь. Так просто её снять не получится. Единственное, что поддаётся воздействию, – ручка. Крутится в обе стороны, и при каждом повороте звучит тихая плавная мелодия. Очень добрая и красивая, какая никак не сочетается с ужасным клоуном. Такие обычно слышатся из шкатулок в форме сердечка, что влюблённые дарят друг другу. Уносящая за собой игра инструментов, говорящая об искренности чувств. Когда заводной механизм резко остановился, крышка сама приподнялась.

И как будто оно активировало что-то ещё, ибо сразу за этим одна игрушечная машинка на полке неожиданно и без каких-либо предшествующих причин тронулась с места. Разогнавшись насколько позволило место, въехала в чёрного клоуна.

А внутри клоуна спрятан железный каркас. Страшная иг-

рушка едва вздрогнула, машинка же подскочила на передних колёсах, непосредственно от удара отлетел бампер, с передней части соскочила краска. Но и тогда игрушечный автомобиль не останавливается, безрезультатно, но в то же время очень упорно буксует на одном месте. Ха, шустрая машинка, не зря на ней гоночная раскраска, напоминающая финишную ленту, нарисованы чёрно-белые квадратики. На капоте ещё виднеется слово «СТОП». Символично, ибо на этом всё движение прекратилось.

Юнец без отлагательств закончил начатое, откинул назад крышку коробки. Внутри оказался ключ.

– А, спасибо, мистер неизвестный клоун, – поспешил поблагодарить игрушку мальчик. Теперь сидеть и ждать он просто не может. Ему придётся идти искать сестру. Вытащить её из когтей тьмы, взять за руку и повести за собой.

Слабость подкашивает ноги. Его недомогания тянут обратно в кровать. Он может долго пролежать под одеялом. И день, и неделю. Тёмное пятно, ползущее по подушкам и простыне, говорит, что это будет долгий отдых. Юнец не может позволить рукам болезни затащить обратно, он не хочет срастись с кроватью. И мальчик таки открыл дверь. Следом пошёл в темноту серых коридоров.

Уже тогда на полке с игрушками в небольшой тени клоун медленно поворачивает голову в сторону машинки с чёрно-белой окраской.

Бродяжка ковыляет по кухне. Стонет. Побитая... поломанная... Гадина сильно ранена, хромает. Одна нога ещё неплохо функционирует, другая почти полностью онемела. Что с ней такое непонятно, видимо тяжёлые трубы повредили бёдра. Походка стала медленной и неуклюжей. Она движется рывками, упираясь в стены или в мебель. За собой волочит травмированную ногу. Её тело погибает. Болит и напоминает о себе каждая царапина. От падения на пол спасает лишь страстное желание чужой крови. Отдыхать так с трупом стервы. Она ищет в доме одну плохую девчонку. Муки расставания не дают сейчас подохнуть.

Да, гадине досталось, она вся изодрана, искалечена, очень много царапин, проколов и синяков. Кожа на животе начиная с пупка намоталась на трубу, оторвалась. Теперь на том месте кровавый шлейф. Мясная котлета. И лицо в засохшей крови. Губы порваны, на щёках синяки. На лбу же вмятина от молотка... чёрт, ей сломало череп, но она почему-то до сих пор жива. Этой болячки только касаться больно, а так она в принципе не беспокоит. Болезнь оказывает удивительный эффект на организм, его строение меняется. Если люди умирают, когда их черепа открываются, бродяжка же всё ещё ходит живой и думать ей вмятина на лбу не мешает. Правда, внешний вид стал ещё более скорбен. Гадина, не утерпев, посмотрелась в зеркало, прежде чем идти на охоту. Её очень огорчает эта яма на лбу, она портит красоту. О Боги, выглядит как накаляканный уродливый детский рисунок. Ночной

кошмар, который должен воплотиться в жизнь девки.

Примерно сорок минут назад, убогая ещё сидела в мастерской. Это было время страданий. Уже решила, что темнота стеллажей станет закатом светлых дней. Стало так... грустно, печально. Даже заплакала. Слёзы, надо же. Она не плакала последние десять лет.

Когда раздался грохот, к ней вернулся гнев. Мысли, что не доросшая дрянь хозяйничает в доме, вызвали неконтролируемую ярость. Думала, что останется в мастерской и умрёт в темноте, в крови и холоде... Это оказалось заблуждением. Дверь удивительно легко удалось выбить. Почему только она не вырвала её в первый раз?.. Такой шанс был упущен. И вот теперь бродяжка ищет свою подругу, дабы за обеденным столом поговорить. Обсудить, что бывает, когда совершаешь ошибку. Жаль, стерва затихла.

И вот ещё это. Бродяжка стоит у холодильника. Перед ней на полу лежит весьма большая сумка, доверху набитая продуктами. Вернее, тем, что от них осталось. Сумки тут не было с утра. Гадина уже успела осмотреть чьи-то приготовления, постаралась даже обнюхать. Эта не доросшая дрянь испоганила столько продуктов. Тупая девка. Почти всё, что она собрала в сумку, раздавилось под собственным весом. Одному чёрту известно, что она тут готовила... получилось же у неё отрыжка из йогуртов, молока, сока, фруктов с добавлением копчёностей, рыбных паст и мясного паштета. В отдельности это очень желанные продукты, все равно что рай-

ские яблоки. Убогая планировала всё это беречь, растягивая удовольствие на недели или даже месяцы. А теперь будущие завтраки подавлены, смешались с грязью и пылью. Большая лужа неестественного цвета с масляными разводами растеклась по кухне, залилась под печку и тумбы. Грязные ноги убогой и те погружены в пищевую пасту. Юная идиотка. И что она спланировала бежать? Стоит надеяться, что ещё не успела. Месть не терпит отлагательств.

– Хмм, – дёрнула головой гадина.

Что это? Смех?! Кто позволил?!

У бродяжки руки сжались в кулаки, глаза прищурились. Резвятся где-то за стенкой прямо у неё под носом. Празднуют победу. Не так быстро. Гадина бросилась в сторону звука. Побежала как смогла, не удаётся устоять на искалеченных ногах, потому, задрав кверху зад, отталкивается ещё руками. Где-то в зале звенит детский смех. И кто там развлекается? Решила подразнить, дерзкая крошка? Ей это будет дорого стоить. Стоить головы.

Но, увы, головы у неё уже нет. Гадина остановилась у входа в зал. Слепой гнев быстро сменяется абсолютно искренним удивлением. Бродяжка замирает в ступоре, не осмеливаясь даже шагнуть через порог навстречу нарушителю тишины. Её в сей момент поражает вполне естественный испуг, гадина начинает прятаться за углом, трусливо выглядывать.

По залу расхаживает маленькая серая фигурка. Двигается она без лишней спешки, часто крутит руками. Поднимает,

мотает, никак не найдёт им место. На ней почти нет одежды. Висит порванная майка с упавшими лямками, на бёдрах совсем короткие шорты. Обувя нет совсем, как и нет носков. Телом и размерами она похожа на ребёнка. Ноги и руки довольно худые, без ярко выраженных мышц. Плечи узкие. Ну ребёнок же... Вот только это дитя потеряло где-то свою голову. Впрочем, столь незначительная деталь не мешает ей уверенно передвигаться и осматриваться по сторонам. Да она ещё заскакивает на диван и начинает прыгать на подушках.

И откуда вся эта нечисть лезет? Бродяжка по-настоящему в шоке от разворачивающейся сцены. Она видела много уродств в рядах своих соплеменников, но такая гадость шокирует. Что это за тварь? Её можно убить? Вот только что её способно уgomонить? Голова и та уже оторвана... А ведь один вопрос по-прежнему остаётся без ответа. Собственно, бродяжка пришла посмотреть, кто шумит. Услышала же она звонкий смех. Откуда же исходил смех, если у существа нет головы?

Оно не одно. За диваном промелькнула тень. Эта новая сущность начала очень быстро бегать вокруг комнаты, скачет и прыгает вдоль стен и только благодаря счастливому случаю избегает столкновения с окружающими вещами. Босые ноги стучат по полу, отмеряя шаги. Носится как на кольцевой гонке, останавливается лишь на одиннадцатом круге. И не похоже, что такой продолжительный бег вызвал у неё какую-либо физическую усталость. Смысл действий не уга-

дывается. Оно словно играет и забавляется.

Это существо имеет свою голову на плечах. Тоже небольшого роста. Футболка на нём и короткие шорты на подтяжках. Одежда покрыта пятнами масла и копотью. Её видимо уже долго не снимали, шорты сильно истлели, рубашка же буквально приросла к коже. И при подобных обстоятельствах на расстояние оно выглядело бы, как странноватый двенадцатилетний мальчишка. Но так как у бродяжки есть возможность наблюдать с дистанции двух шагов, она может видеть, что эти сущности больше похожи на оживших кукол. Их кожа напоминает воск, есть большие сомнения, что при касании она будет ощущаться как мягкая. На ней же слой жира, что заставляет их тела блестеть. Что до лиц, они у кукол почти плоское, впадины глаз и рта незначительные, выступ носа крайне мал. Глаза на лице и те не круглые, скорее приплюснутые. Непонятно есть у них ноздри или ушные раковины. Губ нет точно... И вот ещё волосы, те явно не настоящие. Это же нейлоновые нитки.

По образу и подобию...

А тела кукол довольно хрупкие. У той сущности, какая бежала кругами, только что отвалилась рука. И это не вызвало у неё никакого приступа боли. Без замешательств, не испытывая лишней робости, сущность подняла с пола свою отвалившуюся руку, начала активно ею размахивать словно флажком. Уже в следующий момент запрокинула голову и захотала. Смех вызывающий, звонкий и громкий. Этаким про-

казник. Вот только, кажется, что он делает это нарочно, ведь не похоже, что оторванная конечность заставляет его действительно испытывать какую-то радость. Смех дразнящий. Язык куклы дрожит, в глотке клокочет.

Прервал веселье чудовищ скрежет стали. По дому пронеслось гулкое эхо. Оно мгновенно вернуло тишину в зале, стёрло с лиц улыбки. Раздражающие голоса в одночасье смолкли. *Стойте смирно. Слушайте как рвётся сталь. Они идут...* Куклы заметно встревожились. Побросав все свои занятия, бегут прочь, оставляя за спиной беспорядок. Словно сюда идёт кто-то большой и грозный, дети же стараются сбежать с места, где шалили.

У кого есть зрение да увидят. У кого есть слух да услышат в звуках рвущегося железа шаги надвигающейся катастрофы. Кто-то взывает из глубин... ревёт, кричит, стонет. Со dna подвала в дом заходит скрежет лап и визг когтей.

Звуки продолжают, эхо не унимается.

Они идут. Их много. В подвале не хватает места для всех.

...

Медленный неуверенный шаг разгоняет тишину, и в какой-то момент мальчику стали аккомпанировать сторонние звуки. Он прошёл через коридор, шуршали шторы, скреблись в стенах и под полом мыши, их пугливые морды порой выглядывали и смотрели ему вслед.

Мальчик подходит к лестнице, внизу слышится топот, кто-то разбегается при его приближении. Едва ли этот шум

может быть вызван чем-то другим. Из закрытых комнат доносятся невнятные, неразличимые голоса нескольких людей, их роптание похоже на детскую монотонную речь. Но стоит приблизиться, и незнакомцы мгновенно затихают, как будто в шуме повинны вовсе не люди, а шепчущие стены. Мальчику кажется почти невероятное, что в доме собрались гости. И все они сейчас играют с ним, бегают и прячутся. За ним наблюдают? Вещи стали как живые, повсюду *Следящие Тени*.

Сами открываются и закрываются двери, слышится скрип петель из разных частей дома. Шум ходьбы, треск ступеней. И в окружении призраков юнец не ускоряет шаг, он медленно плетётся. Ему не нужно застать кого-то врасплох, ловить за руку. Ему достаточно того, что он не видит их, а они его.

Мальчик добрался до подсобки. Дверь, ведущая внутрь, закрыта. Максимально плотно прижимается к стене толстый лист железа. Вокруг почти полная темнота, из-за чего возникает обманчивое чувство будто ты пришёл куда-то в подвал. Тут и пыли очень много. Растревоженные стены осыпаются мелкой известковой крошкой.

– Ммм... – тихо промычал ребёнок Андерсум.

Эта дверь не должна быть закрыта. Её же невозможно открыть. Был когда-то ключ от замка, такой большой как буква «Г», но его уже давно потеряли. Оттуда выхода нет. О, они с сестрой так боялись, что эта дверь как-нибудь закроет их в логове голодной смерти. Если заходили внутрь, то только по одному и только в объятьях рук. Ладони в такие моменты

всегда были скользкие.

– Хмм... – ещё раз хмыкнул.

В непосредственной близости к двери валяется верхняя одежда. Несколько плащей и курток скомканы и брошены. Под ними в следах грязи видны отпечатки ног. Все следы довольно маленькие. Одни ноги, по всей видимости, были обуты в кроссовки. Аккуратные и ровные. Другие же свою обувь не имели. Странные были эти босые ноги. Стопа маленькая, а пальцы наоборот длинные. Оно словно ходило не на ногах, а на руках. Ну на человека не похоже, на собаку не похоже также. Не похоже на кошку... Неизвестный то был зверь. А тут сильно натоптано.

Мальчик прошёлся по забытым одеяниям, присел на корточки, легонько постучал в самый уголок двери. Может это и не дверь вовсе, а часть стены. Вдруг его затуманенная голова привела не туда, куда послали.

– Гретель, ты здесь? – просипел его тихий вопрос.

Он ещё раз стучит, на удары отзывается лёгкая дрожь. Тем временем из глубин здания к нему снова идут необъяснимые звуки. Дом стал таким живым, незнакомым. Как будто заселился выбравшимися из поселения призраками. И они, должно быть, плохие сущности, озлобленные на весь мир за свою кару. Вот и пытаются напугать живых скрежетом когтей. Хотят покоя и абсолютную тишину.

– Том? Это ты? – задрожал очень слабый напуганный голос из подсобки. По нему несложно понять, его обладатель-

ница плачет. Слова трудно разобрать. Каждую фразу сопровождают сопли и слёзы. Очень похоже, что она сидит рядом с дверью, иначе её мокрую речь невозможно было бы услышать.

– Да... – растерялся мальчик, подползает к двери и прикладывает ухо. – Где ты? Ты в стене? Как ты туда забралась?

– Как ты выбрался? – спросила она вместо ответа на его вопросы.

– Ну, сложно объяснить... Это клоун помог. Он принёс шкатулку, потом я её взял, потом в него врезалась машина, потом я...

– Том, – перебила его сестра, ей очень сложно выговаривать слова, из-за слёз она постоянно срывается, – ничего больше не спрашивай и не говори, слушай и сделай всё, как я скажу. У меня есть важное задание для тебя... Неподалёку дверь во двор, ты сможешь увидеть её прямо с места, где сидишь. Сразу беги туда и... беги не мешкая. Ворота должно быть заперты, не трать на них время, а вот забор... в заборе есть выбитые доски, ты сможешь пролезть. Беги со всех ног через дорогу к дому тёти Гретти, скажи ей... скажи ей, что у нас в доме чужие...

Последнюю фразу она сказала очень быстро.

– Гретель? – протянул мальчик.

– Это всё, теперь беги! – закричала. Несколько секунд она ещё будет бороться с потоком чувств. Будет выть и стонать. Однако же после недолгого сражения эмоции все равно воз-

мут вверх, тогда девчонка громко и горько зарыдает.

Прервать её, переспросить? У мальчика не шевелятся губы, пересохло во рту, ему жалко, хочется успокоить сестру, но стоит попробовать, и она обязательно закричит. Точно знает. И без того становится страшно. Можно, конечно, сделать всё, как ему сказали, это легче всего действовать по инструкции. Вот только бы понять, что происходит. Знать, зачем бежать к той старухи. А вот чужие... Что имеется в виду?

Юнец всё-таки надолго задержался у двери, слушая как рыдает его сестра, она порой говорит что-то очень неразборчивое, просит, умоляет, часто упоминает маму и папу. Некоторой болью в сердце отзывается каждое из её страданий. Она плачет потому что застряла в стене? Среди всех её скользких звуков можно уловить, даже как капают слёзы. Наконец, в них мальчик нашёл решение и для себя, в надежде не издать шума, осторожно поднялся, а после замаршировал к выходу. Он так и скажет старухе, что сестра застряла в стене и теперь плачет.

Однако же далеко идти, погода ужасно портится. С сестрой ведь ничего не случится, если он переждёт некоторое время, пока на улице ураган? И вообще не лучше ли найти родителей для этого дела? Мама, папа к ним не надо идти через дорогу. Не придётся что-то придумывать, волноваться, заикаться. Та старуха, она ведь так похожа на ведьму. Старая, морщинистая с недобрым взглядом. В такой тёмный

день она наверняка перевоплотится во что-то злое. Попытается затащить на кухню на свой зловещий обед.

Ветер усиливается, по своим тайным лазейкам проникает в дом, не пропускает ничего на своём пути. С комода падает, разбивается неустойчивая высокая ваза. Осколки кажутся по полу. Все шторы в коридоре высоко поднимаются, носятся по сторонам, мешают идти. Самое скверное в них, впрочем, не это. Теперь оглядываться и смотреть по сторонам стало гораздо сложнее. Всюду только эти кремовые тона и вышитые красной ниткой рисунки. Хаотичное движение штор подогревает ощущение присутствия посторонних. Они словно уже совсем рядом, стоят слева и справа, пробегают перед глазами и прямо за спиной.

Мальчик идёт в направлении входной двери, его шаг стал заметно быстрее и увереннее. Крепко сжаты кулаки, он точно знает, что ему делать. Через несколько шагов проходит мимо выхода на улицу. Не остановился и не посмотрел в сторону сомнений. Он всё-таки решил послушаться, поступить по своему усмотрению, направляется к комнате родителей, ведь это совсем недалеко. Нужно преодолеть всего лишь один коридор. Сейчас, когда на улице такой сильный ветер, даже опасно выходить из дому. Может упасть столб, может сдуть. Во время урагана нужно находиться за каменными стенами, прятаться под кроватью. Ищет себе верных оправданий мальчик.

Юнец движется по тёмному коридору, наступает на длин-

ный простеленный от порога до порога ковёр. Впереди ему видна дверь комнаты родителей. Сейчас она закрыта, никак мама и папа тоже спрячутся от урагана. А ведь слева за стеной тоже расположен коридор. Они два идут параллельно друг другу. Точные близнецы, что равны по длине и ширине. Единственное, берут начало в разных частях дома. И сейчас в том зеркальном коридоре гремит и звенит железо, скрипит и трещит паркет и слышится постоянно повторяющийся звук, как будто шлёпают по сырости мокрые босые ноги. Поток шума перемещается навстречу мальчику. Если юнец идёт вглубь дома, то, что за стенкой, ползёт из недр здания.

Дитя Андерсум смотрит на стену, отделяющую его от происходящего в другом коридоре и видит, как дрожат висящие на стене картины и украшения. Его босые ноги не хуже стен ощущают вибрацию. У измученного болезнью мальчика плохо получается думать. Понять происходящего вокруг он никак не может. Но кто там шлёпает ногами? Почему их так много? Откуда пришли? Кто их звал? Кто разрешил? Кто все они? И куда идут?

Но вот он наконец и добрался до спальни родителей, заваливается внутрь, не закрывая за собой дверь. За стенами никто не готовил вечер встреч. Ох, почему сегодня всё такое страшное и незнакомое. Комната родителей преобразилась в темноте, она перестала одаривать посетителей красотой и уютом. Недавний ремонт и обновлённая мебель потеряли свою прилежность с уходом света. Белый потолок стал

серым, обои обесцветились, пол растворился в тени. Теперь вещи еле различимы, смешались в одну массу, из которой сложно что-либо вычленишь. Последним ориентиром остаётся стоящая по центру кровать. Пучок блёклого сумеречного света касается подушек. Одеяло сползло до самого пола.

А что с запахом. Пахнет сыростью. Но только слово сырость не совсем подходящее. В действительности запах гораздо хуже. Мальчик проходит вглубь комнаты и ощущает босыми стопами, что постеленный на полу ковёр мокрый. Пропитанный. Водичка выдавливается из ткани.

Стопы мальчика, он поднимает и смотрит сперва на левую, затем и на правую, окрасились в какой-то цвет. Из-за темноты непонятно какой конкретно оттенок. И не ковёр один стал жертвой и свидетелем экспериментом. Пол, покрытый длинными разводами, стал скользкий и гадкий. Жидкость, что разлилась, холодная, и скопилась она в маленькие лужицы, местами начала загустевать и высыхать. Много пролилось сока, ответственный за потоп изнывал от жажды. Забрызгал мебель и стены.

– Мама... папа... – позвал мальчик нерешительно.

Но их ведь не может быть здесь. Они же не попрятались по шкафам? Ему никто не отвечает, его никто не слышит. Никто не ждёт. Никто не звал...

Мальчик все равно в опустевшей комнате ищет родителей, начинает осматриваться. Шкаф, откуда вывалилась одежда. Комод с открытыми ящиками. Видимо, искали уже

тут кого-то. Где же вы спрятались? Оглянулся. Справа у двери у самой стены стоят три его внимательных свидетеля. Вешалки, две из них неприлично голые, не под стать мероприятию поставлены они здесь без одежд. Про последнюю того уже не скажешь, она наряжена как королева. Разве только королева не будет накидывать на себя столько грязных курток.

Здесь в чёрной окровавленной комнате гораздо больше действующих лиц, чем может показаться на первый взгляд. Они просто скромны и застенчивы. Мальчик в умирающем свете завешенных окон замечает, что под кроватью кто-то лежит. Трусишка решивший остаться незамеченным под одеялом. Эта внимательность вызывает первую дрожь. С ним всё время в комнате действительно кто-то есть. Мальчик ведь чувствовал чужой взгляд упирающийся в спину. Как оказывается этот взгляд поднимался снизу-вверх. Неизвестный не отвечает на зов и в целом предпочитает не высываться из-под кровати. Ему не хочется разговоров. Он спит в луже крови или хочет выглядеть спящим.

Но это человек. Впрочем, подобное знание не дают мальчику достаточной уверенности для того, чтобы к незнакомцу подойти. Руку пожать. Чьи-то пальцы торчат из-под лежащего на полу одеяла. Ухоженные с красивым розовым маникюром женские пальчики зовут под кровать. Почему-то только они белые как свежо стиранная простынь. Безразличные, плавают в луже, им все равно на внимание юнца.

– Мама? – мальчику торчащая часть руки показалась зна-

комой. Той, что часто расчёсывала ему волосы, что гладила его по щекам, и что он крепко сжимал перед сном. С ничьими другими не спутаешь.

Дитя Андерсум медленно подходит, наклоняясь к кровати. Она же не напугает его резким выпадом? Она ведь не хочет его напугать? Она же любит его!.. В один момент стук из коридора заставляют оглянуться, мальчик ненадолго отведёт взгляд от пальцев на открытую дверь. Шум гуляет по дому. Как бы он не заглянул сюда через распахнутую дверь. Выбравшийся из коридора, звон металла ищет себе препятствие на пути. Взволнованный красотой руки, мальчик вновь ползёт к ней на четвереньках. Уже в непосредственной близости к её владениям встаёт на колени. Жидкость, в которой он искупал стопы, оближет новые участки кожи, будь то бёдра, лодыжки и колени.

– Мамочка, ты что спряталась? – пропищал, сперва просто коснулся руки. А она холодная как лёд. И не реагирует она на его тёплые пальчики, настолько остыла, что и всего тепла юнца не хватит, чтобы напитать её жизнью.

Начал пальцами упираться в ледяную кожу и легонько толкать, как будто пытаясь разбудить. Она так безразлично. Она крепко спит, её не разбудить.

– Мам... мам... – зовёт. – Вылезай ну же.

Никак ей все равно, а мальчик берётся поднимать чужую руку. Когда та отказывается следовать за ним и показывает ему свои синяки и ссадины, юнец, больше не раздумывая,

задирает мешающееся одеяло.

Взволнованное лицо мальчика встретило другое... полное первобытного ужаса. Оно чужое, несмотря на то что на себе собрало все знакомые черты. Нос, уши, волосы – они его встречают ласковыми воспоминаниями. Глаза же и губы плюются кровью, вырванными зубами и отрезанным языком. Её милое лицо стало разделочной доской для кухонного ножа. Мерзкий мясник срезал с неё даже веки, вместо глаз оставил кровавое желе для холодца.

Бросив руку измученного мертвеца, мальчик вскочил на ноги, закричал. Отпрыгнул. Не устояв на подкосившихся ногах, отшатнулся назад. Он и не заметил, как уткнулся в стену, начал метаться то вправо, то влево. Пытается выбраться, но выход не находится. Никак стены сомкнулись, двери закрылись. Он то громко рыдает, то кричит. Пальцами рук впился в кожу лица, оттягивает щёки. Из краснеющих глаз забрызгали слёзы.

Одеяло вновь сползает на пол.

Запах смерти распространяется по дому. И вот тут совсем рядом ожила вешалка, зашевелилась куча белья на ней, начали дёргаться крючки, стучаться друг о друга молнии и пуговицы. Гладкие плащи и кожаные куртки в недостатке света преобразились в подобие содранных шкур. Полетели в разные стороны рукава, врезаются в светильники, сбивают мелочь с комодов, стегают по стенам, сдирая обои. А самые удачливые достают до лица мальчика, лупят по щекам,

оставляя красные полосы на коже. Один удар молнией куртки по глазам, и потоком побежали слёзы. Следом за вихрем одежды показались крупные руки с мощными мышцами. Ладони у него размером с голову, пальцы толстые как трубы. Руки вслепую пытаются кого-нибудь кричащего схватить.

Вместе с этим из глубины вешалки слышится продолжительный утомлённый стон, перетекающий в рёв.

Одежда сыпется вниз, оно стряхивает с себя мешающий груз, всё заслоняет. Мальчик прикусил язык, начал хныкать. Спускается на корточки, забивается в самый угол, защищает себя руками от летящей одежды. Увы, относительное затишье уже не успокаивает вешалку, она носится по спальне. Дитя Андерсум ничего не успевает различать среди тряпок, только сильнее вжимается в стену. Наблюдает за происходящим через свои пальцы, закрывающие лицо.

В момент, когда нечто с одеждой отскочило в другую часть комнаты, мальчик заметил входную дверь. Выход оказывается к нему совсем близко, гораздо ближе, чем тварь. Юнцу было сложно оторваться от угла, его шокировало. Но он ведь хочет убежать от кошмара. Мальчик рванулся к выходу с отчаянным криком.

На этот страшный зов отреагировало нечто ужасное, в сей момент ожившая вешалка стояла упёршись в стену. Тут... одежда раздвигается, поднимаются шляпы и шапки, кепки и фуражки, и в образовавшейся дыре показывается маленькая серая голова и чёрные глаза. Они не без интереса смотрят.

По полу скользит, рвётся наружу маленький человечек, он, словно один из грызунов, что забирается в карманы, только покрупнее, бежит, падает и ползёт на всех четырёх конечностях.

Кажется, тряпки голодны. Вешалка наклонилась, крепкие руки, цепляясь за пол, начали перебираться к выходу вслед за юнцом. Быстро и, невзирая на всю свою массу, проворно. Каждое движение порождает до предела громкое трение разорванной верхней одежды. Куртки и несутся следом как слезшая омертвевшая кожа.

Мальчик поскользнулся, упал на колени, в сей же миг подвернулась стопа, уколола резкая боль. Влиянием одного только ужаса продолжает отталкиваться и тянуться вперёд. К нему со страшным гулом приближается огромная масса, она в одном шаге, к счастью и ей больше не удаётся двигаться устойчиво, разъезжаются на сыром полу мокрые лапы твари. Юнец, вновь и вновь проскальзывая, кое-как заскочил в дверной проём. Серая конечность из крепких мышц прямо за спиной, тварь сделала стремительный рывок. Связки резко вытянулись, ладони, готовые к новым пленительным объёмам, распахнулись. И пальцы томительно дрожат.

Не успела. Спотыкаясь и падая крохотный мальчик ринулся дальше по коридору. Вешалка налетела на проём, упёрлась в слишком узкую для неё щель. Много навешала. Тварь старается хвататься за стены, пытается отталкиваться, куртки под её напором рвутся и тянутся. Швы расходятся,

ткани лопаются, но все равно не пропускают, лишь летят во все стороны оторванные пуговицы.

Юнец бежит изо всех сил, сбившееся дыхание хрипит. Вслед прилетела чёрная фуражка, слегка коснулась головы, и, не удержавшись, соскочила вниз. Невзирая ни на что, испуганный беглец несётся дальше. Мало чего осознаёт. Рванулся к единственному оставшемуся у него пути спасения. Нет никакого другого варианта, как покинуть дом, который стал обителью ужаса.

Сестра? Страх заставляет думать только о сохранении собственной жизни, ради семьи ему нужно вырваться из ловушки, избежать мучительных истязаний. Он не сможет помочь сестре сам. Нужно искать помощь. Он слишком слаб и напуган. Она же взаперти за толстой железной дверью, куда не пробраться. Оставшимся в доме грозит трагическая судьба. Её будут ждать муки и страдания, но он не сможет этому помешать. И должен принять её жертву и боль. Она ведь старшая... Когти чудовища последуют за ним, мальчик должен быстро бежать и не останавливаться.

В доме уже не у кого искать защиты. Изуродованное лицо матери навечно отпечатается в его сознание и голове, ему больше никогда не вспомнить её красоты. В каждом воспоминании она будет являться к нему с отрезанными губами и лопнувшими глазами.

Юнец распахнул дверь, выскочил на улицу. Его встречает плотное облако пыли. Частицы песка и грязи ударяются

о тело. Осыпают с ног до головы, забираются за ворот пижамы. Набравший силу ветер трепет одежду и волосы. Мальчик больше не сможет бежать, большим везением будет просто идти. Ничего перед собой не видит. Передвигает ноги исключительно по запомнившейся тропинке. Жадная до крови стихия желает загнать обратно в дом. Она и сама голодная гадюка, которая готова удушить своими плотными объятьями.

Перед лицом показались ворота, мальчик что есть силы берётся дёргать за прутья. Однако же замок и крепкие цепи не дадут воротам открыться. И ребёнку явно не под силу разорвать их стальную хватку.

Упорство же сбивает дыхание. Пыль попадает в глаза и раскрытый рот, мальчик тяжело дышит, в моменты, что приходят к нему всё чаще, хрипло кашляет. Задирает голову в надежде найти место, где можно перелезть. Но и там похоже выхода нет. Путь ворот заканчиваются заострёнными наконечниками, похожими на стрелы. Кузнец перестарался, сделал их слишком острыми. Мальчик разрежет себе ноги, если попытается забраться.

Тогда юнец пошёл вдоль забора. Изгородь станет его новым ориентиром в пыльной мгле. Стоит шагнуть в сторону, и он навсегда потеряется в стихии. Уже тогда про него будут рассказывать, как про мальчика, которого забрал ураган. Ничего на расстоянии пары шагов неразлично. Есть ли тут кто-то кроме него самого? Пойдёт ли за ним в бурю тварь?

Найдёт ли она его здесь? Остаются ли в следах пыли отпечатки ног? Хочется остановиться, упасть и прижаться к земле, растворившись в песке. Страх иссушает все силы, ветер с песком ему верные союзники. За оградой досок собираются довольно большие кучи песка, вот ещё приходится ногами разгребать себе путь.

На следующем же шаге мальчику кажется, что его коснулся свет из конца туннеля. Справа в заборе показалась значительная дыра. Вырваны две или три доски. Через пробитый проход частично просматривается дорога, ведущая от дома. А ещё дальше виден свет в окнах. Это может быть только дом тёти Гретти. Самого здания не видно, оно в пасти бури. Проход довольно большой, юнец без труда пройдёт через эти ворота. Они словно ждут его. Уже открыты.

Путь кажется коротким, цель на ладони. Ещё один и такой незначительный рывок. Мальчик прыгнул в проход. Но выход оказался лишь чьей-то коварной ловушкой. Юнец зацепился за некую сеть, едва не рассёк лицо и ещё бы чуть-чуть и вырезал себе глаза. Пленник падает на землю. Какие-то тонкие незаметные нити обволакивает всё вокруг, не дают подняться.

Мальчик не понимает, что мешает ему двигаться. Тонкие струны совершенно не видны в облаке пыли. Их можно только ощущать своей кожей. Пытается подняться, но снова падает. Лески натягиваются. Они же очень крепки и очень остры. В попытках порвать их мальчик режет ладони, попробо-

вал даже перекусить, и теперь кровь заполняет рот, стекает по губам и подбородку. Острая боль вновь и вновь колет тело. После каждой попытки вырваться мальчик орошает землю всё новой порцией крови. Порез на языке, к нему же добавляются раны рук, секущие царапины на ногах. Одежда рвётся. Прорезая ткань, леска снова достигает кожи.

В голове помутнение, мальчик продолжает рваться вперёд, но лишь сильнее запутывается. Муха, пойманная пауком. Но выход совсем рядом, он ведь уже выбрался из дома, вылез через забор. Не может же с ним такое случится, он обязательно должен спастись. Но кажется выйти юнец сможет только небольшими частями.

Нити заплелись вокруг ноги, больно впиалась в кожу, мальчик собрался вскрикнуть, из-за наполненного кровью рта получилось только бульканье. Глубоко ранил пальцы, и все равно через раздирающие муки ползёт вперёд, ведь иначе они найдут его и заберут.

...

Тем временем в доме гостей стало гораздо больше, чем на самом громком празднике. Вот только все они незваные и несут отнюдь не подарки, собираются подать к столу кровь на пальцах, смерть в когтях. Повылезали из всех тёмных углов, своих укромных мест, подвалов и чердаков. Теперь толпятся в коридоре напротив окон.

Тусклый бордовый свет освещает их уродливые лица, несколько не тяготит. У всех человеческое начало, а у многих и

облик, но слово человек никогда не будет относиться к этой мерзости. Ублюдки... выродки... бесстрашные и безжалостные. Они никогда не побрезгают кровью, всегда пренебрежительны к чужой жизни. Их облик уродлив, но сущность ещё уродливее. Изнеможённая нечисть, поганое отребье, белые силуэты... *Бледные Лица.*

Теперь тварь, до сих пор скрывающаяся под вешалкой, открывает одну дверцу кладовки, другая мерзость из толпы с длинной как шланг шей в другую дверцу. Приглашают на выход то, что лезет из темноты. Явись... Она пробирается мимо стеллажей с одеждой, мимо полок с предметами досуга, коснулась двух теннисных ракеток, зацепила пару оставленных красных туфель.

К ужасу всего живого, вышло из кладовки порождение. Венец богомерзкой культуры. Багровый цвет озарил ужасное лицо ведьмы. У неё серая грубая облезшая кожа, которая не отражает свет. Плоть, покрытая десятками так и не затянувшихся шрамов, порезов и швов. Хищные узкие глаза расположены по обе стороны головы. Губы чёрные узкие поджатые. Щёки впалые. Нет ушных раковин. Творец издевался над ней, одарил её неправильными пропорциями тела. За спиной крупный горб. Руки опускаются ниже колен, длинные ноги постоянно подогнуты. Заострённые когти значительно больше самих пальцев. И с них всё течёт кровь. Перед выбравшейся ведьмой вся остальная мерзость отступает, разбредается в стороны. Она же, окрещённая сотней имён,

озирается.

С улицы донёлся беспомощный крик. Ведьма резко дёрнула головой в сторону, в жестоких глазах всё затмевает вечная злоба, не прочитав в них никакой другой эмоции, кроме как ненависть. Но определённо у неё ещё есть интерес к звукам и голосам живых. Ведьма поползла к ближайшему окну, перед ней трясутся и разлетаются по сторонам шторы, сами распахиваются ставни. А там среди вихрей пыли кричит от боли и воет человек. Столько под забором крови. Смешалась с грязью. Узкие ноздри чувят её тревожащий запах. Пыль не спрячет ничего.

Стеклянные глаза ведьмы, что обречены не моргать, смотрят в бурю и, кажется, видят они среди плотного ковра хаотично движущихся частиц значительно больше, чем способен увидеть человек. Без сомнений, даже самая крохотная капля её внимания будет стоять горьких кровавых слёз. Миг и, зазывая остальных, ведьма бросилась к входной двери, толпа мерзости одним потоком потянулась за ней. Сперва растекаются перед её поступью, затем обратно сбиваются в кучи за её спиной.

– Том? – протянул хриплый голос из подсобки. И как только он оказался громче их стонов и топота? Как только посмел звучать?

Ведьма остановилась на самом пороге, и орда прокажённых вместе с ней. Наталкиваются друг на друга, бьются в спины впереди стоящих, пихаются, этим тестом сложно

управлять. Оно очень инертное. Настежь раскрытая уличная дверь дрожит, рука нечисти не позволяет ей закрыться. Ведьма же оглянулась на чужой зов. Сестра зовёт брата, точно не её. Отсутствие ушных раковин не сказывается на слух ведьмы, она слышит всё, даже как там за толстым железом бьётся сердце, дрожит дыхание, рука касается кофты, волосы задевают стену. Слышит и то, как слеза скользит и трётся об щёку.

– Том? – звук оттуда же. Всклип.

Мерзость начала расступаться, создавая проход до подсобки. Десятки тонких ног одновременно поднимаются и опускаются, переступая с места на место. Деревянный пол не рассчитан на эту вонючую массу. Гору костей, тонны килограммов плоти. Под весом их потрохов доски прогибаются и скрипят.

Ведьма ринулась в образовавшийся коридор. Пронеслась мимо кривых уродливых лиц. Однако же очередные отчаянные крики с улицы вновь остановили в шаге от цели. Мальчишка продолжает резать себя, щедро угощая землю кровью. Длинные чёрные ногти застучали по двери подсобки, бестия принялась крутить головой, её башка неестественно выворачивается, шея закручивается почти на целый круг. Скалится. Губы приподнимаются, вылезают клыки. В остывающем воздухе повисли звуки шумного дыхания, заполнили пространство измученные стоны.

На время оставила, ведьма поползла назад. Твари вокруг

недовольно завыли и завизжали. Их грозные конечности судорожно дёргаются, нетерпеливо мотаются из стороны в сторону. Взмахи острых когтей, стук окаменевших кулаков. Лезвия, гвозди, цепи, шипы, пилы. Эта неторопливость обратительна для них. На лицах страшная усталость. Измучены ожиданием. Ведьма подобралась к центру комнаты, переводит взгляд из стороны в сторону.

– Кто?.. Кто здесь? – голос из закрытой комнаты.

– А... ам... – следом обезумевшие от боли вопли с улицы.

Ведьма вытянула вперёд окровавленный указательный палец, предъявила его полуслепым взорам остальных. Длинный чёрный коготь. Начала водить пальцем из стороны в сторону, указывая то на подсобку, то на окно. И, кажется, считает какую-то считалочку, порой ускоряет, порой замедляет темп. Вся остальная рать ждёт окончания счёта.

Аты-баты, или солдаты...

Аты-баты, на базар...

Аты-баты, что купили?

Аты-баты, самовар.

Аты-баты, сколько стоит?

Вряд ли эти слова звучали в чёрном уме, так или иначе счёт окончен, ни букв, ни цифр не осталось, палец остановился... указал на дверь подсобки. Безмолвный сигнал, но в другом они не нуждаются.

Потянулись своими кривыми руками, обхватили петли, схватились за стены. Послышался скрежет. Дверь крепка и

прочна, два бронированных листа, сорок два сварные швы, сто один болт, тридцать три штыря. Планки... рёбра... Но ей не устоять перед их чёрными сердцами. Дверь начала дрожать и уже понемногу сдавать. Оно куда сильнее. И вся толщина железа не остановит их жажду. Дверь мнётся, отлетает краска. Со стен и потолка на лысые головы падают куски старого цемента. Выскакивают кирпичи. В месте, где были замки, растёт сквозная щель. Толпу нечисти прячет опустившееся вместе с ломающейся кровлей облако пыли. Дальше рвутся со страшным треском запирающие механизмы, за ними лопаются пружины. Замки не настолько прочны, им не выиграть это противостояние. Летят искры от ломающихся штырей. Слышно, как расползается на части обшивка.

Окровавленный палец резко указал в противоположную сторону, ведьма ринулась на улицу, вся мерзость с небольшим отставанием последовала за ней.

...

Гретель крепко обхватила себя. Шепчет: "Не бойся. Не бойся. Не бойся. Тише". Слезы не перестают течь из глаз, и как-то так получается, что бежит сперва одна капля слева, затем вторая справа. Лицо, по крайней мере, уже не такое бледное, оно красное, особенно щёки, те и того горят. Ноги сложены друг под другом ужасно затекли и зудят. Девчонка легонько раскачивается из стороны в сторону. Слышит её голос и скрежет когтей! Она всё ближе, шепчет что-то через дверь.

Остальные покинули дом, и ведьма, и выбравшаяся из подвала мерзость. Здание освободилось от их присутствия. Осталась только та, что пряталась в мастерской, её криковое лицо один раз увидишь и никогда больше не забудешь. Сейчас гадина периодически заглядывает в образовавшийся проём между дверью и стенкой, демонстрирует какой-то Г-образный ключ. Гретель не отвечает тем же, не смотрит на ужасное лицо. Зелёные глаза девчонки приковывает пробивающийся через трещину в потолке бутон алой розы. Столько усилий стоило семечку прорваться через камень. Красивый цветок, рядом с ним зелёный росток, лепесток. Сильный цветок.

Душераздирающий вопль донёсся с улицы. Он будет кричать и кричать вновь. До него добрались. Никогда ему ещё не было так больно. А это только начало...

«Не бойся».

...